

ЧЕЛО

альманах

№ 1 [46] 2010

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

«СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ И МУЗАМ»

«...Выставка объединила очень разных художников. Это живописцы, графики, мастера декоративно-прикладного искусства. Среди них — титулованные профессионалы и самобытные авторы. Каждый привнёс свою краску в общую картину юбилейной экспозиции».

Статью Т.В. Володиной читайте
на стр. 36

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

- М.Б. Бессуднова* —
«Да узнает ваша мудрость...» 3
Э.В. Ильиченко —
«Политическое чудо, не знающее ничего похожего
в истории» 9
Г.К. Маркина —
Письма митрополиту Иову 14
Л.А. Секретарь —
Выпускники Новгородской духовной семинарии
на службе в гражданских ведомствах 18

эхо

- И.Д. Савинова* —
«Всё для фронта, всё для Победы!» 23
С.Ф. Витушкин —
Всем Ивановым Новгородским — в День Победы! 30

архив

- Т.А. Данько* —
Послевоенная библиотека 33

вернисаж

- Т.В. Володина* —
«Служить Отечеству и музам» 36

слово

- Л.А. Филиппова* —
«Неужели вы помните войну?» 46
Ю.А. Симонов —
Сорок второй 50
Л.В. Антонова —
Станция Батецкая 55

кафедра

- М.М. Сафонов* —
Рюрик, Бонапарт, Карамзин 60
В.М. Семёнов —
Деревни старообрядцев-федосеевцев
в Чудовском районе 63
М.Ю. Данков —
Любимая яхта царя Петра 67

мастера

- В.В. Тимофеев* —
«...Гражданству к пользе» 77
Е.М. Кононова —
Традиции русского ювелирного искусства 81
В.И. Ярыш —
Ремесленное ученичество в крестьянской среде 86

зыбка

- М.К. Кулиничева* —
Серебряный огонь 92

	имена	
<i>А.В. Конивец</i> —		
Неразгаданные загадки		94
<i>Стелла Севандер</i> —		
Подарок судьбы		97
	перо	
<i>А.А. Ляшко</i> —		
Стихи		99
<i>Т.Н. Алексеева</i> —		
Капа		100
<i>В.И. Ромашова</i> —		
О жизни деревенской		103
<i>Я.Е. Егоров</i> —		
Отец Матвей		103
<i>Галина Дудко</i> —		
Стихи		111
	exlibris	
<i>Н.И. Морылёва</i> —		
Три «блокадных» книги		112
<i>Тереза Мареш</i> —		
Новгородский сюжет		114

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)

Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Поветкин В.И.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

«ДА УЗНАЕТ ВАША МУДРОСТЬ...»

Письмо любекского купца Иоганна фон Ункеля
в Ревель. Год 1494

В июне 1494 г. ратманы Ревеля (Таллинна) были не на шутку встревожены сведениями, которые получили из Новгорода, вот уже более 15 лет пребывавшего под властью великого князя Московского Ивана III Васильевича (1462—1505). Любекский купец Иоганн фон Ункель, один из многих ганзейских «новгородских гостей», которые со своими товарами следовали через их город к берегам Волхова, прислал с оказией письмо, написанное им 29 мая 1494 г. на новгородском Немецком подворье. В нём он извещал ревельские власти о слухах, распространившихся среди обитателей подворья, надо предполагать — после открытия весенней навигации и прибытия в Новгород всё новых и новых купцов из городов «заморской» Ганзы. Содержание этого письма, ныне хранящегося в Таллиннском городском архиве¹, столь интересно, что имеет смысл привести его полностью, опустив для краткости лишь приветствия.

«Да узнает Ваша мудрость, что скоро прибудет к вам из Любека один человек по имени Ворфоломей Готан, который тайно отправился в путь и себя оторвал от благословенного города Любека; он уехал сам и взял с собой в путь много благочестивых людей, и среди них Германа Дорзо, Генриха Бастерауфа, Ганса Пабста, Ганса Буссо и помимо них еще многих других благочестивых людей. Этот самый Ворфоломей душой и телом предался великому князю Московскому и епископу Новгородскому на весь срок своей жизни и доставил с собой трех или четырех служителей, которых он хочет таким же образом погубить и совершить. В присутствии мастера Николая Бюлова из Любека и моего брата Эверта я держал в руках и читал письма, на которых стояла его печать. Он помогал греку Мануилу вербовать корабелов, которые умеют строить галеры (galleon), итальянцев из Венеции, и одного человека, который умеет днем и ночью в море проходить по 6–8 миль пути и уничтожать огнем корабли на воде в ночное время. Кроме того, я тайно узнал на епископском подворье и на подворье воеводы (hovetman) Якова [Захарыча Кошкина], что великий князь хочет по всей Ливонии деревни предать огню, бедный люд угнать в полон, а после чего [подвергнуть нападению] города один за другим. Для того он и хочет отдать приказ о строительстве галер, чтобы можно было плыть под парусами и по ветру и против ветра, и с галеонами он

это, вероятно, сумеет сделать; и он желает также таким образом добиться господства на море, чтобы вы не могли получать помощь. Кроме того, меня заботит то, что следует опасаться, как бы у вас, не приведи Господь, не появился опасный сосед в лице короля Дании. В связи с этим вам следует взять и содержать у себя под охраной [этого] человека [Готана] и дать знать об этом почтенному городу Любеку: он должен вам написать в ответ, как вам поступить с этим искусителем христиан. Проследите также, чтобы грек Мануил не обманул бы вас в ваших делах, как он должен делать, ведь грекам нельзя доверять: они предали свою собственную страну [Византию] и были изгнаны оттуда. Я могу о том говорить, ведь я был в их стране. Поэтому, ваша мудрость, будьте настороже и молитесь Всемогущего Бога, чтобы он в будущем не допустил подобного злодейства»².

Фрагмент страницы из книги *Missale Aboense* (1488), напечатанной Б. Готаном.
Вверху слева герб Готана с его инициалами

Содержание письма Ункеля на протяжении многих лет служит отечественным исследователям в качестве неоспоримого доказательства двух принципиально важных положений: 1) о намерениях Ивана III создать флот и, предвзято деяния своего дальнего преемника, «ногою твёрдой стать при море», а также 2) о недружественной политике, которую проводили в отношении русских земель

ливонские власти, не желавшие укрепления Российского государства, а потому чинившие препоны его экономическому и политическому развитию. Оба эти положения органично вписаны в концепцию разрешения московскими государями XV–XVI вв. «балтийского вопроса», которое обеспечивало молодому Российскому государству оптимальные условия для развития русской торговли на Балтике и вместе с тем для роста его международного престижа на европейском уровне³. Подобная установка возникла в условиях динамичного экономического развития пореформенной России рубежа XIX–XX вв., чтобы затем в рамках советской историографии пополнить арсенал средств идеологического противостояния Советского Союза государствам из противного, «буржуазного» лагеря. Опираясь, главным образом, на русский материал, российские исследователи крайне небрежно относились и относятся к комплексу ливонских и ганзейских источников XV–XVI вв., произвольно извлекая из них фрагменты и интерпретируя их содержание вне конкретно-исторического контекста.

Так дело обстоит и с письмом Ункеля, содержание которого следует оценивать лишь на фоне всего того, что происходило тогда в рамках русско-ливонских и русско-ганзейских отношений. В начале 90-х гг. XV в. эти отношения развивались в обстановке спокойствия и стабильности и были гарантированы благосклонным отношением Ивана III, в то время искавшего близких контактов с императором Священной Римской империи Фридрихом III и его сыном Максимилианом Габсбургом. Переговоры с ними заставляли великого князя учитывать мнение европейцев как о себе самом, так и о своей политике⁴, а кроме того, сохранять доступ к «ливонскому коридору», протянувшемуся от пограничной Нарвы до Ревеля, по которому его посольства могли следовать в Европу, минуя опасные для них владения польско-литовских Ягеллонов. По тому же пути во владения великого князя попадали столь нужные ему западноевропейские товары — вооружение, стратегическое сырьё, серебро и боевые кони, — а также оружейники, зодчие, рудознаты и прочие мастера, которые находили себе применение на службе московскому государю. Нуждаясь в нейтралитете ливонских государей (ландсгерров) и добром отношении ливонских городов, Иван III, имевший смутные представления о механизмах международного товарообмена и его правовой базе, после своего воцарения в «своей отчине Великом Новгороде» не стал покушаться на «старину» и даже утвердил её своей «золотой грамотой» 1478 г. В соответствии с русско-ливонским торговым миром 1487 г. была восстановлена деятельность новгородской конторы Ганзы (Немецкого подворья), закрытой в 1478 г. С 1490 г. между великим князем и руководством Ливонского ордена шли переговоры о продлении мирного договора, подписанного в 1481 г. после окончания русско-ливонской войны 1480—1481 гг., которые весной 1493 г. успешно завершились подписанием мирных соглашений ордена с Новгородом и Псковом.

Но даже в период относительного благополучия иноземных купцов, приезжавших тогда в Новгород по торговым делам, не покидало чувство тревоги. Слова о шатком мостике, способном рухнуть в бурный поток от малейшей перегрузки, которыми кто-то из ревельских ратманов охарактеризовал торговый мир 1487 г.⁵, многим тогда, думается, не давали покоя. В разгар восстановительных работ на Немецком подворье ревельские ратманы с горечью писали в Дерпт (Тарту), что *«даже если подворье и будет задумано обычной величины, купцов, как в старину, там не соберется»*⁶. Пессимистичный прогноз оправдался, и спустя полгода, в начале весны 1490 года, те же ревельцы вынуждены были констатировать: *«...торговля в настоящее время все слабеет и является обременительной»*⁷.

Стремясь понять суть происходивших перемен, которые заметным образом деформировали старинные устои русско-ганзейской торговли, граждане ганзейских городов и, в первую очередь — ливонцы, всю полноту ответственности за неприятные для них изменения возлагали на великого князя Ивана III, государя, для них непонятного и неприятного, — «тирана», одним словом. В негативном восприятии ганзейцами личности великого князя отразилась известная настороженность западноевропейцев в отношении «москвитов», которая предопределялась как существенной разницей общественного развития Московской Руси и католической Европы, так и скудостью информации о них в ганзейских городах. «Низовые» русские

земли вкупе с Москвой испокон веков осуществляли свои связи с Западной Европой исключительно при посредничестве Новгорода и Пскова, из-за чего ливонцам и заморским «гостям», прекрасно изучившим нравы и обычаи новгородцев и псковичей, обитатели далёкой Московии оставались незнакомыми и, как следствие, представлялись потенциально опасными.

Что же касается оценок политики великого князя, то ганзейцам она представлялась пагубной уже потому, что сопровождалась последовательным разрушением новгородско-ганзейской «старины», т.е. комплекса экономических и политико-правовых условий, которые из века в век обеспечивали функционирование русско-ганзейской торговли⁸. Действие этого деструктивного механизма, который был запущен вскоре после присоединения Новгорода к Московскому государству, предопределялось как отсутствием у новой новгородской администрации опыта международного делового общения, так и реализацией великокняжеской «программы» подгонки весьма своеобразных новгородских общественных структур к московскому «стандарту». Процесс, как и следовало ожидать, оказался для Новгорода и новгородцев крайне болезненным, но не менее тяжкими испытаниями он обернулся и для тесно связанных с ними ганзейцев, в первую очередь, граждан ливонских городов. По-другому и быть не могло, поскольку многие из особенностей новгородского жизненного уклада, против которого ополчился великий князь, предопределялись интенсивностью и разнообразием новгородско-ганзейских контактов.

В зоне самого пристального внимания великого князя оказалась возникшая на базе обычая «старина», которая исключала присутствие его монаршей воли и уже потому подлежала видоизменению. При разработке условий нового торгового договора Иван III потребовал от ганзейской стороны признать своё обращение к нему «челобитием», что подчёркивало качественное изменение русско-ганзейских и русско-ливонских отношений, откуда изымался принцип равенства и равноправия договаривающихся сторон, замещаемый отныне принципом государева всевластия. Требование обеспечить безопасность подданных великого князя во время их плаваний по Балтийскому морю, предъявленное Иваном III ливонским городам, и новый, уравнилительный порядок распределения спасённых во время кораблекрушения купеческих товаров, противоречили традиционной установке «каждый сам несёт свой убыток» и могли — одно из-за сложностей в его реализации ливонской стороной, второе в силу расхождения с ганзейскими правовыми нормами — в любой момент создать кризисную ситуацию и спровоцировать конфликт⁹.

Подписание в 1487 г. торгового мира поэтому не привнесло стабильности в русско-ганзейские торговые отношения. Вскоре после этого события новгородские власти стали произвольно нарушать традиционный порядок торговли мёдом и солью, да к тому же вследствие массовой депортации из Новгорода богатых купцов и именитых бояр, имевшей место в 1488—1489 гг., резко сократилась та социальная среда, от которой зависело успешное развитие новгородской торговли со странами Западной Европы. Новые люди, прибывшие в Новгород по повелению великого князя из «низовых» земель, не имели ни капиталов, ни деловых контактов, ни опыта, необходимых для ведения торговли в тех масштабах, к которым привыкли ганзейцы.

При таких обстоятельствах становится ясно, почему ливонским и «заморским» немцам даже в периоды политической стагнации не составляло труда поверить в наличие у Ивана III неких скрытых коварных замыслов и из раза в раз напоминать друг другу о том, что «великому князю нельзя верить». При этом надо обязательно учитывать, что после присоединения Новгорода к Москве и утраты русско-ливонскими отношениями своей изначальной публичности, основными источниками сведений, которыми пользовались ганзейцы, стали, главным образом, личный опыт — а он, как следует из вышесказанного, в основном был негативный, — и сопровождающиеся пересудами слухи.

Отсутствие доверия к политике Ивана III в ливонских землях существенным образом подпитывало приверженность граждан городов к «старине», которая воспринималась ими как панацея от осложнений в торговых делах. Особо значимой в этом отношении оказалась линия поведения руководства Ревеля, которое в условиях наступления новгородской администрации на «старину» заняло оборонительную позицию и, как подобает ревнителям старинных обычаев, не было склонно к компромиссам. Неуступчивость ревельского руководства и его демонстративное намерение не отступать от предписаний «старины», надо заметить, отнюдь не помогали разрешению русско-ганзейских противоречий, а лишь усугубляли их, вызывая недовольство не только великого князя, но и руководства Ганзы в Любеке¹⁰, которое, как и ливонский магистр Иоганн Фрайтаг, во всех конфликтных ситуациях было склонно к поиску компромиссных решений¹¹.

В истории довольно часто бывает, что на возникновение того или иного событийного ряда оказывают воздействие обстоятельства, не имеющие к нему, на первый взгляд, никакого отношения. Так обстояло дело и с русско-ливонскими отношениями, развитие которых в конце XV в. оказалось в тесной зависимости от европейской «большой политики». В 1489—1492 гг. Иван III возлагал огромные надежды на заключение военного и династического союза с германским королём Максимилианом Габсбургом, что позволяло ему закрепить за собой одно из самых престижных мест в иерархии европейских государей, однако сын императора Священной Римской империи в конце 1491 и 1492 гг. довольно бесцеремонно отказался от этого проекта¹². Поведение Максимилиана не могло не оскорбить такого амбициозного государя, каким был Иван III, тем более что оскорбление касалось не просто его самого, а Божественного промысла, который, по представлениям этого государя, направлял его монаршую волю.

Вот почему осенью 1493 г., когда переговорный процесс с Габсбургами закончился для Ивана III полным провалом, великий князь в корне изменил своё отношение к ганзейцам, которых на Москве считали «поддержавниками» (подданными) германского «кесаря». В ганзейской переписке вновь замелькали сообщения о притеснениях немецких купцов в Новгороде. Обстановка ухудшилась настолько, что зимой 1493—1494 гг. ревельские власти посчитали целесообразным на случай возможного конфликта с Москвой заручиться содействием Ганзы и направили в Любек ратмана Иоганна Геллинкхузена, чтобы тот обрисовал вендским городам всю серьёзность создавшегося положения и просил у них помощи. Любекский совет нашёл доклад Геллинкхузена обоснованным и

направил магистратам всех вендских городов приглашение на ганзетаг, который должен был состояться в Любеке 13 марта 1494 года, чтобы там разработать программу нормализации русско-ганзейских отношений. До этого момента ливонским городам предоставлялось право самим определять характер своей позиции в отношениях с великим князем и его новгородскими наместниками, а если случится возможность, самим начать с ними переговоры от имени всего Ганзейского союза¹³.

Благосклонность Ивана III, к которой ливонские города успели привыкнуть за последние годы, заставляла их предполагать, что напасти, которые в последнее время обрушились на ганзейцев в Новгороде, явились следствием злоупотреблений новгородских властей и могут быть устранены повелением великого князя. В апреле 1494 г. ревельский совет предложил ратманам Дерпта направить в Москву полномочное посольство и от имени всех ганзейских городов, как ливонских, так и «заморских», просить Ивана III о содействии в устранении нарушения торгового мира 1487 г., совершаемых в Новгороде¹⁴. В ходе работы совещания представителей ливонских городов, состоявшегося 7 мая 1494 г. в эстонском городе Ваве, проект посольства ко двору великого князя Московского получил окончательное одобрение¹⁵. 25 мая 1494 г. Бременский ганзетаг, со своей стороны, ещё раз подтвердил полномочия ливонских послов и их право выступать от имени всей Ганзы, а чтобы придать этому посольству больше веса, постановил временно ограничить торговлю с землями, подвластными великому князю, вплоть до разрешения русско-ганзейских противоречий¹⁶.

В мае 1494 г., когда ганзейские города обсуждали возможность проведения прямых переговоров с Иваном III и решали организационные вопросы по его подготовке, напряжённость русско-ганзейских и русско-ливонских отношений продолжала возрастать. В нашем распоряжении имеются письма, направленные в мае 1494 г. в Ревель и Дерпт купцами, жившими в то время на Немецком подворье в Новгороде, где говорится, что новгородские власти вновь принялись ущемлять их привилегии. Авторы писем просили своих корреспондентов воздействовать на руководство Ганзы и заставить его принять меры по защите ганзейских интересов, предупреждая, что в противном случае Ганза потеряет свою новгородскую контору¹⁷.

Именно в это время в Ревеле и появились московские послы Мануил и Дмитрий Ралева, которые в мае 1493 года были отправлены Иваном III в Италию, а теперь, следуя по хорошо знакомому пути, возвращались в Москву через этот ливонский город. Миссия посольства предполагала, помимо прочего, приглашение на службу великому князю Московскому западноевропейских мастеров, что и отражено в приведённом выше письме Иоганна фон Ункеля. В нём, в частности, упоминается «грек Мануил, который, будучи в Любеке, пригласил на службу печатника Варфоломея Готана и его помощников.

Это одно из немногих свидетельств пребывания в России этого представителя славной плеяды «пионеров» европейского книгопечатания. К сожалению, о его жизни и деятельности вообще мало что известно. Мы знаем только то, что основанные им типографии находились в его родном Магдебурге, а также в Любеке и Стокгольме. Готан принял предложение русского посла, хотя по приезде в Новгород в русскую столицу не поехал, а остался в окружении архиепископа Новгородского Геннадия

(Гонзова), известного своей образованностью и той большой ролью, которую он сыграл в развитии новгородской культуры рубежа XV—XVI вв. Сюда в Новгород Готан привёз отпечатанный им в Любеке «Диалог между Жизнью и Смертью», который вскоре был переведён на русский язык и превратился в одно из наиболее популярных переводных изданий Московской Руси¹⁸.

Ункель, поведавший об обстоятельствах приезда Готана в Россию, сослужил нам немалую службу, раскрыв ещё одну сторону деятельности типографа, который в преддверии своего отъезда в далёкую Россию немало содействовал русским послам в деле вербовки специалистов, которые должны были также отправиться в Москву к великокняжескому двору. Нельзя сказать, что своим усердием в этом деле Готан снискал одобрение соотечественников — для них он, говоря словами Ункеля, остался «обольстителем», или «искусителем», который своими действиями может существенно навредить гражданам ганзейских городов. По этой причине автор процитированного выше письма просит городской совет Ревеля перехватить Готана, когда тот будет следовать через их город в Россию, а также пресечь пагубную деятельность московских послов и, в первую очередь, «грека Мануила».

Особую обеспокоенность Иоганна фон Ункеля, представлявшего собой многоликую массу ганзейских «новгородских гостей», вызвало появление на московской службе корабелов и шкиперов высокого класса, способных обеспечить строительство морских судов («галеонов»), превосходящих по техническим показателям ганзейские корабли. Любекский купец настаивает на достоверности предоставленных ему сведений, и у нас нет оснований ему не верить. Однако мы не располагаем ни одним свидетельством о приезде мастеров корабельного дела в Москву, и уж тем более о постройке ими морских судов. Во всяком случае, близ основанного Иваном III Ивангорода, округа которого прекрасно просматривалась со стен и башен соседней Нарвы. Если бы там велось корабельное строительство, то и нарвский фогт, и городской совет не преминули бы отметить это в своих донесениях своему непосредственному начальнику, ливонскому магистру, но их волновал лишь факт строительства крепости в непосредственной близости от их города и появление там крупных воинских контингентов. Что касается кораблей, то в ливонской переписке упоминаются лишь парусно-вёсельные речные суда, лоды, подобные тем, что плавали по Чудскому озеру, Нарове, Даугаве (Дюне) и Эмайгги (Эмбаху) вплоть до начала XX в. На подобных же кораблях, построенных, скорее, в традициях новгородского «ушкуйничества», чем европейского кораблестроения, русскими людьми совершались речные и морские военные походы в 80–90-е гг. XV в. А уж о заморской торговле и говорить не приходится — русские купцы предпочитали везти товар за море на ганзейских коггах и шнеках¹⁹.

Возвращаясь к содержанию письма Ункеля, следует обратить внимание, что он, повествуя о перспективе появления у русских «галеонов», обеспокоен не обострением конкуренции с русским купечеством на европейском рынке, а потенциальной угрозой завоевания Иваном III Ливонии и городов «заморской» Ганзы. Используя современные знания о военно-политической обстановке в балтийском регионе на рубеже XV—XVI вв., опасения Ункеля иначе как абсурдными не назовёшь. Особенно завоевание русскими Северной Германии. Что же

касается ливонских государств, то их присоединение к Московскому государству в планы Ивана III также не входило — во всяком случае, до разрешения проблем с Казанью и Литвой. По этой причине ливонские земли в годы его правления ещё не считались частью великокняжеской «отчины», как это будет в середине XVI в., когда Иван IV Грозный разработает развёрнутый план военной экспансии против Ливонии.

Умозрительность предположений Ункеля бросается в глаза, а потому их нельзя воспринимать иначе, нежели как концентрированное выражение бытовавших в ганзейской среде слухов, которые передавали ощущения людей, пытавшихся при отсутствии достоверной информации интуитивно постичь суть перемен в русско-ливонских отношениях, однако мало в этом преуспели. Мало что зная о «московитах» и их государе, западноевропейцы были склонны сводить суть проблемы к порочности первых и тирании второго, а потому пребывали в напряжённом ожидании агрессии. В этой обстановке и зарождалась пресловутая теза о «русской угрозе», которая в силу сложившихся обстоятельств в конце 1490-х гг. прочно утвердилась в ганзейской переписке, а позже, благодаря историко-публицистическому сочинению, известному ныне как «Прекрасная история»²⁰, превратилась в устойчивый историографический штамп. Автор «Прекрасной истории» Кристиан Бомховер, будучи секретарём ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535), имел доступ к орденой документации и, возможно, держал в руках письмо Ункеля. Во всяком случае, пассаж о построении Иваном III кораблей и завоевании им ганзейских городов он повторил почти дословно²¹. Ну а уж из «Прекрасной истории» легенда о планах великого князя по покорению Балтики при помощи собственного флота перекочевала на страницы позднейших ливонских хроник, чтобы продолжить своё существование вплоть до наших дней.

Мы, меж тем, вновь возвращаемся к посланию Ункеля, чтобы проследить степень его воздействия на ревельский городской совет. Вняли ли ревельские ратманы предупреждениям Ункеля? Вряд ли. Во всяком случае, даже если оно и показалось им обоснованным, они не решились противодействовать московским послам, дабы не разгневать их грозного повелителя. Ралевых в Ревеле встречали радушно. Запись в расходной книге городского совета сообщает, что за счёт города им было выдано два бочонка пива, две бутылки романей («романа»), две бутылки «бастарда» и две бутылки мальвазии на общую сумму в шесть марок и два шиллинга²².

Радушие ревельцев было отнюдь не бескорыстно, — просто они решили воспользоваться оказией и обратиться к великому князю через его послов, которые должны были расположить своего государя к просьбам ганзейцев и тем самым облегчить задачу ливонского посольства, выезд которого в Москву ожидался со дня на день. Ревельские ратманы составили прошение для передачи новгородским наместникам и великому князю. Оно состояло из пяти пунктов, содержащих, предположительно, перечень притеснений, чинимых ганзейцам в Новгороде, а ещё два пункта Ралевым следовало передать великому князю устно²³. Им в сопровождение был предоставлен молодой купец Яспер Пеперзак, которому надлежало проводить послов до Новгорода, присутствовать на вручении ревельского прошения наместникам, а потом, получив ответ, вернуться в родной город.

Возможно, это делалось для подстраховки, и, как ревельцы потом убедились, для недоверия у них были основания. «После того как мы [...] приняли во внимание слова купца Немецкой Ганзы [Ункеля] о направляющемся в Новгород греке, посланце великого князя Московского, — сообщали они в Дерпт в 20-х числах июня, — мы послали [с ним] одного молодого служителя, чтобы по возвращении тот привез ответ; нас обнадежили торжественные клятвы и убедительные речи этих самых послов, но они повели себя по-другому, а не так как было. А молодой служащий возвратился из Новгорода назад без разрешения и без ответа, [поскольку] они хотели заставить его ехать с собой в Москву»²⁴.

Действия московских послов не вполне понятны. Зачем им было нужно обещать ревельскому рату (и даже, по видимому, весьма велеречиво) своё содействие при великокняжеском дворе, если уже по приезду в Новгород они стали действовать «по-другому», то есть во вред Ревелю? И с какой стати они стали принуждать сопровождавшего их ревельского купца ехать с ними до Москвы, да так, что тот спешно покинул Новгород, не выполнив возложенного на него поручения? В каком качестве они его собирались использовать? Если как источник информации, то какой? Если свидетеля или лжесвидетеля, то чего? Если заложника, то для каких целей? Любезность послов и расточаемые ими обещания ещё можно объяснить желанием получить от ревельских властей разрешение на проезд западных мастеров, набранных ими во время поездки в Европу, которых предлагал задержать в Ревеле Ункель. Возможно, речь шла о сделке, которая предусматривала получение такого разрешения в обмен на передачу великому князю прошения ревельцев — в конце концов, ведь Готан всё же оказался в России и поступил на службу к новгородскому «владыке». Да и в тоне вышеприведённого письма ревельцев яственно проступает горечь обманутых надежд. Но вот какая роль отводилась при этом Ясперу Пеперзаку — загадка, на которую весьма трудно найти ответ.

Единственный вывод, который сделали из всей этой истории ратманы Ревеля, был представлен ими в конце того же самого документа: «Наше мнение таково: следует при первой возможности посредством собственного посольства представить дело, и чем скорее, тем лучше»²⁵. Таким образом, было решено больше не доверяться посредникам и не медлить с отправкой в Москву собственного посольства²⁶, и в начале августа ратманы Готшалк Реммелинграде (Риммлинкграде) из Ревеля и Томас Шрове из Дерпта в качестве полномочных представителей ливонских городов и Немецкой Ганзы отправились в русскую столицу.

Между тем Мануил и Дмитрий Ралева, прибывшие в июне 1494 г. в Москву, стали жаловаться великому князю по поводу причинённых им в Ревеле «обид», которые Иван III использовал в качестве одного из поводов для проведения серии репрессивных акций, направленных против ганзейцев, начиная с крупного штрафа, выплаченного за «обиду» послов Готшалком Реммелинграде, и кончая закрытием Немецкого подворья в Новгороде 6 ноября 1494 г.²⁷ Следует заметить, что обиды, якобы причинённые московским послам в Ревеле, в свете сказанного представляются более чем сомнительными. Вспомним хотя бы, что ревельцы за свой счет выставили им большое количество дорогого заморского вина. Да и тот факт, что горожане обратились к ним просьбой замолвить за

них слово при дворе великого князя, также не вписывается в представление о серьёзных трениях, имевших место между ними. Кстати, сами ревельцы не нашли иного объяснения обвинениям в свой адрес, кроме предположения, что великокняжеские послы попросту растратили казённые деньги, а потом, чтобы избежать ответственности, заявили о грабеже²⁸. Вспомним также эпизод с ревельцем Яспером Пеперзаком, которого великокняжеские послы хотели заставить ехать с ними в Москву ещё в мае. Как знать, может, ему уже тогда была уготована роль ответчика за причинённые послам «обиды», которая потом в несколько изменившемся «сценарии» досталась ратману Реммелинграде?

Картина не будет полной, если мы не приведём ещё одного документа, имеющего отношение к затронутой теме. Речь идёт о письме верховного магистра Немецкого ордена Иоганна (Ганса) фон Тифена, адресованном главе имперского подразделения ордена Андреасу фон Грумбаху, в котором говорится следующее: «Надлежит позаботиться об оказании существенной помощи христианству на границах, поскольку не только один наш орден, но вся немецкая нация (*gantz Deutsche naciën*) терпит от русских ущерб и позор [...]. Они [русские] при посредничестве злонамеренных беглых немецких мастеров (*uerckmeister*) получили и приказали построить такие приспособления для военных нужд, о которых мы раньше и не слыхивали и не знали. [Ими] была отлита пушка, в три раза превышающая обычные размеры. Благодаря иштурмовым приспособлениям (*stigkczewge*), стенобитным машинам (*brechczewge*) и прочему, что только можно отнести к военным машинам (*czewge*), они имеют большую власть и богатство»²⁹.

В письме верховного магистра содержится указание на военно-техническое перевооружение русского войска, которое осуществлялось при участии иноземных мастеров-оружейников, «злонамеренных беглых немецких мастеров», как они названы в письме Тифена, и, можно добавить, благодаря закупкам европейского оружия, которое осуществлялось, в том числе и при посредничестве ливонских городов. В свете подобных фактов следует рассматривать и рекомендацию Иоганна фон Ункеля не пропускать в Россию немецких специалистов, которая в напряжённой обстановке разгоравшегося русско-ливонского конфликта и концентрации русских войск близ ливонской границы в конце лета 1494 г.³⁰, выглядела вполне оправданной.

Готовил ли Московский государь наступательную операцию вглубь ливонской территории, сказать трудно. На протяжении 15 лет, прошедших после присоединения Великого Новгорода к Московскому государству, отношения между ним и Ливонией балансировали на грани мира и войны. Шла болезненная «притирка» двух государств, наделённых ярко выраженными типологическими особенностями, которые ранее разделялись «буферным» пространством, Новгородской землёй, а теперь оказались на положении близких соседей. Оптимальным вариантом создания новой системы отношений при подобных обстоятельствах мог стать путь взаимных уступок и компромиссных решений, но, к сожалению, этого не случилось.

Немецкий историк П. Йоханзен очень метко назвал Ливонию «витриной», на которой Запад демонстрировал Руси всё, что он мог и желал ей предложить — заморские диковины, вооружение, новые приёмы фортификационного

и гражданского строительства, достижения западноевропейских мастеров разного профиля, книгопечатания, медицины, геологии, судостроения и т. п. Кроме того, она являлась «порогом» Европы, её преддверием, что для Ивана III, отправившего на рубеже 1480—1490-х гг. в Европу

не одно посольство, стало очевидным фактом. Сама Ливония ему была не нужна, но вот в качестве своеобразной демонстрационной площадки, где великий князь мог бы показывать католическому Западу своё могущество, она представляла для него определённый интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ TLA f. 230 1. B. L. 1.

² Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 (далее – LEKUB 2). Bd. 1. Riga, Moskau, 1900. № 2. S. 1–2.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен в пятнадцати книгах. М., 1960. Т. 3. С. 19–20; Форстен Г.В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в. М., 1952; Казакова Н.А. Русь и Ливония в 60–90-х гг. XV в. // Международные связи России до XVII в. Экономика, политика и культура: Сборник статей. М., 1961. С. 306–338; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980; Клейнберг И.Э. «Частные войны» отдельных новгородцев с Ганзой и Ливонией в XV веке // Новгородский исторический сборник. № 3 (13). Л., 1995. С. 68–74; Борисов Н. Иван III. М., 2006; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

⁴ Послы, которых Иван III отправлял в Европу, обязаны были содействовать распространению там доброй молвы о Московском государе. В Москве считались с тем, что послам великого князя в Ревеле и Любеке станут задавать вопросы по поводу условий ведения торговли в Новгороде, и на этот случай им давались соответствующие инструкции. Одна из них, датированная 6 мая 1492 г., сохранилась в составе «посольских книг». — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империей Римской. СПб., 1851. Ст. 94.

⁵ «Id is eyne brugge, daromme nicht to vele uplegge, se vellet anders int wather». – Hansisches Urkundenbuch. Hg. v. K. Höhlbaum. Bd. 11. Halle, Leipzig, München, Weimar, 1939 (далее – HUB). № 102, § 16. S. 72.

⁶ Письмо ревельского городского совета в Дерпт. 20 августа 1489 года. – HUB. Bd. 11. № 311. S. 227.

⁷ HUB. Bd. 11. № 337. S. 242.

⁸ Бессуднова М.Б. Великий Новгород в конце XV – начале XVI вв. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 6–8.

⁹ Там же. С. 25–53.

¹⁰ HUB. Bd. 11. № 477, 497.

¹¹ Бессуднова М.Б. Великий Новгород... С. 25–53.

¹² Бауэр В. Сношения России с германскими императорами в XV и начале XVI столетий. Журнал министерства народного просвещения. 1870, № 3. С. 55–93; Übersberger H. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien, Leipzig, 1906; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 255–281; Хорошкевич А.Я. Русское государство в системе международных отношений. С. 96–99; Wimmer E. Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen zur Zeit Maximilians I // Deutschland-Livland-Russland. Lüneburg, 1988. S. 58–68; Sach M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2000. S. 106–118.

¹³ Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3: 1477–1530. Hg. v. D. Schäfer. München, Leipzig, 1888–1890 (далее – HR 3). Bd. 2. № 272, §10; Bd. 3. № 52; HUB. Bd. 11. № 595. S. 387–388.

¹⁴ HUB. Bd. 11. № 731. S. 468.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ HR 3. Bd. 3. № 53, § 74, 75, 92.

¹⁷ HR 3. Bd. 3. № 330; HUB. Bd. 11. № 731. S. 468.

¹⁸ Дмитриева П.П. Повести о споре жизни и смерти. М.;Л., 1964.

¹⁹ Johansen P. Der hansische Rußlandhandel, insbesondere nach Novgorod, in kritischer Betrachtung // Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West. Köln, 1963. S. 48.

²⁰ Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren. Hg. v. K. von Schirren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1861, Bd. 8, H. 2. S. 113–265.

²¹ Schonne Hystorie. S. 136.

²² TLA . f. 230 A.D. 26 № 116.

²³ HR 3. Bd. 2. № 267; HUB. 11. № 737. S. 471–472.

²⁴ HUB. Bd. 11. № 746. S. 476–477.

²⁵ Ibidem.

²⁶ LEKUB 2. Bd. 1. № 19, 23, 34, 67. S. 13–15, 17–18, 42; AR. 3. № 1. S. 1–2.

²⁷ Бессуднова М.Б. Великий Новгород... С. 54–94.

²⁸ LEKUB 2. Bd. 1. № 826. S. 626.

²⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 61. S. 50.

³⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 56.

Данная работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/э

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЧУДО, НЕ ЗНАЮЩЕЕ НИЧЕГО ПОХОЖЕГО В ИСТОРИИ»

Великий Новгород в восприятии иностранцев — тема, ставшая предметом изучения с недавних пор. Специальные работы Ю.Н. Беспятовых и Г.М. Коваленко познакомили читателей с систематизированным сводом наиболее содержательных зарубежных описаний Великого Новгорода XV—XX вв. Собранные исследователями материалы: описания и путевые заметки иностранцев — представили интереснейшую картину меняющегося во времени образа Новгорода. Помимо свидетельств иностранцев-очевидцев немалый интерес представляют и труды французских историков века Просвещения. Знаменательные сюжеты новгородской истории были воссозданы на страницах сочинений Ж. Руссе де Мисси, Вольтера, Ж. Лакомба, П.-Ш. Левека, Н.-Г. Леклерка. Город был упомянут в популярной Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.

Те французские авторы, кому не удалось лично посетить Россию и Новгород, знакомились с их историей по источникам и свидетельствам очевидцев, которые, в свою очередь, помогли понять и оценить особую роль Великого Новгорода в российской истории.

Первым французом, включившим в свой труд о России эпизоды новгородской истории, был Ж. Руссе де Мисси, выступавший под псевдонимом Иван Нестесураной. Его «Записки о царствовании Петра Великого» впервые увидели свет в Гааге в 1725 г.

Жан Руссе де Мисси (1686—1762) родился и получил образование во Франции, но, будучи протестантом, по религиозным и политическим убеждениям большую часть жизни провёл в Голландии. Он был известен как журналист, издававший острые статьи антифранцузской направленности, историк и книгоиздатель.

Многие факты говорят о том, что публикация «Записок» Руссе де Мисси являлась заказом русского правительства. Впрочем, сочинение о Петре I переиздавалось четыре раза, и это говорит о его несомненной популярности у читателей. Хотя Вольтер справедливо писал о компилятивном характере сочинения Руссе де Мисси,

в нём были использованы ценные исторические материалы, восходящие к оригинальным русским источникам.

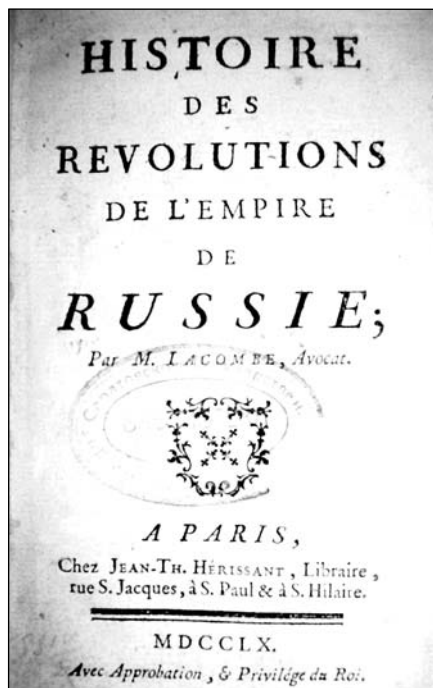
Первый том «Записок» Руссе де Мисси содержал основные материалы по русской средневековой истории, включая и важные сведения о прошлом Великого Новгорода. Изначально Великий Новгород упомянут в связи с сюжетом призвания его жителями варяжских князей по совету «некоего Гостомысла». Причиной приглашения автор считал нежелание новгородцев подчиняться кому-

либо из своих соотечественников. Французский автор также учитывал, что первым владением Рюрика была Ладога, а его братья владели Псковом и Белоозером. Руссе де Мисси заинтересовался этимологией слова «варяги», которых он называл «Wagriens». Автор пытался выявить взаимосвязь слов «Wagriens» — «Ingriens» — «Wotschoi» (выделив искажённое русское слово *Водь*). Таким образом, он усматривал происхождение имени варягов из местных прибалтийских названий — *Ингрия*, *Водь*. Французский автор едва ли не впервые в западноевропейской литературе точно перечислил названия новгородских пятин: Обонежская, Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая. При этом он предположил, что это были названия племён, которые составляли первоначальное государство Рюрика.

Такое обстоятельное изложение русской средневековой истории свидетельствует о знакомстве автора с «Записками» С. Герберштейна. Вероятно, неоднократные консультации с этим сочинением помогли Руссе де Мисси разобраться в сложных пере-

петиях описываемых им исторических событий. Несомненно, французским автором привлекались и другие источники. Ряд текстовых совпадений, а также признание самого Руссе де Мисси позволяют утверждать, что он использовал труды шведских, польских и ливонских авторов, среди которых «Описание Московии» А. Гваньини, «История» П. Одерборна, «Описание путешествия в Московию» А. Олеария, а также хроника Я. Длугоша.

Великий Новгород показан Руссе де Мисси могущественным городом, занимавшим особое место в политической структуре древнерусского государства. С этой точки

Титульный лист книги Ж. Лакомба
«История переворотов в Российской империи». Париж, 1760

зрения автор прокомментировал известную пословицу, введённую в обиход в XVI и широко известную в XVIII веке: «Кто против Бога и Великого Новгорода?». Город был, по его словам, «*столь значителен, что мог с легкостью выставить более 200 тысяч воинов*».

К теме Великого Новгорода Руссе де Мисси возвращается в связи с характеристикой деятельности Ивана III. Он высказывает мнение о том, что Иван Васильевич завоевал Новгород, желая отомстить за обиды, нанесённые его отцу Дмитрием Шемякой, «*который правил в Новгороде*». Это сомнительное утверждение свидетельствует, тем не менее, о редком для иностранца начала XVIII в. знании подробностей русской средневековой истории.

Автором упомянуто открытое противостояние поддерживаемых новгородцами Василия Косого, Дмитрия Шемяки и московского князя Василия II. Поразительная картина жестокости, творимой «Юрьевичами» по отношению к своему политическому противнику, его ослепление, привели Руссе де Мисси к заключению: «*Знать... ужаснулась этой безжалостности и встала на сторону несчастного Василия II, который по возвращении в Москву правил вплоть до своей смерти с прозвищем Тёмный...*». В целом тенденция перехода «знати» на сторону Василия Тёмного и укрепление его политических позиций были подмечены верно. Представив эпизод противостояния процессу объединения, автор продемонстрировал, как воинственность и стремление к независимости новго-

родских жителей со временем приводит их к решающему столкновению с московским князем.

Руссе де Мисси подчёркивал значение фигуры собирателя русских земель — Ивана III. В отличие от того же Герберштейна, французский автор начала XVIII в. не сводил деятельность Ивана III к непрерывной череде удач, сопровождавших его правление. По словам Руссе де Мисси, «*достойный продолжатель дел своего отца, доброго князя Василия II, Иван Васильевич (Иван III. — Э.И.) был наречен Победоносным за великие деяния и завоевания, которые он свершил*». Историка привлекла версия о том, что «*присоединение трёх областей: Твери, Великого Новгорода и Новгорода Северского — было произведено под предлогом отмщения за унижение, нанесенное его отцу*». Ещё одним существенным фактором, повлиявшим на стремление Ивана III подчинить Новгород, были богатства древнего города. Следуя приведённым Руссе де Мисси сведениям, размеры добычи, вывезенной Иваном III из Новгорода, равнялись «*трёмстам телегам золота, серебра и ценной утвари*».

При описании событий XVI в. Руссе де Мисси не мог обойти своим вниманием опричнины и устрашающего похода Ивана Грозного на Новгород, сопровождавшегося расправой над его жителями. Начало опричнины автор связал с крупным заговором в пользу короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. По мнению Руссе де Мисси, заговор был организован «*лучшими представителями русских вельмож*», к которым он относил и новгородцев. Большую часть ответственности за происходящее историк возложил на польского короля, и тех, кто, поддерживая его, посмел покуситься на права «законного князя».

Акт возмездия, осуществлённый Иваном IV, рассматривается автором как «*деяние исключительной жестокости, очернившее всяческую славу его правления*». В то же время, если в издании «Записок» 1725 г. де Мисси предпочёл ограничиться лишь констатацией факта похода на непокорный город, то в издании 1740 г. страницы пестрели ужасающими примерами расправ над жителями Новгорода. В первом издании автор ещё пытался «укрыть завесой столь безобразные сцены насилий» и отчасти оправдать действия монарха, справедливо карающего своих подданных. Французский историк даже позволил себе ряд нравоучительных сентенций об отношении власти и народа в ту эпоху: «*что касается царя, какого бы порицания он ни заслуживал, он понёс наказание за это бесчинство. Частичным его оправданием могут служить условия, в которых существовал русский народ и которые не позволяли правителю быть мягким*». Руссе де Мисси оправдывал действия Ивана IV, находя определённые основания его поведения в обычаях и нравах русского народа. Таким образом, автор вставал на сторону законной, сильной единоличной власти.

В более позднее издание «Записок» 1740 г. были включены картины страшных наказаний непокорных новгородцев. Это в какой-то степени было обусловлено привлечением в качестве источника «Истории жизни Ивана Васильевича» П. Одерборна (1585 г.). Явственно прослеживается эволюция взглядов автора: в последующих изданиях «Записок» можно видеть усиление критики деяний Ивана IV.

Фрагмент генеральной карты Российской империи, помещённой Лебеком в его «Атласе истории России и различных народов...»

Последний раз Руссе де Мисси вспомнил о Новгороде в связи с событиями Смутного времени, когда город выступил как самостоятельная сила в сложной политической игре между Россией и Швецией. Ход событий показан с точки зрения Швеции, что может свидетельствовать о влиянии шведских источников, в частности «Истории» Ю. Видекинда.

По мнению Руссе де Мисси, «король Густав Адольф совершенно серьёзно рассматривал предложения русских (жителей Новгорода. — Э.И.) и был обнадёжен тем, что практически вся северная часть империи извлекла огромное желание присягнуть его величеству». Таким образом, шведское командование осознавало важность содействия, оказываемого ему со стороны новгородцев и признавало стратегическое и политическое значение одного из сильнейших форпостов русского Северо-Запада.

Успех, сопутствующий труду Руссе де Мисси, объяснялся умением автора оригинально представить перед читателями сюжеты русской истории подбором интересных фактов и своеобразной трактовкой материала. Это позволило по-новому взглянуть на уже известные исторические эпизоды.

Ещё одним французским автором, затрагивающим в своих сочинениях сюжеты истории Великого Новгорода, был Ж. Лакомб. Его перу принадлежат «Краткая летопись истории Севера» и «Истории переворотов в российской империи». Исследователи характеризовали эти сочинения как неуклюжие компиляции, изобилующие ошибками и несуразностями. Чего стоят курьёзные заявления о семилетней осаде Новгорода Иваном III или утверждение того, что в правление этого князя были присоединены области Казани, Перми... Сибири, западной Лапландии, азиатской Болгарии. Вместе с тем, труды Лакомба составляли удивительное сочетание грубых погрешностей и точно подмеченных наблюдений. Последние, по замечанию Д.Н. Шанского, «поражали своей точностью и „не характерностью“ для Франции XVIII в.». К одному из таких наблюдений относится характеристика Лакомбом Новгорода как одного из главных городов России, ставшего после покорения Иваном III «самой роскошной драгоценностью владельца несметных богатств».

В своём главном труде о России тему истории Великого Новгорода затронул и Вольтер. В его «Истории Российской империи при Петре Великом» были представлены географическое описание России и краткий очерк её истории до правления Петра Великого. Круг источников его «Истории» был ограничен, тем не менее философ стал первым французским историком, который активно использовал русские источники в переводе. В сочинениях Вольтера об истории Новгорода можно найти лишь отрывочные сведения, но и они дают некоторое представление о том, что знал о новгородской истории «фернейский старец».

Вольтер заинтересовался происхождением слова «славяне». По его мнению, «sla» означает вождь, «esclave» — принадлежащее вождю. Вольтер считал Новгород древнейшей территорией заселённой славянами: «...местность, где древние славяне, или славоны, организовали своё первое поселение... О древних славянах известно только то, что они были завоевателями. Они построили город Великий Новгород, расположенный на судоходной реке у её истока, который долгое время процветал в торговле и был могущественным союзником ганзейских городов».

На страницах «Истории» Вольтера не была отражена специфика средневекового Новгорода: уникальность его социально-демократического устройства. Этот город для Вольтера был, прежде всего, крупным торговым центром северной Руси, сохранившим своё значение вплоть до середины 80-х гг. XVI века. Автор видел две основные причины упадка новгородской торговли: Ливонская война, которая испортила русско-шведские отношения, и открытие англичанами Северного пути в Архангельск. Вслед за Олеарием Вольтер повторял, что подъём архангельского турга пошатнул позиции новгородского.

Французский автор, не питавший интереса к истории средневековой Руси, тем не менее, упомянул завоевание Новгорода Иваном III: «Царь Иван Васильевич завоевал Новгород в 1467 г. и унёс все богатства, которые преумножили величие московского двора». Замечания М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера о возникшей в «Истории» Вольтера путанице двух монархов — Ивана III и Ивана IV несостоятельны. Вольтер прекрасно различал двух государей. Ошибся Вольтер только с датой присоединения Новгорода, подчинённого Иваном III не в 1467, а в 1478 г.

О некачественном подборе материалов, присылаемых Вольтеру, и о поверхностной работе с ними «фернейского мудреца» говорилось не раз. После выхода «Истории» Вольтера стали очевидны недостатки компилятивных трудов французских авторов о России. Во второй половине XVIII в. требования к подобным сочинениям повысились. Позднее, повествуя о России, французский историк, рассчитывавший на признание своей работы, уже не мог обойтись без оригинальных русских источников и без попыток философского осмысления исторического материала.

Именно такими — насыщенными новыми фактами и философскими идеями — увидели читатели сочинения по российской истории, вышедшие из-под пера П.-Ш. Левека

Карта Швеции и Норвегии 1750 г., составленная французским географом и картографом Ж. Робертом де Вагонди

и Н.-Г. Леклерка в 80-х гг. XVIII в. Интерес к екатерининской эпохе и российской истории в целом стал стимулом к появлению двух многотомных «Историй», а благоприятные условия для работы и доступ к оригинальным источникам способствовали их успешному написанию.

П.-Ш. Левек, выучив русский язык, углублённо и всесторонне разбирал сюжеты российской истории. Опираясь на публикации основных источников: летописей, законодательных актов, дипломатических документов, сообщений иностранных авторов, а также на сочинения русских историков, Левек критически подходил к излагаемым в них фактам. Основательность, точность и правдивость представленного материала сделали труд Левека «лучшей историей» России.

Одновременно вышедшие «Истории» подверглись жёсткой критике апологетов Екатерины II. Наиболее аргументированное, критическое мнение о труде Леклерка представил И.Н. Болтин в своих двухтомных «Примечаниях». Среди обстоятельных доводов, приведённых Болтиным, — невозможность для Леклерка «справиться» с русскими летописями «за незнанием языка», предпочтение их «простому и естественному изложению» сомнительным «басням польских писателей». При сравнении двух «Историй» Болтин осуждал компилятивность труда Леклерка, в основном стремящегося «следовать в точности за Левеком...».

Несмотря на то, что авторы были конкурентами и научный уровень их трудов различался, оба французских историка демонстрировали сходные взгляды на средневековую историю вольнолюбивого Новгорода.

Обратившись к истории Великого Новгорода, оба автора повторили известную пословицу, кочевавшую из сочинения в сочинение: «Кто против Бога и Великого Новгорода?». Французские историки воспроизвели её на свой лад: «Кто осмелится напасть на Бога и Новгород?». В отличие от своих предшественников Леклерк и Левек трактовали эту поговорку по-своему: новгородских жителей отличало «изначальное свободолобие, стремление

к независимости и воинственность в отношении других славянских племён».

Повествуя о важности заложения этого города на берегах Волхова, Левек отмечал, что само месторасположение и занятия населения способствовали развитию торговли, «неприятельницы утеснений», которая, в свою очередь, «доставила ему вольность».

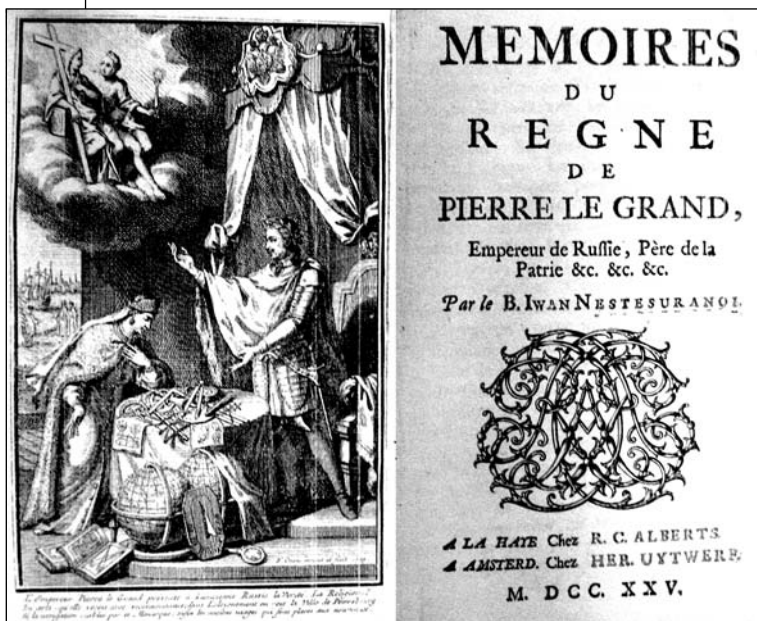
Оба историка сходились во мнении об уникальности политического устройства Великого Новгорода. По словам Леклерка, который пытался дать определение данной форме правления, «объединившей в себе одновременно республиканские, аристократические и демократические черты», город представлял собой «политическое чудо, не знающее ничего похожего в истории».

В общей концепции Левека прослеживается мысль об особой роли веча в Новгородской республике. В понимании историка вече представляло собой собрание, где господствовал простой люд и каждый гражданин имел право голоса. Левек сравнивал политический уклад республиканского Новгорода с административным устройством «свободных немецких городов». Подобное восприятие Новгородской республики зачастую приводило к откровенной идеализации существовавших в ней порядков и поиску оправдания поступков её жителей. Это можно увидеть как в описании начальной истории Новгорода, так и более поздних событий времени Ивана III.

Вместе с тем в самом народном устройстве правления Новгорода Левек находил исключительные причины его попадания под власть варягов: «коварства, вражды, насилия и убийства были следствием безначалия. Сии республиканцы не могли быть вольными. Они обратились к Варягам — Россам, и просили у них обладателя». Если кратко излагать витиеватые философские построения Леклерка по тому же вопросу, получалось, что «произошёл кризис, повлекший за собой беспорядки... достаточно серьёзные... чтобы убедить свободных людей обратиться к Варягам... успокоить волнения в республике и внушить почтение соседям-недругам».

То есть оба французских историка подчёркивали вынужденность «приглашения» варяжских князей. Подобный шаг объяснялся стремлением уладить внутренние разногласия и оградить себя от посягательств воинственных соседних племён. Но Леклерк в отличие от Левека либо по причине поверхностного изучения материала, либо из-за относительной скудности источников не вдавался в подробности и не раскрывал сущности кризиса, повлекшего за собой приход варягов.

Историки сходятся в трактовке начальных событий русской истории — сосуществование новгородцев и приглашённой власти. Леклерк рассматривал первые годы правления Рюрика как стабильные: взаимоотношение власти и свободолобивых новгородцев не было тягостным. Вождь варягов воспринял «основные принципы управления, которые были установлены народом, не навлекая на себя негодование и ненависть, не нагнетая общего волнения... До определённого момента славяне были умиротворены своим доверием к Рюрику, но, раскрыв глаза, признали своё заблуждение... Он зашёл далеко в своих притязаниях... Самоуправство этого князя вызвало восстание 865 года». Левек выдвинул свою версию происходившего: «Можно предположить, —

Титульный лист книги. Нестесуранов И. Записки о царствовании Петра Великого. Гаага. 1725. Т. 1

писал он, — *что постоянное волнение жителей Новгорода и их обычная приверженность к смуте и анархии не позволили им насладиться покоем под контролем призванных кураторов... не менее вероятно, что Рюрик, наделённый большой властью, захотел вскоре расширить её пределы, заставив испытывать рабство тех, кто ожидал от него защиты своей свободы*». Леклерк не имел возможности работать напрямую с русскими источниками. Об этом говорил в своё время Болтин. Вероятно, невозможность проникнуть в суть событий, отстранение от раскрытия причинно-следственных связей побуждали Леклерка постоянно окутывать свой рассказ витиеватыми философскими размышлениями. В итоге, читатель оставался один на один с раздумьями о внутренних процессах, происходивших в славянском обществе.

Оба автора акцентировали внимание на исторических эпизодах борьбы Новгорода за свои политические права и свободы, начиная с «восстания Вадима Новгородского» и заканчивая попытками выйти из состава русских земель и перейти под покровительство Польши в 70-х гг. XV в. По словам Левека, атмосфера, царившая в Великом Новгороде, изначально «будила мятежный дух». На этом фоне обострение отношений с великими князьями вело к крупным волнениям 863, 1258, 1471 гг. Н.Г. Леклерк увидел предпосылки к анархии в самой управленческой структуре Новгорода — «ассамблеях, воспаляющих народ».

При сопоставлении трудов двух французских историков прослеживается общая тенденция. Поначалу авторы восхищались бесстрашием участников народных восстаний, примерам единоличной храбрости (подобно выступлениям «доблестного и бесстрашного» Вадима Новгородского). В дальнейшем (XV век), методы, которыми новгородцы пытались сохранить свои свободы, уже не вызвали их одобрения. Оба автора не соглашались с амбициозными планами посадников Борецких, использующих метод «сплетения интриг», заговора, и тем более, «заключение позорной сделки» с королём Польши. Не случайно одной из ярчайших страниц труда Левека стало описание окончательной ликвидации Новгородской республики в 1478 г., включения её земель в состав Русского государства. Именно П.-Ш. Левек первым подробно и всесторонне смог нарисовать на страницах своего труда живописную картину русской истории и особую роль в ней Великого Новгорода.

ЛИТЕРАТУРА

- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Neufchâtel, 1765. Т. 11.
Lacombe J. Abrégé chronologique de l'histoire du Nord. Paris. 1762. Т. 1.
Lacombe J. Histoire des révolutions de l'empire de Russie. Paris, 1760.
Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Paris, 1783. Т. 1–3.
Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Paris, 1783–1790. Т. 1–3.
Levesque P.-Cb. Histoire de Russie. Yverdon. 1783. Т. 1–6.
Levesque P.-Cb. Histoire de différents peuples soumis à la domination des Russes. Paris, 1783. Т. 1.
Levesque P.-Cb. Histoire de la Russie. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 1–8.
Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand. Empereur de Russie, père de la patrie etc. La Haye, 1725–1726. Т. 1–4.

Главным недостатком Леклерка как историка являлось незнание языка, ограничившее ему круг источников, поэтому он был вынужден подкреплять свои рассуждения материалами западных хроник, а также сведениями иностранных путешественников. В этих условиях самым сложным для него было описание погружённой во тьму веков истории Древней и Средневековой Руси.

Если события Смутного времени, связанные с историей Великого Новгорода, у Вольтера и Ж. Лакомба были просто пропущены, то на страницах произведений Левека и Леклерка обращение к ним помогло создать целостную картину исторического прошлого России. Историками приведены планы шведского военачальника Делагарди, увидевшего собственными глазами ослабленное состояние российского государства. Рассматривая Новгород как ключевой элемент в покорении Северных территорий, Делагарди торопил Карла IX «за месяц завоевать Новгород».

Каждый из французских историков выделял для себя определённые аспекты исторического прошлого славянского города. Некоторые авторы, подобно Вольтеру, акцентировали своё внимание на торговом значении знаменитейшего и богатейшего из всех северных русских городов, другие, как Руссе де Мисси, Левек и Леклерк — на специфике его политического устройства. Большинству французских историков импонировало свободолюбие новгородцев. Некоторые авторы видели в нём демократическое начало и зачатки гражданственности.

Ценные наблюдения и оригинальные толкования событий, впервые высказанные Левеком и Леклерком, впоследствии были воспроизведены в сочинениях русских историков. П.-Ш. Левек — первый из французских историков, серьёзно изучавший необычную историю свободолюбивого города, выразил симпатию к его народолюбию. Впоследствии эту линию с воодушевлением продолжил А.Н. Радищев. Русский вольнодумец доказывал неправомерность посягательства русских князей на предписанное естественными законами «право народное», существовавшее в Новгороде. Тем самым французские авторы предвосхитили идеи, высказанные позже А.Н. Радищевым и декабристами.

И в то же время французские историки 80-х гг. XVIII в. должны были признать закономерность преодоления очередного периода опасного безначалия, царившего в Новгороде, и логичное его завершение вхождением в состав централизованного государства.

- Nestesuranoi I.* Mémoires du règne de Pierre le Grand. Amsterdam, 1740. Т. 1.
Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Edition critique par Michel Mervaud avec la collaboration d'Andrew Brown, Ulla Koelving et Christiane Mervaud // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Vol. 46.
Беснятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 137–148.
Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. СПб., 1788–1794. Т. 1–2.
Коваленко Г.М. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – начала XX века. М., 2005.
Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV – начала XX в. // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 36–40.
Коваленко Г.М. Знаменит своей историей. Великий Новгород: взгляд из Европы // Родина. 2009. № 9. С. 28–31.

Г.К. Маркина

Письма митрополиту Иову

Выход в свет изданий исторических документов — всегда желаемое и заметное событие. Такие публикации, с одной стороны, позволяют исследователям и всем интересующимся историей страны пополнить свои знания новыми сведениями, с другой, а это особенно ценно, обеспечивают сохранность уникальным источникам.

Сборник «Москва и Новгород единая держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в.¹ полностью составлен известным историком и писателем, доктором исторических наук, профессором, главным научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН Евгением Викторовичем Анисимовым. Открывает сборник вступительная статья «Митрополит Иов, Пётр Великий и Новгород» об истории взаимоотношений государства и церкви, церковной реформе, личности новгородского митрополита Иова и его обширной деятельности, особенно яркой в просветительстве и благотворительности. Глубокая по содержанию и написанная, как и всё известное нам у Е.В. Анисимова, в прекрасном языковом стиле, она претендует и на самостоятельное существование.

Подборка переписки включает 140 документов, систематизированных по хронологическому принципу (15 октября 1700 — 31 августа 1715 гг.); не имеющие даты 11 единиц размещены в конце. Объединены письма как опубликованные ранее, в основном в журналах «Чтения Московского общества истории и древностей Российских» за 1860 год и «Странник» за 1861 год, так и неопубликованные источники, хранящиеся в АСПБИБИ, РГАДА, РНБ ОР.

В сборник удачно включены и некоторые другие документы, имеющие отношение к теме: указы митрополита Иова по епархии (1708—1714 гг.), отрывок из Новгородской III летописи, которая велась в митрополичьем дворе Иова и духовное завещание митрополита Иова (не ранее 1716 г.).

Наиболее важные или сложные для понимания документы снабжены комментариями: объясняются установленные автором даты писем и уточняются некоторые датировки прежних публикаций; даются сведения об упомянутых, но неясных исторических событиях; раскрываются обозначенные сюжеты и персоналии. Особо

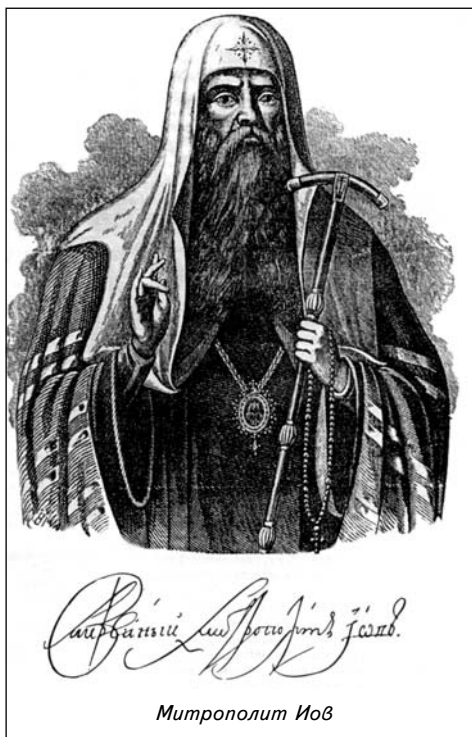
подчёркиваются и толкуются письма, дающие возможность дополнить их информацией о жизни и деятельности Иова, или, по выражению самого составителя, «выразительные для оценки личности Иова».

Подавляющее большинство публикуемых писем — это письма митрополита Иова. Они адресованы царю Петру I, царице Екатерине Алексеевне и Прасковье Фёдоровне, царевичу Алексею Петровичу, князю А.Д. и княгине Д.М. Меншиковым и многим другим лицам царской фамилии и их окружения. Деловые письма направлялись

патриарху и архимандритам, боярам и думным дворянам, губернаторам и вице-губернаторам, одним словом, ведущим деятелям страны петровской эпохи. Для примера, перечислим некоторых из них: патриарху Адриану, архимандритам Сильвестру, Серапиону, Феодосию, генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, генералу князю И.Ю. Трубецкому, боярину И.А. Мусину-Пушкину, вице-губернатору Санкт-Петербургской губернии и новгородскому ландрихту Я.Н. Римскому-Корсакову, братьям Иоанникию и Софронию Лихудам — ярким личностям той эпохи. Значительно меньше писем² корреспондентов митрополита Иова. Перечислим их полностью: Пётр I, царевич Алексей Петрович, царица Екатерина Алексеевна и Прасковья Фёдоровна, митрополит Дмитрий Ростовский, директор Типографии Ф.П. Поликарпов. Мы не случайно останавливаем внимание автора и читателей

вышедшего сборника на этих письмах, адресованных митрополиту Иову и выявленных для данного издания в Чт.ОИДР. Все они, за исключением писем митрополита Дмитрия Ростовского (2 ед.) и директора Типографии Ф.П. Поликарпова (1 ед.), сохранились в подлинниках и находятся в ОПИ НГОМЗ³. Выявлению подлинных документов составитель уделил немало времени и «вынужден констатировать, что большая часть переписки митрополита Иова безвозвратно пропала (было бы очень хорошо, если бы я в своем выводе ошибся)»⁴. Хотим порадовать автора и читателей сборника и сообщить о сохранившейся части подлинных писем.

НГОМЗ располагает и некоторыми интересными сведениями к вопросу об истории собрания писем митрополита Иова. В архивном фонде Софийского собора

имеется черновой вариант рукописи «Библиотека при Новгородском Софийском соборе»⁵. В ней не обозначено кем и когда она написана, но по другим документам фонда можно точно установить её автора — настоятель (1905—1919 гг.) Новгородского Софийского собора, протоиерей Иоанн Иоаннович Семеновский⁶ и, приблизительно, время написания — (1912—1915 гг.). Это — автограф пером, чёрными чернилами; имеет множество зачёркиваний, записей над строкой, особенно на листах 1—3 и 9—10. Сноски, пометы и примечания вынесены на боковые поля.

Начинается рукопись так: «В октябре 1858 г., по представлению митр[ополита] Новгородского и СПб Григория, в Св[ятом] Синоде состоялось определение: «Находящуюся в Новгор[одском] кафедр[альном] Софийском соборе библиотеку разрешить перевести в С-Петербур[гскую] Дух[овную] Академию, оставив в той библиотеке только такие книги, которые по усмотрению Академического правления окажутся для Академии излишними. (На полях: «Указ Св[ятого] Синода от 27 окт. 1858 г. № 10671».) В силу означенного определения, правление Академии, в половине января 1859 г., командировало в Новгород бакалавра А.И. Предтеченского, который отобрал в Софийской библиотеке все рукописи, в количестве 1570 №№, 585 старопечатных книг, несколько раскольнических и 22 на иностранных языках и перевёл их в Академию. Такая выемка рукописей и книг из библиотеки при Софийском соборе нанесла ей непоправимый удар». Далее — краткая справка об истории комплектования библиотеки при Новгородском Софийском соборе и подробный обзор оставшейся части фонда рукописных и печатных книг. Обзор начинается с подробного описания именно интересующих нас писем митрополиту Иову, отнесённых к группе рукописных книг.

Цитируем это описание полностью: «В 1859 году, ко мне сказано, вся рукописная библиотека Софийского собора взята была в Петроградскую Академию. (На полях: «В описи библиотеки 1865 года не указано ни одной рукописной книги»). Однако во время передачи книг Академии, как можно думать, некоторые рукописи находились или на руках частных лиц, или в соборном архиве и остались неотобранными. Но таких книг очень немного. Собраны в настоящее время и внесены в опись следующие рукописные книги.

1) «Письма Его царского Величества и Высокой Его Величества фамилии к преосвященному Иову, митрополиту Новгородскому, от 1713 года» — в $\frac{1}{4}$ листа, сшиты в тетрадь, в обложке из папки.

Эта тетрадь писем является самую незначительную часть переписки митр[ополита] Иова. Собственно переписка м[итрополита] Иова, переплетенная в 3 тома (в лист) и значившаяся по прежнему каталогу Софийской библиотеки (на полях: «Этого каталога нет в библиотеке») под №№ 62,63 и 64, препровождена Новгородскому викарному епископу, по его предписанию от 7 ноября 1846 года (на полях: «Дела Софийского архива за 1846 г. Викарным епископом в Новгороде был в то время Леонид (Зарецкий)») и не была возвращена в библиотеку. В настоящей же тетради помещены: 5 писем м[итрополиту] Иову императора Петра I, 4 письма ему же императрицы Екатерины I, 6 писем ему же царевича Алексея Петровича,

4 письма казначею Новгородского архиерейского Дома иеромонаху Феодосию (На полях: «Иеромонах Феодосий был впоследствии (с 1727 по 1743 г.) архимандритом Тихвинского монастыря, где и скончался в схиме, с именем Феодила») царевича Алексея Петровича, 1 письмо м[итрополиту] Иову царицы Параскевы, 4 письма царицы Екатерины II митр[ополиту] Дмитрию (Сеченову) и 2 письма князя Меншикова м[итрополиту] Иову; всего 26 писем. Из этого перечисления писем видно, что заглавие тетради не вполне отвечает её содержанию: письма относятся к разным годам и писаны разным лицом.

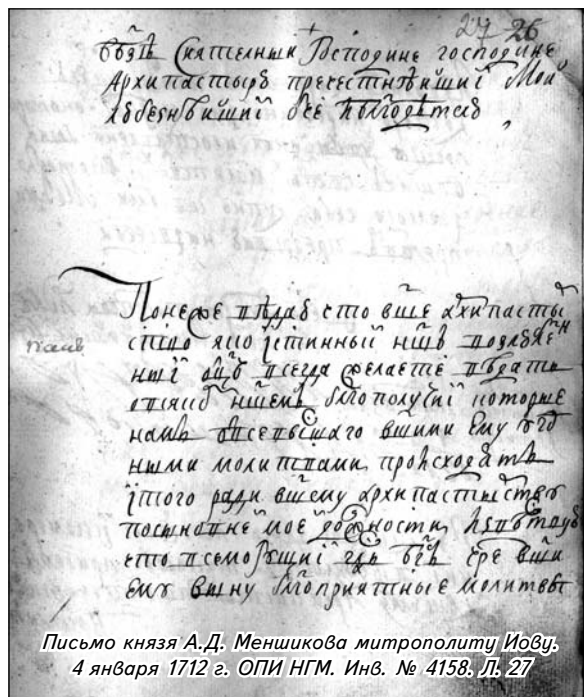
Кем и когда собраны эти письма в одну тетрадь, — неизвестно. Но скреплены письма по листам секретарем Степаном Климовским. По справкам в делах консистории, Степан Климовский был секретарем консистории в последние годы XVIII столетия (На полях: «См. дела консистор[ского] архива за 1795 г.»). На основании сего можно полагать, что собраны были письма в конце XVIII столетия и, должно быть, по распоряжению м[итрополита] Гавриила, который имел особую заботу о сохранении письменных памятников. Все письма, за исключением 23 письма (импер[атрицы] Екатерины II м[итрополиту] Дмитрию и 26 писем князя Меншикова м[итрополиту] Иову), напечатаны сполна в Чтениях Московского общества истории и древностей Российских за 1860 г., т. III, смесь, стр. 123 и д., архим[андритом] Макарием. (На полях: «Бывшего потом архим[андритом] Донским»). Кроме того, 4 письма импер[атрицы] Екатерины II м[итрополиту] Дмитрию, в том числе и неизданное в Чтениях 23 письмо напечатаны в труде «Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен» архивариуса Св[ятого] Син[ода] К.Я. Здравомыслова (изд. 1897 г.). Таким образом, мне не пришлось видеть в печати только одного письма — кн[язя] Меншикова м[итрополиту] Иову. В этом письме кн[язя] Меншиков, сообщая об имеющем состояться в воскресенье, 3 февраля 1712 г., освящении построенной им церкви на Игоре, в присутствии царя, приглашает м[итрополита] Иова освятить эту церковь или дать благословение на её освящение».

Тетрадь хранится ныне в фондах отдела письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, в том же виде и составе, как указано в описании выше. Сведения о времени и обстоятельствах поступления её в музей в учётной документации отсутствуют. Есть только помета: «Из прежнего материала музея». Немного о времени добавляет овальной формы довоенный штамп «Библиотека Новгородских Госмузеев»⁷. Возможно, письма поступили в составе архива Софийского собора после закрытия его в 1929 году и превращения в музей.

Кроме упомянутого письма от 25 января 1712 года А. Меншикова митрополиту Иову, из нашей тетради не вошло в рассматриваемое последнее издание ещё одно его письмо — от 4 января 1712 года. Эти письма в тетради последние и нарушают общую хронологию. Тетрадь открывалась письмом Петра I от 17 июня 1713, завершалась письмом от 31 января 1766 года Екатерины II митрополиту Димитрию. Письма А. Меншикова, скорее всего, подшиты позднее. Подпись «Александр Меншиков» в обоих письмах — автограф, остальной текст — писарский.

**4 января 1712 г. Письмо светлейшего князя
А.Д. Меншикова митрополиту Иову**

В Бозе сиятельный Господине, Господине архипастырь пречестнейший, мой любезнейший Отче и благодетель. Понеже ведаю, что Ваше архипастырство, яко истинный наш возлюбленный отец, всегда желаете ведать о всяком нашем благополучии, которые нам от Всевысшаго Вашими ему угодными молитвами происходят, и того ради, Вашему архипастырству, по сыновней моей должности, известую, что всемогущий Господь Бог,

чрез Ваши Ему выну благоприятные молитвы, изволил даровать нам дочь, которой наречено имя Мария, о которой прошу, дабы она не оставлена была в Ваших святых молитвах, в которые и самого себя, купно со всеми моими предаю, пребывая навсегда.

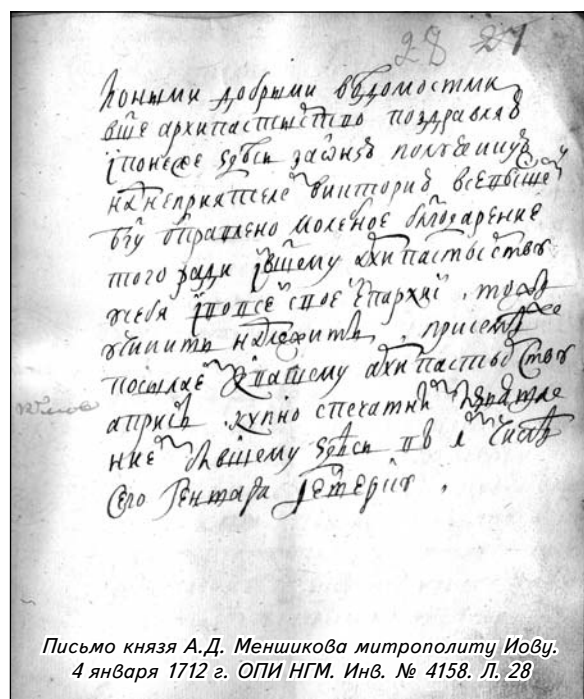
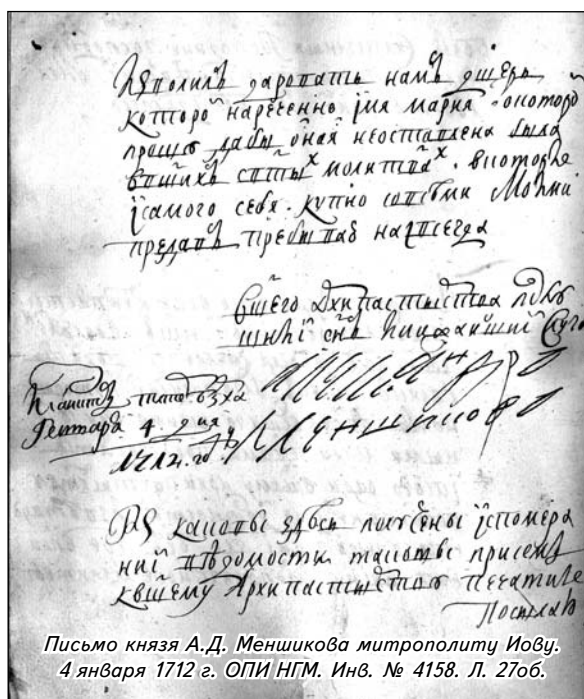
Вашего архипастырства послушный сын и низжайший слуга Александр Меншиков.

Из Санкт-Петербурга, генваря 4 дня 1712 года.

P.S. Каковы здесь получены ис Помераний ведомости, таковы при сем к Вашему архипастырству печатные посылаю. И оными добрыми ведомостями Ваше архипастырство поздравляю, и понеже здесь за оную, полученную над неприятелем викторию, Всевышнему Богу отправлено молебное благодарение, того ради и Вашему архипастырству у себя и во всей своей епархии тоже учинить надлежит. При сем же посылаем к Вашему архипастырству атрис, купно с печатным изъявлением бывшему здесь в 1 числе сего генваря фейверку⁸.

**25 января 1712 г. Письмо светлейшего князя
А.Д. Меншикова митрополиту Иову**

В Бозе Сиятельный господине, господине архипастырь пречестнейший, мой же любезный Отче и благодетель. Напред сего просил я Ваше архипастырство о Вашем отеческом благословении на освящение церкви, которое ныне у меня на Изгоре, благодарить Бога, уже в совершенство пришла. А ныне, разсудил я, Вашему архипастырству чрез сие предложить, ежели изволите желать видеть очи царского Величества, к тому и оную вышепомянутую церковь сами своею особою освящать,

то не изволите ль туда, на Ижору, приехать. И буде на сие Ваше соизволение будет, то прошу дабы к будущему воскресению, то есть к 3 числу будущего февраля, изволили туда прибыть. Буде же не изволите, то извольте нас о том уведомить. Понеже я намерен з Божию помощью в то воскресение оную церковь освятить, на что паки требую Вашего архипастырского благословения. За сим, вручаяся в Ваши архипастырские святые молитвы, пребываю навсегда.

Вашего архипастырства послушный сын и низжайший слуга Александр Меншиков.

Из Санкт-Петербурга, генваря 25 дня 1712 году⁹.

Упомянем ещё один документ (черновая рукопись), отложившийся в фонде Софийского собора, составленный И.И. Семеновским. Начинается следующими фразами:

«Тетрадь с надписью на обложке: «Письма Российских императоров к Новгородским архиереям». На втором после обложке листах надпись «Письма его царского величества и высокой его величества фамилии к преосвященному Иову митрополиту Новгородскому от 1713 года».

Далее переписаны тексты всех 26 писем, в той последовательности, как они подписаны в тетрадь. На полях карандашом и чернилами комментарии разного характера. Например, к письму А. Меншикова от 25 января 1712 года, воспроизведённому нами выше, — «Озаглавлено только в Чтениях, но не напечатано сполна»; или к первому письму (Пётр I) в тетради (в Сборнике под № 103) — на полях слева: «Сообщение о сдаче в плен со всем войском и окружением шведского фельтмаршала Штейнбока», под текстом — «Напечатано в Чтениях Московского общ[ества] ист[ории] и др[евностей] Росс[ийских]». 1860 г. III. Смесь. Стр. 123»¹⁰.

В черновых записках на разные темы находим следующую выписку, сделанную рукой И. Семеновского: «Собрание писем м. Иова заключается в трех больших томах, которые, по библиотечному описанию софийских рукописей, значатся под №№ 1425, 1426 и 1427. В первом томе помещены письма, пастырские послания, черновые отпуски и образцы, с приписками и поправками собств. руки Иова, с 1700 до 1710 г.; во втором — с 1711 до 1713 г.; в третьем — собраны письма разных лет без означения года» (Странник, 1861 г., январь, стр. 74)¹¹.

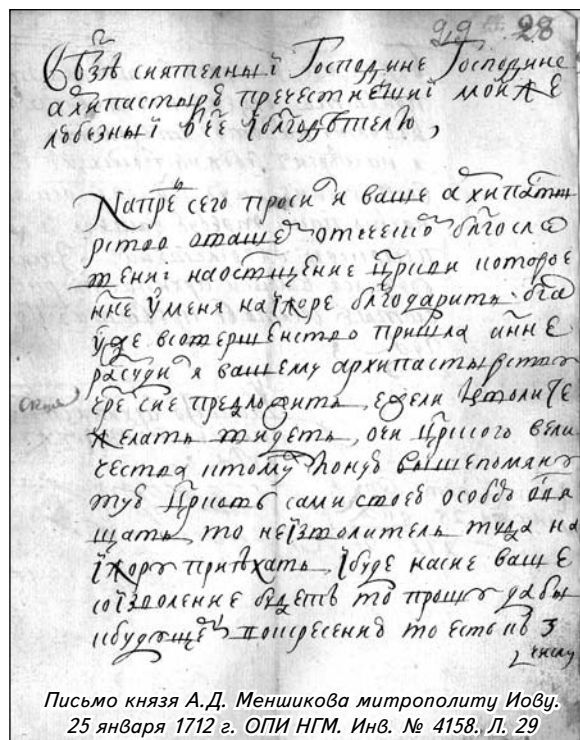
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник документов. Великий Новгород, 2009, 231 с.

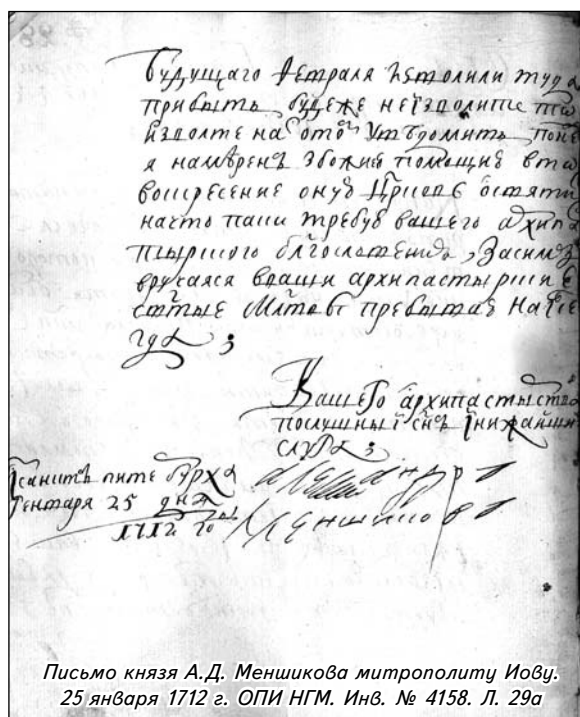
² 20 единиц.

³ Инв. № 4158. В рассматриваемом сборнике письма числятся под порядковыми №№ 103, 107—109, 113—114, 116—123, 127—129.

⁴ Е.В. Анисимов. Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород. Вступительная статья. С. 23.

Письмо князя А.Д. Меншикова митрополиту Иову.
25 января 1712 г. ОПИ НГМ. Инв. № 4158, л. 29

Письмо князя А.Д. Меншикова митрополиту Иову.
25 января 1712 г. ОПИ НГМ. Инв. № 4158, л. 29а

Л.А. Секретарь

ВЫПУСКНИКИ НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НА СЛУЖБЕ В ГРАЖДАНСКИХ ВЕДОМСТВАХ

Выпускники духовных семинарий и академий не всегда избирали путь церковного служения. Полученное ими образование не являлось препятствием для выбора педагогической деятельности не только в духовных, но и светских учебных заведениях, службы как в духовном, так и в гражданских ведомствах и принятия при этом гражданского чина.

Так, уроженец Новгородской губернии, выпускник НДС и С.-Петербургской духовной академии **Николай Николаевич Модестов** начинал свою деятельность в 1864 г. в качестве преподавателя словесности в Тверской духовной семинарии, но в 1868 г. перешёл в Ведомство Народного Просвещения по Виленскому учебному округу. Преподавал в Мариинской женской гимназии, Виленском учительском институте. В 1880-х гг. исполнял должность директора народных училищ Гродненской губернии. Закончил службу директором Молодеченской учительской семинарии. Умер в 1904 г. в Царском селе¹.

Пётр Иванович Боголюбов, получив образование в НДС и С.-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1833 г., был оставлен в ней преподавателем философии. В 1834 г. он стал профессором С.-Петербургской духовной семинарии, где вёл до 1859 г. разные предметы: историю, греческий и французский языки, каноническое право, литургику. При этом в 1843 г. он получил гражданский чин. В 1850-е гг. заведовал сначала Домом призрения малолетних бедных человеколюбивого общества, а затем стал директором Дома воспитания бедных детей. Умер в 1880 г.²

Выпускник НДС и С.-Петербургской академии **Николай Григорьевич Голинский** с 1852 по 1965 г. состоял учителем всеобщей и русской истории, литургики, библейской истории в НДС, а в 1865 г. перешёл в гражданское ведомство и служил ходатаем по судебным делам в Новгороде³. Имя наставника Николая Голинского записано в Синодике НДС 1865 г.⁴

В редких случаях выпускники семинарии избирали творческую карьеру архитектора или художника. Таким исключением стал **Пётр Петрович Мининский**. Он

родился в семье диакона, служившего в Новгороде, и в наследство получил здесь двухэтажный каменный дом. Работая в Новгороде, приобрёл бумажную фабрику недалеко от города.

После окончания духовной семинарии Пётр Петрович поступил вольноопределяющимся учеником в Императорскую Академию художеств в С.-Петербурге. В 1848 г., завершив учёбу, он получил звание свободного художника с правом заниматься проектированием строений. Это право дало ему возможность поступить в 1852 г. на службу в Новгородскую строительную и дорожную комиссию помощником архитектора⁵.

Известно, что П.П. Мининский на конкурсной основе составлял проект нового каменного здания духовной семинарии в Антониевом монастыре⁶, но проект его не был осуществлён.

Семинарский корпус был построен позже — в 1890 году.

Одним из самых выдающихся выпускников новгородской семинарии был **Василий Иванович Модестов** — учёный, педагог, специалист по античной литературе и истории.

Он родился в 1839 г. в Валдайском уезде Новгородской губернии в семье священника. Из Новгорода после окончания семинарии в 1859 г. уехал в Петербург, где продолжил образование в Главном педагогическом институте и университете. В педагогическом институте его сокурсником и другом был будущий известный византолог В.П. Василевский.

Поработав недолгое время после окончания университета учителем в Петрозаводске, Василий Иванович отправился в 1862 г. в заграничную командировку в Германию. Здесь он слушал лекции видных учёных, в том числе в Германском археологическом институте. В будущем это позволило Модестову достигнуть уровня европейски образованного учёного. В Германии у него пробудился глубокий интерес к античной литературе и истории, определивший главное направление дальнейших научных исследований.

По возвращении из Германии в 1864 г. В.И. Модестов защитил магистерскую диссертацию — «Тацит и его

В.И. Модестов

сочинения». В том же году в С.-Петербурге была опубликована монография с таким же названием.

Этот труд был особо отмечен специалистами по античной филологии⁷.

Вскоре, в 1865 г., В.И. Модестов отправился преподавать в должности доцента во вновь открытый в Одессе Новороссийский университет. Василий Иванович записал воспоминания об этом коротком периоде своей работы и сохранил для потомков словесные портреты преподавателей Новороссийского университета. С особым уважением и восхищением он вспоминал знаменитого слависта В.И. Григоровича — настоящего учёного, преданного науке, скромного, утончённо вежливого, энциклопедически образованного, поставив его в один ряд со своим учителем И.И. Срезневским. В.И. Модестов особо выделил преподавателя химии учёного Н.Н. Соколова — исследователя функциональных особенностей водорода в различных органических соединениях⁸.

После отъезда из Одессы В.И. Модестов преподавал в Казанском (1867—1869 гг.) и Киевском университетах и Киевской духовной академии (1869—1878 гг.). В этот период он подготовил и издал два курса «Лекций по истории римской литературы» (1873 и 1875 гг.). Второе издание «Лекций» вышло в свет в Санкт-Петербурге в 1883 г. Многие годы это учебное пособие считалось лучшим и широко использовалось не только в университетах, но и гимназиях. В Казани В.И. Модестов защитил докторскую диссертацию «Римская письменность в эпоху царей», изданную в 1868 г.

В 1878 г. учёный вернулся в любимый Петербург. Недолгое пребывание в духовной академии окончилось его уходом по причине не устраивающих руководство умеренно либеральных взглядов. В.И. Модестов вынужденно переключился на газетную и журналистскую работу. Сотрудничал в различных научно-популярных журналах: «Журнале Министерства народного просвещения», «Историческом вестнике», «Русской школе», газетах «Голос», «Новь» и других изданиях.

В 1886 г. Василий Иванович вернулся к педагогической деятельности в звании приват-доцента Петербургского университета. Последние годы (1889—1893 гг.), получив звание профессора, работал вновь в Новороссийском университете. Уйдя в отставку, он поселился в Риме, глубоко погрузившись в историю древней Италии и Рима. Результатом этой работы явилась книга в двух частях «Введение в римскую историю» (СПб., 1902—1909 гг.). Завершить намеченную большую работу В.И. Модестову не удалось. В 1907 г. он скончался в Риме⁹.

Выпускником НДС 1857 г. был замечательный учёный — этнограф, историк литературы, фольклорист, собиратель древних памятников письменности **Ельпидифор Васильевич Барсов**.

Он родился в 1836 г. в семье священника, проживавшего в селе Логиново Череповецкого уезда Новгородской губернии. Детство его прошло в селе Андога. О впечатлениях своего детства, которые во многом определили

направление его дальнейших творческих интересов, Ельпидифор Васильевич написал в одном из своих писем знаменитому историку О.Ф. Миллеру: «Вырос я на берегах реки Андоги... и в раннем детстве любил плакать с плакавшими на погосте. Как сейчас помню одну женщину, которая горько рыдала над могилой и внятно рассказывала своё горе матушке сырой земле. Впечатление это глубоко укоренилось в душе моей и часто всплывало в сознании в продолжение моего образования в Новгородской семинарии и Петербургской духовной академии»¹⁰.

Е.В. Барсов

Годы, проведённые в Устюженском духовном училище, запомнились Е.В. Барсову не с лучшей стороны: «Тяжело вспоминать эти шесть лет, проведённые в этом училище: был сечён ежедневно по два и часто по три раза в день, стоял на коленях и оставался без обеда; а в субботу каждую, кроме того, был сечён за недельные шалости».

Период учёбы в НДС запомнился ему с другой стороны: «Здесь мучили меня голод и гнилость новгородской земли, особенно в весеннее время. Не раз я умирал, но каждую весну Промысел воздвигал меня с смертного одра»¹¹.

Получив высшее образование в Петербургской духовной академии (окончил в 1861 г.), Ельпидифор Васильевич отправился в Петрозаводск и начал преподавать в Олонецкой духовной семинарии логику и психологию. «Перед молодым семинарским учителем открылся теперь любопытный северный край, где жили большей частью люди древнего благочестия — староверы, где в домашних скринях с почётом хранились рукописные и старопечатные книги, в монастырских архивах — неизданные акты, а на устах простого народа жила и процветала безыскусственная словесность», — так образно написал о начале творческого пути будущего учёного автор некролога Е.В. Барсова¹².

История этого северного края, своеобразие местных обычаев захватили пытливый ум молодого семинарского учителя. Он начал более глубоко изучать историческое прошлое этого края, народные традиции, устное творчество, собирать оставленное предками богатое рукописное наследие. В Петрозаводске Ельпидифор Васильевич познакомился с интересным человеком — ссыльным П.Н. Рыбниковым, который занимался собиранием и изучением произведений народного творчества: песен, былин, сказок, поверий. Влияние П.Н. Рыбникова во многом определило одно из главных направлений научной деятельности Е.В. Барсова: собирание и исследование произведений фольклора. Оно совпало с его собственными глубокими переживаниями и интересами. В письме О.Ф. Миллеру Ельпидифор Васильевич признался: «Явившись на службу в Петрозаводск и познакомившись с Павлом Николаевичем (Рыбниковым — Л.С.) и его учёным делом, я скоро собственным опытом убедился, как живуче народное творчество в Олонецком крае, и под влиянием носимого мною впечатления пришёл к мысли о возможности воспроизвести внутреннюю жизнь народа ближайшей к нам эпохи, подслушав, так сказать, их думы и чувства, те симпатии и антипатии, кои вызваны в нём современною жизнью, но

которые он рассказывает только лесу дремучему, колоде белодубовой да славному синему Онегушку... Заплачки исчерпывают народную жизнь во всей её полноте».

К народным плачам и обратился Е.В. Барсов. Он первым ввёл их в научный оборот и открыл для современников замечательную носительницу этого интереснейшего фольклорного жанра — И.А. Федосову. Результатом работы Е.В. Барсова по изучению открытого им жанра народного творчества явился труд «Причитания Северного края» — один из самых важных в огромном творческом наследии учёного. Первая книга «Плачи погребальные, надгробные и надмогильные» вышла из печати в 1882 г. Вторая — «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские» — в 1882 г. Третья и четвертая книги «Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баянные и предвечные» были опубликованы в «Чтениях Общества истории и древностей Российских» (М., 1885. Вып. 4. С. 161—256). Этот труд Е.В. Барсова был высоко оценён специалистами. Первые две книги получили золотую медаль Русского географического общества и были отмечены двумя Уваровскими премиями¹³.

Научные интересы молодого учёного не ограничивались изучением фольклора. Здесь, на русском Севере, где сохранялось много древних традиций, Ельпидифор Васильевич начал серьёзно заниматься историей раскола и старообрядчества. Постепенно он собрал около пятисот рукописей по данной теме и до тысячи произведений старообрядческой литературы. Исторические и литературоведческие изыскания Е.В. Барсов активно публиковал в местной газете «Олонецкие губернские ведомости». Этот цикл исторических очерков был высоко оценён историком О.Ф. Миллером.

В 1870 г. Е.В. Барсов переезжает в Москву и поступает работать в Румянцевский музей (ныне Российская государственная библиотека). В том же году он вступает в Общество любителей российской словесности, а в 1881 г. его избирают секретарём Общества истории и древностей российский (ОИДР). С 1881 по 1907 гг. он редактирует журнал «Чтения ОИДР» и публикует в нём многие свои статьи, рецензии, документальные источники из собранного им архива. Тематика его научных работ разнообразна: «Андрей Завалишин и его пустынь» (1884. Кн. 4), «Олонецкий монастырь Клименцы» (1870. Кн. 4, 1871. Кн. 2), «Соображения о том, что значит имя Киева и название его...» (1895. Кн. 2), «О таможенной печати XVII в.» (1887. Кн. 4), «О названиях рек и местностей как исторических источниках» (1883. Кн. 4), «Исторический очерк чинов священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси» (1883. Кн. 1) и др.¹⁴

Из рукописного наследия Е.В. Барсов публикует Грамоты царя Алексея Михайловича и другие документы, относящиеся к Кирилло-Белозерскому монастырю (1885. Кн. 4), «Росписной список города (крепости) Киева 1677 г.» (1884. Кн. 1).

В «Чтениях» печатается второй по значимости трёхтомный труд Ельпидифора Васильевича под названием «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси в связи с древнерусской письменностью и живым народным песнотворчеством». Учёный датирует этот памятник древнерусской письменности концом XI — началом XII вв. и в качестве аналогий приводит древние летописные тексты, произведения фольклора, перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война»¹⁵. Сам автор исследования говорит о цели его

написания так: «Пользуясь знакомством с древнерусской письменностью и народным песнотворчеством, мы старались воспользоваться этим материалом для своей задачи так, чтобы наша книга была сколько не бесполезна для учёного филолога, столько же доступна для всякого любознательного человека». В этой работе учёный демонстрирует незаурядные филологические способности. Он производит палеографический и текстологический анализ «Слова». В третьем томе подробно разбирается значение 905 слов текста этого произведения. Отдельно три тома труда Е.В. Барсова издаются в 1887—1889 гг. Анализируя первые два тома, О.Ф. Миллер высоко оценил исследования Е.В. Барсова: «Труд Е.В. Барсова, прежде всего, большой труд, и автор, вынося его на плечах, утёр немало поту (выражаясь языком „Слова“ об его герое). Затем, это — труд, от которого не архивной пылью пахнет, а жизнью веет, труд, полный любви к делу, одушевления, невольно переходящего и к читателю». И далее: «Труд г. Барсова и в его теперешнем ещё незаконченном виде — труд поистине богатырский. Такой труд последовал у нашего автора после множества других трудов, как в виде издания памятников народной словесности и литературы, так и в виде монографий многообразного содержания и объёма. Уже все предшествующее было очень внушительно по совокупности. Последний же труд г. Барсова окончательно даёт ему, по нашему крайнему разумению, несомненное право на особое внимание всех друзей науки»¹⁶. В 1883 г. Е.В. Барсов начинает работать библиотекарем в Дашковском этнографическом музее, откуда и уходит в отставку в 1890-м г. Своей уникальной коллекцией он распоряжается следующим образом: часть собрания передаёт в Киевскую духовную академию, часть за вознаграждение — в Государственный исторический музей¹⁷.

Образ яркого незаурядного человека, каким был Ельпидифор Васильевич, сохранил для потомков знаток Москвы и её обитателей писатель В.А. Гиляровский. В его знаменитой книге «Москва и москвичи» есть очерк «Нечаянная радость», в котором он рассказал о незабываемых встречах с Е.В. Барсовым¹⁸.

Первая встреча произошла случайно в середине 1870-х гг., когда известный журналист возвращался ночью с места пожара. Он шёл по Малой Бронной, когда увидел идущего домой Е.В. Барсова: «Вижу, с бульварчика Патриарших прудов тропит мелкими шажками, чуть не бежит, маленький человечек с рыжеватой округлой бородёнкой и маленькими „северными“ пронзительными глазками, весело глядящими, ничего не видя из-под измятой полястой шляпёнки. Одет он был в модную тогда среди небогатой интеллигенции коричневую размахайку — крылатку». Учёный пригласил В.А. Гиляровского в свою съёмную квартиру на первом этаже старинного дома на Патриарших прудах. Квартира напоминала лавку старьевщика: на стенах висели иконы, углы были завалены книгами, рукописями. В одном углу — старообрядческая литература, в другом — по истории театра, в третьем — собранные учёным произведения фольклора. Хозяин чувствовал себя в этом беспорядке как рыба в воде. Стоило ему коснуться какой-либо рукописи — и происходило чудо открытия чего-то интересного и непознанного, «нечаянная радость». Хозяин угостил гостя чаем с любимым, присланным с Севера поляничным вареньем на меду, с калачами и гречишниками — пирогами

с гречневой кашей. И было необыкновенно тепло и уютно в этой холостяцкой квартире.

Другая встреча произошла в 1901 г. по приглашению Е.В. Барсова в его собственном доме на Шаболовке. Этот дом подарил учёному редактор газеты «Московский листок» Н.И. Пастухов — яркий, чисто московский тип человека широкой натуры. Из голодного репортёра он превратился в миллионера. Николай Иванович всегда помогал своим собратьям по перу и по-дружески купил дом Е.В. Барсову¹⁹.

Ельбидифор Васильевич был уже не одинок, он женился на вдове, которой и принадлежал купленный Н.И. Пастуховым дом. На первом этаже двухэтажного деревянного дома были расставлены антикварные, собранные учёным вещи: народная деревянная скульптура, фрагменты царских врат, древнее оружие. На втором этаже в застеклённых шкафах были аккуратно разложены книги и рукописи. На окнах стояли горшки с геранью. Е.В. Барсов встретил В.А. Гиляровского в красной рубашке, подпоясанной шёлковым поясом, и в широкополой соломенной шляпе. При этом Гиляровскому показалось, что хозяин дома скучал по своей старой квартире, напоминавшей лавку старьевщика, которую несколько раз удостоивал своим посещением Л.Н. Толстой и где происходили многие другие интересные встречи.

Умер Е.В. Барсов в 1917 г. и похоронен на Донском кладбище в Москве.

Выпускник Новгородской духовной семинарии **Михаил Иванович Владиславлев** избрал для себя такую сферу научной и педагогической деятельности как философия, логика и психология. Он воспитал плеяду талантливых учёных, последователей его философских воззрений, продолжателей его дела: Н.Я. Грот — ординарный профессор философии Московского университета, Н.Н. Ланге — преподаватель философии в Новороссийском университете, Э.Л. Радлов — преподаватель философии в Александровском лицее и училище правоведения, А.И. Введенский — профессор логики и психологии С.-Петербургского университета. Все они высоко чтит своего учителя, читавшего курсы лекций по нескольким дисциплинам на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета²⁰.

После смерти любимого педагога А.И. Введенский посвятил ему содержательную статью, в которой изложил биографические сведения и защитил от нападок анонимного автора, который подверг резкой критике двухтомный труд Михаила Ивановича «Психология», изданный в 1881 г.²¹

М.И. Владиславлев родился 9 ноября 1840 г. близ г. Старая Русса в семье сельского священника. Он учился в Старорусском духовном училище, затем Новгородской духовной семинарии, которую окончил в 1859 г. С 1859 по 1861 гг. Владиславлев учился в С.-Петербургской духовной академии, не завершив учёбу, он покинул академию. Причиной ухода явилось недовольство уровнем преподавания некоторых педагогов²².

В этот период Михаил Иванович познакомился с братьями Достоевскими: Михаилом Михайловичем и

Фёдором Михайловичем, которые предложили ему сотрудничество в основанном ими в 1861 г. журнале «Время». В этом журнале Михаил Иванович напечатал свои первые научные статьи по вопросам философии. Тогда же он познакомился с дочерью Михаила Михайловича Достоевского, которая в 1866 г. стала его женой.

Оставив академию, М.И. Владиславлев в 1862 г. уехал за границу, чтобы более глубоко изучить историю философии и современные философские направления.

Он не принял материалистическое учение и остался убеждённым сторонником идеалистических взглядов. Результатом его заграничной командировки явилась защита в 1866 г., спустя два года после возвращения в Россию, магистерской диссертации на тему «Современные направления в науке о душе», изданной в том же Санкт-Петербурге. Это открыло ему путь к преподавательской и дальнейшей научной деятельности. Его приняли доцентом на кафедру философии в С.-Петербургский университет, а в 1867 г. он возглавил эту кафедру на историко-филологическом факультете. В этом же году вышел из печати осуществлённый Владиславлевым перевод знаменитой книги Иммануила Канта «Критика чистого разума». Издать этот перевод помог ему Н.А. Неклюдов. Учёный много печатается в различных журналах: «Эпоха» (издатель братья Достоевские), «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Московских и Санкт-Петербургских ведомостей»²³.

Докторскую диссертацию учёный защитил в 1868 г. на тему «Философия Платона, основателя новоплатоновской школы», что позволило ему получить звание профессора.

В те годы философия, как и логика, и психология, с трудом входили в практику учебных заведений. М.И. Владиславлев очень много приложил усилий для того, чтобы эти предметы заняли достойное место в учебном процессе такого известного заведения как С.-Петербургский университет, где он читал курсы лекций по большому количеству предметов. А.И. Введенский вспоминал, что лекции учёного пользовались популярностью у студентов. Приходили на них учащиеся других факультетов. Введенский отмечал: *«его лекции не отличались изяществом речи — неотделанной и небрежной, но они обладали кидаящеюся в глаза ясностью изложения, из-за которой слушатели легко примирялись с их внешними недостатками, строгостью аргументации и столь заметною внутреннею связью излагаемых мыслей, что, уходя с лекции, без труда можно было воспроизвести её содержание»*²⁴.

М.И. Владиславлев подготовил и издал несколько замечательных учебников, по которым училось не одно поколение студентов: «Логика», СПб., 1872 г.; «Психология» (в двух томах), СПб., 1881 г.; «Элементарный учебник логики» СПб., 1882 г.

Учебник по психологии вызвал споры и разногласия в учёном мире. Большое место в нём уделено анализу чувствований, которые автор разделял на положительные и отрицательные. К положительным он относил уважение, удивление, величие, к отрицательным — пренебрежение, презрение. Основным мерилom чувствований учёный считал материальное благосостояние. В душевной жизни,

М.И. Владиславлев

по его мнению, главным двигателем является воля. Она присутствует в каждом душевном проявлении²⁵.

В книге рассмотрены многие проблемы, в том числе о сущности власти, о взаимоотношении государства и народа и особенностях данных отношений у русского народа.

Власть, по его мнению, должна быть сильной и строиться на беспрекословном подчинении и дисциплине.

Образцом для Владиславлева являлись отношения между начальниками и подчинёнными в военной сфере, власть при этом должна обладать нравственной силой. Интересные рассуждения касаются особенностей отношений русского человека к власти и государству: *«Русский человек нёс и несёт тяготу государственной жизни: новгородец и архангелогородец жертвуют на Восточную войну, на болгар, не из страха и не для избежания горюхих неприятностей, а потому, что иначе не хотят поступать, потому что государственный союз, оберегание его и жертвы для него есть предмет одного из первоначальных хотений всякого здорового души русского человека, хотение глубокое и мало сознаваемое»*²⁶.

*«Без нравственной подкладки, как бы корпорация ни была богата и сильна, какое бы могущество ни стояло за учреждением, как бы ни давало сословие чувствовать свою силу, они могут быть предметом удивления, страха, но отнюдь не уважения. Большая же нравственная сила исторгает уважение к себе: мы можем не любить лица, учреждения, можем их ненавидеть, но если в них есть нравственная мощь, мы не можем не уважать их»*²⁷.

В 1885 г. Владиславлев был утверждён деканом историко-филологического факультета, а с 1887 по 1890 гг. трудился ректором С.-Петербургского университета. В 1890 г. учёный скончался в возрасте 50 лет, ненадолго пережив свою жену²⁸.

Мы рассказали только о некоторых выпускниках НДС, избравших светскую карьеру. Получив образование в лучших учебных заведениях России, многие из выпускников успешно трудились учителями, врачами, юристами, чиновниками, строителями не только в Новгородской губернии, но и за её пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVII-ми курсов Петербургской духовной академии: 1814–1879 годы. СПб., 1907. С. 279–280.

² Биографический словарь студентов... С. 46–47.

³ Биографический словарь студентов... С. 109.

⁴ ОПИ НГМ. КП. ОР № 30056–270 / Кр-284. Л. 12.

⁵ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 404. 1855. Л. 1–13.

⁶ Там же. Ф. 835. Оп. 1. Д. 508. 1870. Л. 5–56.

⁷ Немировский А.И. Модестов Василий Иванович // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 546–547.

⁸ Модестов В.И. Орывок из воспоминаний // Исторический вестник. СПб., 1884. Т. 18. (октябрь, ноябрь, декабрь). С. 282–300.

⁹ Энциклопедический словарь в 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 38. С. 585–586; Немировский А.И. Указ. соч. С. 546–547; Ростовцев М. Некролог // ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения). 1907 (июль). Раздел «Современная летопись». С. 75–82.

¹⁰ Письмо Е.В. Барсова О.Ф. Миллеру 11 мая 1868 г. // ЖМНП. 1912. № 6 (июнь). С. 317.

¹¹ Венгеров С.А. Указ. соч. Т. 2. С. 163.

¹² Некролог // Исторический вестник. 1917. Т. 38. № 7–8 (июль–август). С. 287–288.

¹³ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891. С. 222–225, Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. С. 163–164.

¹⁴ Полный список трудов Е.В. Барсова опубликован в брошюре Д.М. Цветаева «Записка об учёных трудах Е.В. Барсова». М., 1887.

¹⁵ ЧОИДР (Чтение общества истории и древности Российских). 1884. Кн. 2, IV раздел, С. 213–418; кн. 3, IV раздел. С. 429–462.

¹⁶ Ор. Миллер. Капитальный труд по древней русской литературе // ЖМНП. 1888. № 9 (сент.). С. 174–201.

¹⁷ Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 70.

¹⁸ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 390–401.

¹⁹ Гиляровский В.А. Москва газетная. Друзья и встречи. Минск. 1989. С. 74–122.

²⁰ Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 10. С. 672.

²¹ Введенский А.И. Научная деятельность М.И. Владиславлева // ЖМНП. 1890. № 6 (июнь). С. 182–211.

²² Там же. С. 194, 199.

²³ Там же. С. 201; Энциклопедический словарь (издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон) Т. 12. С. 657–658. СПб., 1892.

²⁴ Введенский А.И. Указ. соч. С. 203–204, 210.

²⁵ Приленский Е.И. Владиславлев М.И. // Русская философия. Энциклопедия. М., 2007. С. 96.

²⁶ Владиславлев М.И. Психология. Т. 2. СПб., 1881. С. 417.

²⁷ Психология. Т. 1. СПб., 1881. С. 573.

²⁸ Некролог // Исторический вестник. 1890. № 6. (июнь). С. 710–712.

И.Д. Савинова

«ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»

Тыл — фронту

Почти две трети Новгородской земли было опалено горячим дыханием войны. Линия фронта пересекала Маловишерский и Лычковский районы, проходила по Дрегельскому и Мстинскому. Лишь Крестецкий, Валдайский, Окуловский, Любытинский, Хвойнинский, Боровичский, Пестовский и Опеченский не подверглись вражеской оккупации, но являлись ближайшим тылом Северо-Западного и Волховского фронтов.

Жители этих районов оказывали безмерную поддержку Красной Армии и партизанам. Ведущие предприятия отсюда были полностью или частично эвакуированы, а оставшиеся изменили профиль производства и работали на нужды фронта. Жизнь и быт тружеников прифронтовой полосы определялись лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!».

Тысячи женщин и подростков отправлялись на строительство оборонных рубежей. Только в 1941 году в Боровичском районе работали 9500 человек и с ними 150 лошадей. Жители Валдайского района к 1944 году отработали «на оборонке» 288 150 человеко-дней, т.е. в среднем ежедневно 1000 человек и 185 лошадей трудились на валке леса, расчистке от снега и строительстве дорог. Не уступали им жители Пестовского района: к январю 1943 года они отработали 255 000 человеко-дней на специальных оборонных объектах. Значительное число людей расчищало от снега аэродромы и основные транспортные магистрали.

Через Крестецкий район проходили почти все дороги к Северо-Западному фронту. Население содержало их в порядке и прежде всего — участок шоссе Москва—Ленинград, пути на Окуловку и Малую Вишеру. В ноябре 1942 года по приказу Военного совета фронта начались оборонительные работы в самих Крестцах. Кроме местных жителей, в них участвовало около 800 человек из района. Всего же на февраль 1943 года трудящиеся района отдали «оборонке» более 90 000 человеко-дней.

На территории неоккупированных районов размещались 18 аэродромов. На десяти из них базировалась авиация Волховского фронта, на шести — Северо-Западного. В Пестовском районе на двух аэродромах стояла авиация Балтийского флота.

Мобилизация на оборонительные работы проходила практически до весны 1944 года. Например, Военный Совет Волховского фронта постановлением от 8 ноября 1942 года предписывал местным властям «выделить по 1 февраля 1943 года рабочую силу и гужевой транспорт в количестве 1300 человек и 90 лошадей из Окуловского, 1300 человек и 90 лошадей — из Боровичского, 600 и 40 соответственно из Любытинского районов»¹. Подобные распоряжения поступали регулярно.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ

В декабре 1941 года гитлеровские войска под Тихвином были отброшены за Волхов. Линия фронта стабилизировалась. Ленинградский обком ВКП(б) обратился к партийным и советским организациям с призывом быстрее восстановить реэвакуированные предприятия и расширить производство на действующих для выполнения заказов фронта.

Боровичский комбинат «Красный керамик», несмотря на то, что большая часть его мощностей была эвакуирована, изыскал возможность принять оборонный заказ. Выполняли его 300 человек, работавших в слесарном, литейном и кузнечном цехах. Они выпускали мины и гранаты, печки для землянок и солдатские котелки. Не хватало металла — собирали лом. Пошла в переплав и оцинкованная крыша бывшего летнего театра в саду отдыха керамиков. В центральных мастерских наладили выпуск походных армейских бань и кухонь, чугунных пищевых котлов, тракторных прицепов для перевозки снарядов. Огнеупорщики перестроились на ремонт танков, изготовление запасных частей для автомашин.

В мае 1942 года Государственный Комитет Обороны (далее — ГКО) посчитал возможным восстановить огнеупорное производство, в продукции которого нуждались металлургические заводы. В цехи были приглашены также старые рабочие, молодёжь, женщины города. Начальник реэвакуации Г.И. Бабич сумел добиться возврата с Богдановичского и Сухоложского заводов энергетического оборудования комбината. Вернулись с Урала рабочие-специалисты, инженерно-технические работники.

Параллельно с выполнением оборонных заказов началось восстановление основного производства. Движущей и организующей силой всех работ и мероприятий была партийная организация, коммунисты коллектива. Какие бы ни произошли переоценки идеалов, ведущую роль коммунистической организации и в тылу, и на фронте на военном историческом отрезке времени нельзя ни утаить, ни умалить.

Вопрос о восстановлении комбината стал главным делом его парторганизации. Ход восстановительных работ находился под контролем партбюро, регулярно рассматривался на партсобраниях. Парторганизация занялась одновременно и подготовкой кадров огнеупорщиков. К учёбе были привлечены лучшие производственники: они обучили 412 человек. Например, коммунист Елена Голикова, начальник формовочного отделения цеха № 4, обучила нескольким профессиям 60 человек. Молодые члены партии, работницы цеха № 3 — Молчанова, Сорокина, Александрова — сами овладели несколькими специальностями и обучили им 16 человек².

По законам военного времени никто не работал меньше 12 часов. Первым наладил выпуск огнеупоров цех № 1, за ним вступил в строй цех № 4. В результате неимоверных усилий всего коллектива комбината в конце 1942 года выпустил 32 500 тонн огнеупоров. При этом надо помнить, что оборонные заказы никто не отменял³. За годы войны комбинат изготовил 411 628 тонн огнеупоров. В 1943 году он выполнил важное задание ГКО — выдал огнеупорный припас для строившейся в Магнитогорске доменной печи № 6.

В течение всей войны комбинат успешно справлялся с многочисленными заданиями и неоднократно становился победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий Наркомата. В коллективе трудилось 36 комсомольско-молодёжных фронтовых бригад. За самоотверженный труд 79 человек были награждены орденами и медалями. Орден Ленина был вручён грузчику Павлу Ремнёву, Трудового Красного Знамени — обжигальнице Марии Волоцкой, заменившей ушедшего на фронт мужа. Этой же награды была удостоена и начальник формовочного отделения Елена Голикова.

Все силы отдавали фронту и другие предприятия и артели Боровичей. Деревообрабатывающий комбинат только в 1942 году по спецзаказам фронта изготовил 9892 пары лыж, два понтонных моста, 1020 ружейных прикладов, 2088 топчанов, 380 ящиков для бутылок с горючей жидкостью, 54 650 ящиков для мин, 18 фургонов для автомашин, 18 полевых пекарен и других предметов фронтовой потребности⁴. За этими безликими цифрами стоит самоотверженный труд, прежде всего женщин и подростков, потому как основная мужская сила воевала с противником на полях войны.

Пример трудовой доблести показал коллектив механического завода, эвакуированного в Боровичи из Ленинграда. В мирное время завод выпускал оборудование для мясоперерабатывающих предприятий и предметы домашнего обихода. В первые же дни войны он освоил изготовление снарядных гильз и мин. 5 апреля 1942 года начался демонтаж оборудования, который завершился через 11 дней. Вместе с людьми оно было вывезено из Ленинграда по Дороге жизни. Апрельский лёд Ладоги был уже покрыт водой. Во время бомбёжки часть машин затонула.

К октябрю 1942 года оборудование уже было смонтировано в зданиях эвакуированного на восток механического завода. Руководили всей этой титанической работой директор В.А. Чернявский и главный инженер В.В. Буш. Трудности подстерегали на каждом шагу, сказывалась нехватка оборудования, металла, красок, тары. И всё же в октябре завод вступил в строй, а к концу года освоил производство 82-миллиметровых мин. До конца войны они и были основной продукцией предприятия. Кроме этого, коллектив выполнял и различные заказы воинских частей, расположенных вблизи, а также изготавливал запасные части для тракторов.

Военная обстановка способствовала развитию промышленности в Пестовском районе. К 1943 году здесь были построены и пущены в эксплуатацию новые заводы, цехи и мастерские. Солдатские гимнастёрки стала поставлять швейная фабрика мощностью в 120 машин. Химпищезавод начал производить повидло, варенье и был в состоянии перерабатывать в год более 10 000

центнеров сахарной свёклы и около 8000 центнеров клюквы. Приступил к выпуску продукции вновь построенный механизированный деревообделочный завод «Ленхимуголь». В районе расширилась сеть валяльных и сапожных мастерских, которые в день выпускали 100 пар валенок и 100 пар пошитых и починенных сапог. Авторемонтный завод освоил 25 видов деталей и запасных частей для автомашин. По сравнению с довоенным уровнем промышленность Пестовского района увеличила выпуск продукции на 50 процентов.

Труженики всех районов, оставшихся в советском тылу, все свои силы отдавали фронту. Окуловские предприятия наладили производство сапёрных лодок, саней, телег, лыж, болванок для винтовочных лож, деревянных лопат, строительных скоб. На бумажном комбинате в 1942 году было изготовлено 280 понтонов, 1000 железобетонных колпаков для пулемётных гнёзд, 72 фургона⁵. Во второй половине 1942 года возобновили работу Маловишерский стеклозавод, Угловский известковый, ткацкая Кулотинская фабрика им. Болдыревой, пять районных промкомбинатов.

ТОПЛИВО — ЛЕНИНГРАДУ. РАБОТА ТРАНСПОРТА

Как показывает история, во все критические моменты существования любого государства — революционные или военные — в скором времени встаёт проблема топлива, необходимого и для производства, и для обогрева жилищ. Встала эта проблема и перед тружениками тыла. Прежде всего, топливо требовалось для блокадного Ленинграда. Осенью 1942 года по инициативе обкома партии, поддержанной правительством, создаётся трест «Ленинградуголь» — для руководства строительством шахт и добычей угля.

В сложных гидрологических условиях при постоянном отсутствии необходимого оборудования, материалов, спецодежды, обуви люди, никогда не работавшие в рудниках, заложили четыре шахты. Главные работы велись в Любытинском районе. Здесь создали новое шахтоуправление — Комаровское. К 1944 году работало уже 11 шахт, которые дали Ленинграду 223 216 тонн угля. В скором времени деревня Комарово стала рабочим посёлком.

Большую часть работ и в строительстве, и в забоях выполняли женщины. До сего времени они в шахты никогда не спускались, но в военные годы женщины составили почти половину шахтёрского коллектива и работали они самоотверженно. Забойщицы Герасимова и Стафеева давали до 106 процентов мужской выработки. Также ударно работали каталь Гурьянова, откатчица Фёдорова. В 1944 году 80 человек, в первую очередь шахтёрок, были награждены орденами и медалями: две — орденом Ленина, пять — Трудового Красного Знамени, 15 — «Знак Почёта», 25 — медалью «За трудовое отличие», 33 — «За трудовую доблесть»⁶.

Не уступали в трудовой доблести и работницы соседних рудников им. Артёма, которые заменили своих мужей, ушедших на фронт. В 1943 году забойщиками работали 24 женщины, 20 — крепильщицами, 40 — катальми, 10 — машинистами, 10 — слесарями. Прасковья Михайлова добывала за смену 18 тонн огнеупоров при норме 11,4. Токарь Анна Максимова выполняла задания на 220 процентов. Одна из лучших забойщиц рудоуправления М. Герасимова свои трудовые достижения

объясняла просто: *«Не физическая сила, а умение применить отбойный молоток к идущему слою, правильная отбойка глины — вот что помогло мне...»*⁷.

Нужда в топливе существовала постоянно, несмотря на ударный труд комаровских шахтёров. Из-за нехватки угля Государственный Комитет Обороны весной 1942 года перевёл железнодорожный транспорт Северо-Запада на дровяное топливо⁸, но лес был нужен и как сапёрный материал Ленинградскому, Волховскому и Северо-Западному фронтам. В нём нуждались действующие предприятия и сами новгородцы.

В числе основных лесозаготовительных районов был Пестовский. Только за зимний период 1941—1942 гг. здесь было заготовлено более 200 000 и вывезено 170 000 кубометров леса. К следующему осенне-зимнему сезону пестовцы проложили две рельсовые дороги, построили семь ледяных и три автодороги. За три года войны лесозаготовки в сравнении с довоенным периодом увеличились в четыре раза, вывозка леса — в восемь раз. Пестовчане дали 761 000 кубометров древесины⁹.

Напряжённо работали крестецкие, боровичские, окуловские, любытинские лесозаготовители. Лесорубов-мужчин заменили их жёны и дети. Многие жили прямо в лесу в землянках и бытовках: и безопаснее, и работа рядом. Женщины валили деревья, обрубали сучья, а в приспособленных жилищах их дожидались дети. Елена Чубанова превысила выработку мужа в мирное время. Подросток Коля Козлов овладел лучковой пилой и постоянно перекрывал норму. Во Всесоюзном соревновании Крестецкий лесопункт занял первое место.

На помощь им регулярно направлялись бригады мобилизованной колхозной молодёжи. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования в 1942 году Боровичскому леспромхозу было присуждено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомлеса, Красное знамя обкома профсоюза и треста «Ленлес»¹⁰.

Другим источником энергии являлся торф. В восточных районах области в годы войны действовало четыре торфопредприятия: Боровичский «Тухун», Окуловское, Никитинское и Угловское.

Неоценимую роль в деятельности тыла и в снабжении войск играли железнодорожные и автогужевые дороги. Ленинград снабжался в основном по Северной железной дороге с выходом на Ладожское озеро, но пропускная способность этого пути не обеспечивала спрос. Было решено соединить Северную дорогу с Октябрьской. В первую военную зиму жители Окуловского, Любытинского и Дрегельского районов через леса и болота проложили железнодорожную ветку Любытино — Неболчи. Станция Будогощь была соединена с Тихвином. По железнодорожным путям бесперебойно шли эшелоны с войсками, оружием, боеприпасами, продовольствием.

По инициативе коллектива Московского узла Ленинградской железной дороги путейцы прифронтовых районов включились в соревнование. Широкое распространение получил почин машиниста-новатора Н.А. Лунина — ремонтировать паровозы силами паровозных бригад в пути. Работники депо и станции Окуловка обеспечивали безаварийное движение поездов, своевременную разгрузку и погрузку вагонов. В ноябре 1942 года ГКО присудил коллективу узла переходящее Красное знамя. Окуловские железнодорожники организовали санитарный поезд

из 50 вагонов, полностью их оборудовали, обеспечили посудой и бельём. В каждом вагоне были установлены ящики для писем, имелись бумага, конверты, книги.

За годы войны окуловские железнодорожники выгрузили и погрузили 50 353 вагонов, перевезли более 230 000 человек. Ежедневно станция Окуловка принимала до девяти поездов вместо трёх по норме¹¹.

Памятником трудовой славы военных лет является участок железнодорожного пути на линии Кабожа — Подборовье от основной магистрали до границы Хвойнинского района. Эту линию по заданию Военного Совета Волховского фронта построили хвойнинские колхозники. Роль хвойнинского участка повысилась: по сравнению с довоенной эксплуатацией поток грузов возрос в четыре раза. На смену ушедшим на фронт железнодорожникам в депо пришли подростки и домохозяйки. Они ремонтировали паровозы, оборудовали площадки для бронепоездов. Авиация противника регулярно совершала налёты на эту железнодорожную линию. В начале 1942 года вражеские самолёты вывели из строя 16 паровозов. Чтобы спасти остальные, рабочие железнодорожного узла с помощью жителей Хвойной построили в лесу тупик длиной в 500 метров и замаскировали узкую просеку сетями и связанными верхушками деревьев¹².

ВКЛАД КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

И на фронте, и в тылу в лихую годину главным продуктом становится хлеб. Будет хлеб — будет крепка линия фронта, тыловые заводы будут выпускать боеприпасы и военную технику, выживут дети — выживет будущее страны.

Сельское хозяйство прифронтовых районов оказалось в сложнейших условиях. Колхозы и совхозы передали Красной Армии почти всё поголовье лошадей, скот, из МТС были взяты автомобили, новые трактора. Многие МТС эвакуировались, на фронт ушли почти все мужчины. Но уже через три месяца после начала войны следовало браться за уборку урожая, провести сев озимых.

Ленинградский обком ВКП(б) создал комиссию по северо-восточным районам, которая развернула подготовку к весеннему севу 1942 года. С огромным трудом удалось восстановить 10 МТС, их стало 19. Станции укомплектовали тракторами, присланными из Вологодской и Кировской областей. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 года в МТС были созданы политотделы. Такой отдел в Окуловской МТС сумел организовать соревнование между тракторными бригадами на ремонте техники, с помощью коммунистов провёл воскресник по сборке машин, приведению в порядок мастерских, расчистке усадебных станций. Политотдел провёл собрание и с руководителями хозяйственных организаций пос. Угловка, которые оказали помощь МТС в оборудовании мастерской, поделились инструментом и запасными частями¹³.

В Валдайской МТС хорошо знали трактористок Екатерину Баркову и Марию Иванову. Они не только управлялись с трактором, но умели водить автомашину и комбайн. Когда началась война, эти женщины выступили в районной газете с обращением: «Девушки, на трактор!». Они писали: *«Мы берёмся в кратчайшие сроки обучить группу девушек-колхозниц управлять тракторами, поможем также им научиться работать на уборочных машинах. Мы призываем девушек нашего района*

овладеть профессией тракториста и машиниста»¹⁴. На этот призыв откликнулись десятки валдайских девушек и женщин.

Весенний сев 1942 года прошёл при большой нехватке людей, тягловой силы, горючего, запасных частей. Большинство колхозов пахали на коровах, а то и сами женщины впрягались в плуг. Свыше 6500 гектаров они вскопали лопатами¹⁵ вручную.

Несмотря на такие трудности, весенний сев земледельцы завершили на 10 дней раньше предыдущего года. К 20 июня 1942 года колхозники северо-восточных районов посеяли 170 362 гектара пашни, посадка овощей увеличилась на 3894 гектара. Особенно организованно, с перевыполнением плана провели сев Боровичский, Опеченский, Хвойнинский, Любытинский, Пестовский и Мошенской районы.

Выполнение госпоставок хлеба и продуктов было равносильно боевому приказу. Колхозы и совхозы Боровичского района успешно выполнили свои задания на IV квартал 1942 года и завоевали второе место по стране. В 1943 году Боровичскому району было присуждено переходящее Красное знамя Госкомитета Обороны, во II и III кварталах район уверенно занимал 2-е место по стране.

Поставки продуктов исчислялись такими цифрами:

- 1941 г. Зерно — 13 860 ц, молоко — 26 991 ц, картофель — 43 958 ц.
- 1942 г. Зерно — 15 138 ц, молоко — 23 634 ц, мясо — 3077 ц, картофель — 56 660 ц.
- 1943 г. Зерно — 18 861 ц, молоко — 22 272 ц, мясо — 2748 ц, картофель — 60 659 ц¹⁶.

Помимо обязательных госпоставок, боровичские крестьяне отправили из своих личных запасов 750 тонн продуктов жителям блокадного Ленинграда. Во Всесоюзном соревновании 1942 года Боровичский район оказался в числе 135 лучших в стране. Колхозы провели весенний сев за 12 рабочих дней, уборку урожая — за 30 (в 1940 году на эту кампанию потребовалось 65 дней). Урожай зерновых по сравнению 1940 годом составил 130 процентов. Средний урожай зерна в колхозе «XV годовщина Октября» (председатель И.Я. Бойцов) — 19 ц, в колхозе «Будёновец» (председатель М.Т. Гуляев) — 16,8 ц с гектара¹⁷.

Успешно выполняли госпоставки и сельчане Пестовского района. Ежегодно они сдавали в среднем мяса свыше 3000 центнеров, молока — 2000, зерна — свыше 17 000, картофеля — свыше 30 000 центнеров. Кроме обязательных заданий пестовчане передали в Фонд Обороны 8324 ц зерна, 2923 ц овощей, 541 ц картофеля, 270 пудов мяса. Пестовские крестьяне со своих подворий собрали для защитников Родины 2080 кг мяса, 104 кг масла, 720 кг лука¹⁸.

К сожалению, не у всех спорилась работа. Яжелбицкая, Крестецкая, Амосовская, Маловишерская, Боровёновская, Дрегельская МТС выполнили план тракторных работ к 20 августа 1942 года лишь на 41 процент. Комиссия обкома ВКП(б) по руководству северо-восточными районами рассмотрела состояние дисциплины и использование техники в этих коллективах и обязала руководителей принять соответствующие меры¹⁹.

За неполными цифрами достижений стоит самоотверженный труд советских женщин, о которых так проникновенно сказал поэт Михаил Исаковский:

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть.
Одна ты и дома, и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всюю страной,
И ты перед всюю войною
Сказалась — какая ты есть.

(«Русской женщине». 1945 г.)

Несмотря на все тяготы военной поры, женщины стойко держались, поили-кормили армию и тыл, растили детей. Об этом беспримерном труде скупко рассказывают архивные документы. Среди них и материалы Опеченской МТС тех лет. За малословными строками протоколов, написанных карандашом или чернилами на обёрточной бумаге, на обрывках обоев или плакатов, угадывается трудная, напряжённая жизнь.

Первого июня 1942 года на производственном совещании МТС присутствовали председатели и бригадиры колхозов. Обсуждались итоги сева. «Работали по-военному, — фиксирует протокол. — Сев завершили за десять дней». Председатель колхоза «Коммунар» благодарит трактористов: вместо 157 гектаров засеяли 169. Но были и нарекания: трактористы малоопытные, не всегда самостоятельно справлялись с делом. Откуда же быть опыту? Ведь работали в основном девушки 18—20 лет²⁰.

В коллективе Опеченской МТС выделялась мастерством Клавдия Сакулина, которая была за рулём со дня открытия станции в 1935 году, окончив здесь же курсы трактористов. Во время войны Клавдия Александровна возглавила бригаду девушек, которая неоднократно становилась победителем среди тракторных бригад области. В 1943 году трактористкам было вручено переходящее Красное знамя Ленинградского обкома партии, облисполкома и обкома комсомола. Бригадир вручили значок «Отличный бригадир тракторной бригады».

Помимо основной работы каждый стремился сделать сверх положенного, внести свой личный вклад в победу над фашизмом. В июле 1942 года на общем собрании коллектива МТС В. Корнетова предложила провести сбор средств среди молодёжи в память «погибшего героя Зои Космодемьянской». Было решено обратиться ко всем юношам и девушкам Опеченского района поддержать этот почин, а собранные средства передать на нужды фронта.

К.А. Сакулина предложила вырастить дополнительно по центнеру овощей на своих приусадебных участках и осенью этот урожай сдать населению районов, только что освобождённых от фашистских захватчиков. Инициативу поддерживали все труженики.

В этой напряжённой обстановке случались неожиданные и памятные события. Незабываемой стала для К.А. Сакулиной поездка на Волховский фронт осенью 1942 года в составе делегации тружеников тыла. Впечатление от поездки оказалось поразительным: «Нужно сказать, что мы ещё далеко недостаточно работаем по сравнению с фронтом. Особенно я обратила внимание на уход за машинами. Бойцы на фронте воюют, но как они ухаживают за техникой! Нам далеко до них».

Гости привезли бойцам вареники и гостинцы: мёд, солонину. Фронтовики показали своё житьё-бытьё,

предложили ночлег в землянках, предоставили возможность услышать артиллерийскую канонаду.

Таких тракторных бригад, таких самоотверженных тружениц было предостаточно и в других районах. Комсомолка Ольга Караваева из Яжелбицкой МТС Валдайского района выполнила план тракторных работ 1943 года на 200 процентов, вспахав 270 гектаров, сэкономила при этом 930 кг горючего и научила водить трактор свою подругу²¹.

Тысячи женщин стали трактористами, шофёрами, комбайнёрами, звеньевыми и бригадирами. В Любытинском районе 45 женщин возглавили колхозы, 135 — бригады, 415 — звенья²².

Тяготы войны испытывали и самые юные граждане страны — дети. Они наравне со взрослыми участвовали в трудовых делах. Осенью 1942 года в Хвойнинском районе была объявлена мобилизация трудоспособного населения на уборку урожая. Взрослых вышло 880 человек, учащихся — 509. Кроме них вышли на поля 2490 школьников начальных классов, которые и не подлежали мобилизации. Вместе с учениками трудились 154 учителя²³.

На любытинских полях в годы войны работало 1969 школьников. Их результат — 66 193 трудодня, 79 учителей руководили ученическими бригадами, которые проположили 711 га различных культур, вытеревали 823 га льна, убрали овощи с 412 га и подобрали колоски с 350 га.

Не отставали от любытинских сверстников учащиеся школ Боровичского района. В 1942 году за четыре месяца 2573 человека заработали 120 775 трудодней. В 1943 году на полях и фермах трудились 3253 школьника. Учащиеся 1—4 классов выработали 2167 трудодней. Отличных результатов достигли учащиеся Передской неполной средней школы: в 1943 году они выработали 11 620 трудодней. Кроме непосредственного трудового участия, школьники выпустили в колхозах 64 стенгазеты, 293 боевых листка, проводили беседы, читку газет, ставили в полях концерты. За свой самоотверженный труд передние школьники были отмечены наградами Ленинградского облисполкома, ЦК ВЛКСМ, Наркомзема и Наркомпроса²⁴.

Несмотря на своё «тыловое положение», жители северо-восточных районов ошутимо испытывали дыхание близких фронтов. Крестецкий, Мстинский, Валдайский, Боровичский районы неоднократно подвергались налётам вражеской авиации. В Боровичах была подготовлена основательная по тем временам противовоздушная защита: вырыты 252 щели полевого типа на 8915 человек, подготовлены 11 подвальных укрытий на 517 человек, на предприятиях I и II категорий насчитывалось 29 щелей на 1200 человек²⁵.

Город на Мсте в годы войны превратился в подлинный город-госпиталь. Десятки тысяч раненых получили здесь медицинскую помощь, многие после выздоровления снова ушли на фронт, особо тяжело раненные отправлялись на излечение в глубокий тыл с более оснащённой медицинской базой. Госпитали неоднократно посещал главный хирург Волховского фронта А.А. Вишневский — видный специалист полевой хирургии. В своём фронтовом дневнике он несколько раз упоминает свои поездки в Боровичи.

Несколько госпиталей расположились в Крестцах. Под них были отведены здания школ и учреждений.

320 девушек из района добровольно ухаживали за ранеными, 184 колхозницы стирали бельё для госпиталей.

Военные госпитали располагались также в Пестове, Валдае, Хвойной. Памятью о них остались братские кладбища, на которых захоронены скончавшиеся от ран солдаты.

«ОТОШЛЮ НА ФРОНТ БОЙЦУ...»

Любовь к Родине, желание всеми силами помочь нашим бойцам приблизить победу над врагом помогали труженикам тыла не только преодолевать все тяготы, но и находить новые возможности и резервы для поддержки фронтовиков и жителей блокадного Ленинграда. Кроме выполнения обязательных госпоставок, добровольных сборов продуктов для фронтов, которые проходили совсем рядом, жители неоккупированных районов отсылали на фронт посылки бойцам.

Воины Северо-Западного и Волховского фронтов постоянно чувствовали моральную и материальную поддержку жителей тыловых районов. Нескончаемым потоком шли в воинские части посылки и письма. Развернулось шефство городов и районов над частями и соединениями.

Тесные связи установились между трудящимися Боровичей и воинами 191-й Краснознамённой стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор И.И. Бураковский. Воины соединения навещали боровичан и знакомили их с положением на фронте. Трудящиеся Любытинского района подружились с воинами 2-й стрелковой дивизии 59-й армии. В июле 1943 года делегация любытинцев гостила в подшефной дивизии, а в районе побывали фронтовики.

Капитан Киселёв и один из лучших снайперов 59-й армии старший сержант Фёдор Харченко встретились с колхозниками Вычеремского и Виленицкого сельсоветов. Снайпер Г. Лебедев и артиллерист И. Кривопляс посетили любытинских шахтёров. На страницах районной газеты они поделились своими впечатлениями: *«Мы будем рубить уголь, заявили нам горняки, с такой же энергией, с какой выкорчёвывают бойцы Красной Армии вражеских солдат из их укреплений»*²⁶.

Уже в декабре 1941 года мошенские жители сдали 52-й армии 99 пар валенок, 437 — варежек, 438 пар шерстяных носков, 137 свитеров, 2111 штук овчин. Пестовчане за два года войны отправили на фронт 3024 пары варежек, 250 полушубков, 339 овчин, 1717 пар валенок, 538 шубных рукавиц, 2835 м холста, на 100 000 рублей индивидуальных посылок²⁷. Только с октября 1942 по февраль 1943 года валдайцы передали воинским частям 147 меховых жилетов, много тёплого белья, свитеров, полушубков и более 60 индивидуальных посылок²⁸. Подобные примеры присутствуют в документах всех тыловых районов.

И ещё об одном бескорыстном подвиге жителей тыла следует сказать — это сбор денежных средств на вооружение для фронта. Пестовчане собрали на строительство танковой колонны «Ленинградский колхозник» 2 536 000 рублей²⁹. Боровичане сдали в Фонд обороны 459 000 руб., на строительство танков — 3 228 000 рублей, облигациями — 5 895 000 руб. От валдайцев в Фонд обороны поступило более 10 млн. Из всех северо-восточных районов области на танковую колонну поступило более 20 млн. рублей³⁰.

Пионеры и школьники 14-й средней школы г. Боровичи в короткий срок собрали и заработали свыше

60 000 тыс. рублей, учащиеся ремесленного училища — 18 500. Хвойнинские школьники собрали на строительство танковой колонны «Ленинградский колхозник» 75 670 рублей. Ученик 2-го класса Хвойнинской средней школы Геннадий Комиссаров внёс 1000 рублей, за что получил благодарность от Верховного Главнокомандующего³¹.

Горожане сдавали личные сбережения, вещи, драгоценности. Колхозники отправляли обозами своё зерно, муку, мясо, масло, сушёный картофель, ягоды, грибы, клюкву.

Эта самоотверженная щедрость покажется ещё значительнее, если учесть экономические условия, в которых жили труженики тыла. С 1 декабря 1941 года в тыловых районах была установлена жёсткая норма снабжения хлебом: рабочим — 500 граммов, служащим — 400, иждивенцам — 300 граммов в сутки. Ощущалась острая нехватка крупы, сахара, жиров, чая, спичек, мыла³². Несмотря на это, люди отдавали всё, что могли — ради грядущей победы.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

У войны — жестокое лицо. Очень скоро увидели его и жители тыловых районов. Сотнями пошли с фронта «похоронки», следом за ними уже в декабре 1941 года стали возвращаться инвалиды — израненные солдаты. В среднем на район их приходилось около 500 человек — где больше, где меньше. Перед местными властями стала трудная и неизвестная ранее проблема — трудоустройство увечных бойцов.

Например, в Пестовский район к 1943 году возвратилось с фронта 467 искалеченных воинов, 430 из них были трудоустроены³³. Огромную помощь и поддержку искалеченным людям оказала система артельной организации труда инвалидов. Такие артели создавались во всех районных городах и посёлках, и не только в тыловых, но и в освобождённых от врага. В боровичской артели «Красный инвалид» 105 человек занимались пошивом и ремонтом обуви, изготовлением валенок, слесарным ремонтом³⁴.

Среди передовиков Пестовского района значится Д. Голубев из артели инвалидов, выполнявший задания на 165 процентов³⁵.

В эти суровые годы среди сельских и городских школьников развернулось тимуровское движение. Работа в командах воспитывала в детях прежде всего отзывчивость к чужой беде. Только в Боровичском районе в 1943 году действовало 86 команд, в которых состояло 1105 человек. Они распилили для семей фронтовиков 2550 кубометров дров, написали 4250 писем на фронт, 57 тимуровцев присматривали за малолетними детьми, чьи матери трудились на производстве или в полях³⁶.

Война принесла ещё одну беду — сиротство. На 1 октября 1944 года в области, прежде всего в тыловых районах, насчитывалось 3009 сирот³⁷. Началась организация детских домов.

В Боровичском районе в годы войны открылись детские дома в Сопинах и Любонях на 100 детей каждый. В Деревкове стал действовать колхозный детский дом для детей-сирот из Боровичского района³⁸. Практически в каждом районе появился приют для осиротевших детей.

Военные условия жизни способствовали эффективному развитию местной промышленности по системе

райпромкомбинатов. Эти небольшие, но многопрофильные предприятия сумели обеспечивать жителей своих районов практически всем необходимым: мебелью, одеждой, обувью, строительными материалами и стройдетальями. Они же поставляли парты в школы, а в колхозы — упряжь, сани, телеги, лопаты и прочие необходимые изделия, которые не выпускали промышленные предприятия. Да и могли ли они выпускать жизненную «мелочёвку», когда все мощности были загружены военной продукцией? Наибольший подъём в развитии промкомбинатов отмечался в первые послевоенные годы, что вполне понятно. Со временем эти предприятия были ликвидированы, о чём остаётся только пожалеть.

Люди не падали духом: находили время на хорошую песню и весёлую шутку. Одной из форм организованного отдыха можно считать районные смотры художественной самодеятельности. Один из таких смотров состоялся в Мошенском районе 3—5 января 1944 года (близилось полное освобождение территории области от фашистских захватчиков!). Подготовка началась ещё осенью. В районе насчитывалось 24 избы-читальни и семь клубов на 31 сельсовет. При каждом сельсовете работала подготовительная комиссия из пяти человек. Для заведующих избами-читальнями был проведён семинар: методика работы драматического, хорового и музыкального кружков, разучивание песен и танцев, решены организационные вопросы.

В районном смотре участвовало 629 человек. 19 сельсоветов были признаны лучшими по подготовке. Победители смотра — 10 коллективов и 15 солистов — получили право выступить на областном смотре. Молодёжный хор Мошенского сельсовета исполнял песни «Ой, туманы мои, растуманы», «Дороженька», «Вечер на рейде», «Раскинулось море широко». У женского хора тематика была иная: «Полно, братцы, сокрушаться!», «На коне вороном», «Калинка», «Дубинушка»... Если и не блистали исполнители мастерством, то даже сейчас они поражают твёрдостью, верой в победу, в своё светлое будущее³⁹.

Большую роль в поддержке настроения и духа жителей играли учреждения культуры, кино. В годы войны в Боровичах работали Ленинградский областной театр оперетты и филармония, в Валдае — Малый драматический, в Пестове — межрайонный драматический театр. На их сценах зрители увидели популярные в те дни пьесы «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Раскинулось море широко» В. Вишневского.

В Любытине успешно действовал районный краеведческий музей. За годы войны он регулярно готовил для посетителей новые выставки: «Освобождённый Ленинград», «Советский тыл в Отечественной войне», «Восстановление освобождённых городов и сёл», «Земляки-герои», «Лес — наше богатство» и другие. Музей приобрёл 238 новых экспонатов⁴⁰.

В 1942 году в селе Кончанское Боровичского района открылся новый музей, который разместился в усадьбе прославленного русского полководца А.В. Суворова и посвящался доблести и славе русского оружия. Ещё до открытия музея усадьбу посетил Главный хирург Волховского фронта А.А. Вишневский. В своём дневнике он описал эту поездку: «11 июля 1942 г. Утром осмотрели сортировочный госпиталь... Потом поехали в Кончанское — место ссылки Суворова. Его домик цел. Рядом — сельский совет и детский сад. Напротив домика — памятник Суворову.

Пришла какая-то женщина и сообщила, что у них остался самовар Суворова. Показала нам самовар красной меди, видимо, действительно суворовских времён, и предложила у неё закусить. Согрев воду, она вылила её в суворовский самовар, и мы напились чаю из этого „исторического прибора“.

Вечером вернулись в Боровичи. Это — подлинный город-госпиталь. Здесь их развёрнуто двадцать два»⁴¹.

Вероятно, такие самостоятельные экскурсии и подвинули местную власть открыть музей А.В. Суворова.

Организуемой силой и в труде, и в идеологическом воспитании были, как уже говорилось, партийные организации, районные и сельские советы. Время было не для продвижения по служебной лестнице, строительства особняков и дач, поэтому в партию вступали люди, искренне верящие в победу над врагом и приближающие её своим трудом⁴².

Районные и сельские советы депутатов трудящихся по-прежнему были озадачены ведением хозяйственной жизни на своих территориях. К примеру, Хвойнинский райисполком 19 октября 1942 года на своём заседании рассматривал вопросы о выполнении плана по накоплению кормов, о ходе переработки овощей, о подготовке жилого фонда к зиме. В текущих задачах значилась и организация горячих завтраков в школах района на 2537 человек⁴³.

Эта повестка рассказала всего лишь о ежедневных хлопотах местных советов. Помимо хозяйства, на работниках советов лежала забота о семьях фронтовиков, инвалидах войны, сиротах, об устройстве жизни тысяч людей, эвакуированных из осаждённого Ленинграда и оккупированных районов.

В феврале 1944 года завершилось полное освобождение Новгородской земли от фашистских захватчиков. 5 июля того же года Указом Президиума Верховного Совета СССР была вновь воссоздана Новгородская область, с 1927 года входившая в состав Ленинградской.

Наступило время напряжённого труда по возрождению разрушенных городов и сёл, восстановлению народного хозяйства. Это было и время считать потери, определять причинённый ущерб, это было время поклониться погибшим, почтить вниманием самоотверженных солдат боевого и трудового фронтов: «Из одного металла лют медаль за бой, медаль за труд...».

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая и 6 июня 1945 года были учреждены медали «За Победу над Германией» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». По сельсоветам и райсоветам, во всех трудовых коллективах началось составление списков лиц, выдвигаемых к награждению трудовой медалью. 53 тома с этими списками и протоколами вручения награды хранятся в архивном фонде Новгородского облисполкома. Вручение медалей продолжалось три года! На 1 декабря 1948 года в отчёте облисполкома значатся 48 874 человека, которым была вручена медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Среди них и подростки 13—15 лет, и старики 75—80 лет.

Эти списки с краткими характеристиками на тружеников тыла, протоколы вручения медалей являются трудовой летописью советского тыла на территории нашей области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАНО. Ф. Р-804. Оп. 4. Д. 88. Л. 49.

² На земле Новгородской. Очерки по истории Новгородской области. Л., Лениздат, 1970, С. 22.

³ Мамкин Н.С. Испытывается в пламени. Л., Лениздат, 1981, С. 44—49.

⁴ ГАНО. Ф. Р-804. Оп. 4. Д. 88. Л. 32.

⁵ ГАНПИНО. Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 71.

⁶ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 66. Л. 86.

⁷ Красная искра. 1943. 23 декабря.

⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1962. Т. 2. С. 527.

⁹ ГАНПИНО. Ф. 210. Оп. 14. Д. 7. Л. 32.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-803. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

¹¹ На земле Новгородской... С. 217.

¹² Достопримечательности Новгородской области. Л., 1982. С. 236.

¹³ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2. Д. 50. Л. 3, 4.

¹⁴ На земле Новгородской... С. 221.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—30.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 29. Л. 89.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—9.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-803. Оп. 1. Д. 39. Л. 45.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-2337. Оп. 1. Д. 203. Л. 39.

²¹ Валдайский колхозник. 1943. 14 октября.

²² Красная искра. 1943. 15 апреля.

²³ ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 316. Л. 148.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 66. Л. 92.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-804. Оп. 4. Д. 90. Л. 28, 29.

²⁶ Красная искра. 1943. 29 мая.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—9.

²⁸ ГАНПИНО. Ф. Р-85. Оп. 3. Д. 6. Л. 5.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 98. Л. 9.

³⁰ Ленинградская правда. 1943. 7 января.

³¹ Колхозная газета. 1943. 1 мая.

³² На земле Новгородской... С. 230.

³³ ГАНО. Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 112. Л. 1—3.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-804. Оп. 4. Д. 52. Л. 7.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—30.

³⁷ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 98. Л. 3.

³⁸ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 63. Л. 19.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-1105. Оп. 5. Д. 125. Л. 12.

⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 66. Л. 93.

⁴¹ А.А. Вишневский. Дневник хирурга. М., 1967. С. 184.

⁴² На земле Новгородской... С. 231.

⁴³ ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 317. Л. 52.

С.Ф. Витушкин

ВСЕМ ИВАНОВЫМ НОВГОРОДСКИМ — В ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

В отношениях между людьми важным средством общения часто выступают книги. Даря или отдавая их друг другу, они делают дарственные надписи, в которых невольно проглядывает их отношение к человеку и к книге, и ещё какие-то моменты жизни. В год 65-летия

Книгу «Новгородско-Лужская операция» командующий 59-й армии И.Т. Коровников написал Н.М. Иванову в день 20-летия освобождения Новгорода. «Былому соратнику по 59-й армии», — звучит уважительно и немного иронично.

Ленинградский писатель Владимир Бахтин² дарит ему свою книгу «От былины до считалки» с шутивно-приподнятой надписью: «*Всем Ивановым Новгородским — моим добрым друзьям, в День Победы!*».

В. Тендряков дарит свою книгу «Не ко двору» с указанием: «*Доброму гиду! На память о нашей встрече!*». Отсюда ясно, что Николай Михайлович знакомил писателя с новгородскими древностями.

Новгородский писатель-фронтовик Александр Ежов тоже спешит вручить свою книгу «За окном гроза» Н.М. Иванову «*дружески, на добрую память от автора*».

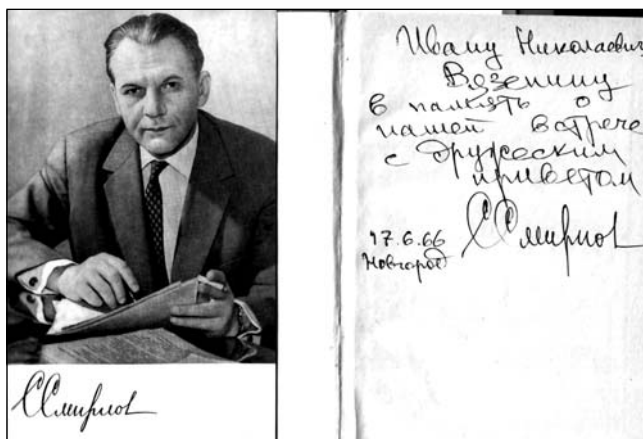
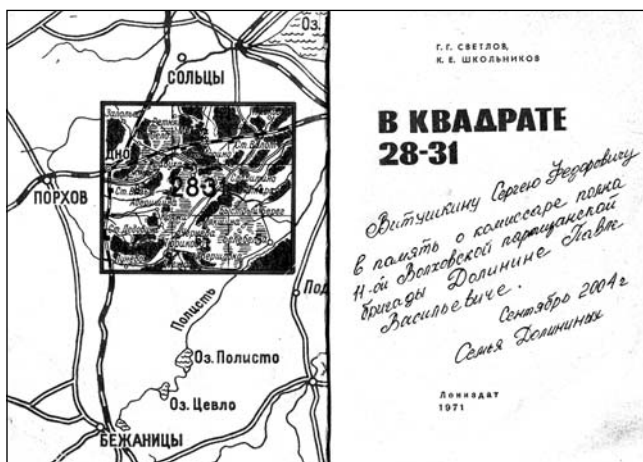
Особые, добрые, сердечные отношения долгие годы связывали Николая Михайловича с псковичом, земляком Львом Маляковым. Каждую свою новую книгу тот присылал на взыскательный суд Иванову. Вот роман «Затяжная весна». На нём написано: «*Дорогому Николаю Михайловичу — от автора с самыми добрыми пожеланиями — не сдавайся и не поддавайся!*». Очевидно, писатель знает всё о трудностях жизни рецензента и друга, и желает тому не сдаваться болезням, и не поддаваться наскокам недругов и унынию.

Многие свои книги присылал Николаю Михайловичу И.В. Виноградов³ — псковский партизан, патриот своей земли. Он называл Н.М. Иванова первым рецензентом, добрым советчиком, своим добрым другом. Книгу «Партизанский обоз» он дарит тому со словами «*Моему давнему другу... с самым добрым чувством и пожеланием благополучия*».

Ветеран войны пскович Е.П. Нечаев свою первую книгу «О тех, кто защищал Родину» дарит с оригинальным обращением: «*В старину на Руси говорили: „На худо — жди худо, на добро — добра“. Вот и я хочу, чтобы ты, дружище, прочитал, как следует, потом и помог бы подправить, где худо. С уважением, Е. Нечаев*».

Свердловчанин, автор книг о 225-й Новгородской стрелковой дивизии, П.А. Кодочигов передаёт очередную книгу «*волховчанину, почти однополчанину, с глубоким уважением*».

А.Г. Федорук⁴ дарит книгу «На берегах Волхова» с благодарностью «*за большой труд, вложенный в подготовку, редактирование и написание этой книги от составителя*».

Победы обратимся прежде всего к книгам, имеющим отношение к Великой Отечественной войне или произведениям ветеранов войны.

Н.М. Иванов смолоду работал журналистом псковской газеты, потом воевал, работал в новгородских газетах¹. Он оставил после себя воспоминания «Записки солдата». Под псевдонимом Н. Бергов Николай Михайлович регулярно публиковал обзоры новых книг краеведческого плана. Его связывали добрые отношения со многими авторами мемуаров, писателями, военными начальниками.

В 1969 году по инициативе Л.П. Грачёва, руководившего тогда издательством газеты «Известия», вышел сборник «Освобождение Новгорода. 25 лет»¹. Составителями сборника обозначены П. Лукницкий и В. Харькова. В редколлегии — ответственный секретарь В.Н. Попов, П.И. Сукнов, В.И. Харькова, М.З. Цунц². Николай Михайлович сам позднее рассказывал мне, как прибывший на празднование из Москвы генерал (фамилию того он не назвал) вручил ему фотографию со словами: «Вот, сержант, моя фотография, разместите её в книге!». На робкие возражения Иванова, что сборник де, уже напечатан, и всё никак не возможно, генерал сердито сказал: «Отпечатан, не отпечатан, меня не касается. А чтобы фотография в книге была!».

Большую и плодотворную патриотическую работу вёл бывший командир 11-й Волховской и 4-й Ленинградской партизанских бригад А.П. Лучин³. Он передаёт книгу «Партизанскими тропами Приильменя» Н.М. Иванову «с благодарностью за непосредственную помощь и литературную обработку сборника».

Партизан и однополчанин поэт И.И. Крутиков⁴ в свою очередь подарил Алексею Петровичу Лучину свою книгу «на память о тяжёлых боях в немецком тылу».

Автор повести «Подполье возглавил Васькин», новгородский журналист В.М. Лукин, благодарит его же «за помощь и добрые советы по написанию повести».

Автор другой повести «Тимур — сын Фрунзе», Виктор Александров, пишет А.П. Лучину: «свидетелю подвига Тимура Фрунзе с благодарностью за помощь и советы в годы, когда рождалась эта повесть».

Составитель книги о женщинах-партизанках «В те суровые годы» Е.В. Мелихова также благодарит А.П. Лучину «как автора и хорошего друга».

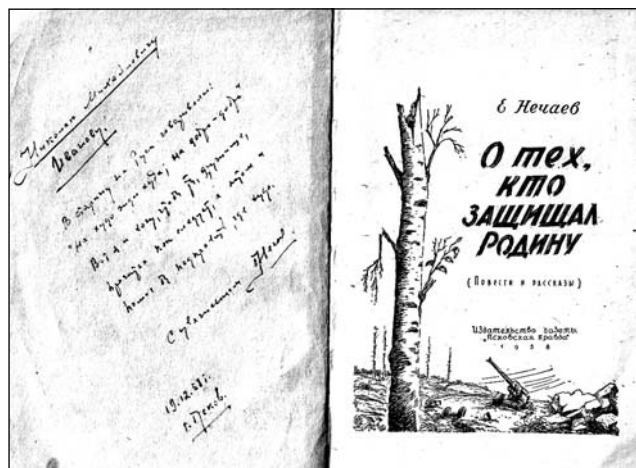
В.П. Самухин на книге «Волховские партизаны» кратко пишет: «На добрую память от автора». Е.С. Безман и Н.Н. Стромилов книгу о радистах партизанских соединений передают «с благодарностью за непосредственную, активную помощь в литературной обработке сборника». И.В. Виноградов вручает А.П. Лучину книгу со словами «в память о Серболовских лесах и партизанских кострах», что с головой выдает в нём поэта. Алексей Петрович Лучин часто бывал в трудовых коллективах и везде ему вручали на память книги. В честь 30-летия Победы коллектив областного правления ВОГ подарил ему книгу о партизанах.

Журналисту, автору книги о партизанах К.Н. Киселёву, другой журналист и автор К.И. Акимов дарит книгу кратко «с уважением». То же повторяет и К.Н. Киселёв, даря Н.М. Иванову свою книгу «Передать командованию...». А журналист И.А. Зайцев самому К.Н. Киселёву книгу о В.М. Митюшине «Разведчик» вручил с такой присказкой: «Моему партийному секретарю, душевной

щедрости человеку на добрую память дарю эту книгу с глубоким уважением». И после даты вписывает свой адрес: мол, заходи, буду рад.

Герою Советского Союза С.П. Шпунякову бывший однополчанин, механик по вооружению, воздушный стрелок, а после войны — переводчик Советской военной администрации в Германии Г.А. Литвин вручил книгу «на добрую память от автора». Воспоминания их командира маршала авиации Е.Я. Савицкого «В небе над Малой землей» подарил С.П. Шпунякову — ведомому знаменитого лётчика, командира корпуса — Б.А. Сергиенко, сопроводив надписью: «Прославленному лётчику-герою нашей Родины... от фронтового друга... на добрую память о совместной службе в 3 ИАК».

Немало книг было передано жителями города составителям областной Книги Памяти. Книга новгородца Ф.Ф. Фёдорова «Родословная одной семьи» передана

рабочей группе редколлегии Книги Памяти «от родных участников Великой Отечественной войны братьев Фёдоровых». Благодаря за присланную ему книгу «Новгородские партизаны», бывший командир спецгруппы отряда Хорева 11-й Волховской партизанской бригады Ю.С. Попов⁵ пишет на книге: «Вам... выполняющему огромную работу по созданию книги о Новгородских партизанах Великой Отечественной войны, об их героической

¹ Леонид Павлович Грачёв — урож. Чудовского района, бывший директор Окуловского целлюлозно-бумажного комбината, заместитель командующего Волховского фронта по тылу, заместитель управляющего делами СНК СССР, министр целлюлозной и бумажной промышленности СССР.

² ИАК — истребительный авиакорпус.

борьбе в глубоком немецком тылу, огромном вкладе в разгром фашистских войск и отстоянии г. Ленинграда. Спасибо за книгу».

Семья Долининых дарит книгу «В кв. 28-31» «в память о комиссаре 11-й Волховской партизанской бригаде Долиныне Павле Васильевиче».

Известный новгородский краевед И.Н.Вязинин в 1966 году встречался с писателем С.С. Смирновым и получил от него книгу с надписью: «Ивану Николаевичу Вязинину в память о нашей встрече с дружеским приветом». Научный консультант Книги Памяти И.Н. Вязинин дарит С.Ф. Витушкину свой самый главный труд «Старая

Книга «Небо без границ» о перегоне самолётов на ленд-лизу с Аляски на фронт вручена С.Ф. Витушкину красноярским краеведом и ветераном войны В.И. Тутовым со словами: «Человеку, стоящему на переднем крае в борьбе за историческую правду о Великой Отечественной войне».

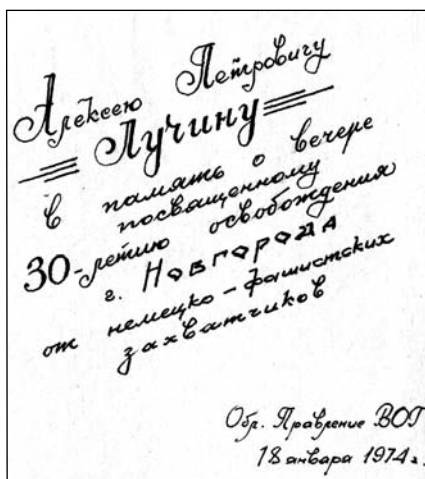
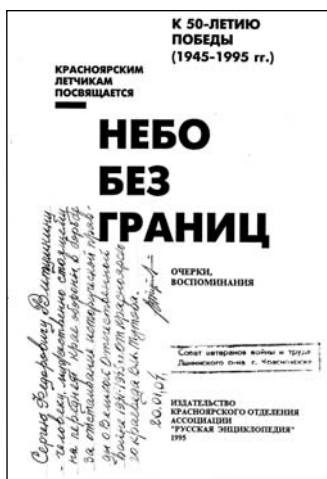
В.А. Лосеву, бывшему директору Новгородского отделения Лениздата, журналисту «Новгородской правды», редактору областной Книги Памяти сын погибшего лётчика А.Ф. Мясникова, Ю.А. Мясников, дарит книгу «315-й вылет майора Александра Мясникова» «на добрую память». Здесь интересны обстоятельства, сопутствующие выходу книги. Мясников,

Лосев и бывший редактор газеты «Лужская правда» В.И. Суворов — земляки, а последние и вовсе однокашники. А.Ф. Мясников — заместитель командира полка, где воевал И.А. Каберов. В книге Героя Советского Союза Игоря Александровича Каберова «В прицеле — свастика» описано, как воевал и погиб Мясников. Его нашли поиско-

вики, и теперь в Мошенском районе имеется всего одно воинское захоронение — лётчика Мясникова.

«Поисковому объединению „Долина“, возглавляемому С.Н. Флюговым⁹, — за самоотверженную патристическую работу по увековечению памяти защитников Отечества в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», пишет на подаренной книге С.А. Егорычева «Сказание о музее на Поклонной...» директор музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В. Брагин.

Несомненно, в библиотеках Новгорода есть много других книг, не военной тематики, которые были подарены авторами и краеведами друг другу.

Русса в истории России» с надписью: «В память о тесном сотрудничестве при написании областной Книги Памяти, с пожеланием дальнейшего подвижничества в интересах Новгородской земли и ее древней Старой Руссы, возможно, главной колыбели России».

Книга «История Ленинградского военного округа» появилась в рабочей группе Книги Памяти так: её вручили в 1981 г. капитану Г.Г. Трофимову «в память о пребывании в Ленинграде на сборах военных журналистов», а он передал это издание в пользу Книги Памяти Новгородской области, присовокупив: «Если будет польза, я буду рад, Г. Т.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Урожд. Псковской области Н.М. Иванов долгие годы работал корреспондентом ТАСС по Псковской и Новгородской областям, заместителем редактора газеты «Новгородская правда». С 1961 г. проживал в Новгороде. Умер в 2001 г.

² Урожд. г. Новгорода.

³ И.В. Виноградов — автор многих книг о партизанах, редактор газеты «Псковская правда».

⁴ Секретарь ОК КПСС, затем преподаватель института.

⁵ П.Н. Лукницкий — военный журналист, автор многих книг;

В.Н. Попов и П.И. Сукнов — журналисты газеты «Новгородская правда», М.З. Цунц — автор книг о К.А. Мерецкове и других.

⁶ Урожд. Старорусского района. Редактор газеты «Трибуна». Секретарь РК ВКП(б). Умер в Новгороде в 1993 г.

⁷ Прож. в г. Ленинграде.

⁸ Ныне Ю.С. Попов — председатель Совета ветеранов партизан и подпольщиков Республики Татарстан.

⁹ Председатель совета командиров поисковой экспедиции памяти Н.И. Орлова «Долина».

История Новгородской областной универсальной научной библиотеки (НОУНБ) — крупнейшего в области собрания книжных фондов, в ранге библиотеки губернской ведёт своё начало от 1833 г., когда новгородский губернатор Август Денфер по предписанию министра внутренних дел учредил Публичную губернскую библиотеку.

Настоящая публикация — часть задуманной книги по истории НОУНБ и продолжение изданной в 1995 г. книги Л.А. Петровой «Кладовая мудрости: Страницы истории Новгородской публичной библиотеки», в которой прослеживается история губернской библиотеки с момента её образования вплоть до 1944 года. Следующая веха в истории библиотеки отмечена датой 29 декабря 1944 года, когда исполнительный комитет Новгородского областного Совета депутатов трудящихся вынес решение об организации в Новгороде областной библиотеки.

ПОСЛЕВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

*Из истории Новгородской областной универсальной научной библиотеки.
1944—1958 гг.*

Вразорённом после многолетней оккупации Новгороде для областной библиотеки в кремле нашлось небольшое помещение из восьми комнат с печным отоплением и освещением керосиновыми лампами в здании бывшего педучилища (Духовного училища)¹. Первые сотрудники приспособили и оборудовали его, расставили стеллажи, полки; библиотека пополнялась книгами, работали читальня, книжные передвижки и детское отделение. Первоначально книжный фонд областной библиотеки формировался на базе фонда Новгородской городской библиотеки. Кроме того, местная власть направила обращение в Наркомпрос о дополнительном выделении для библиотеки 20—25 тысяч томов. На 1945 г. коллектив библиотеки был небольшим: директор, библиограф, заведующий читальным залом, старший библиотечарь, два библиотекаря и библиотечный техник². К 1 июля 1945 г., за полгода работы, читателями библиотеки зарегистрировались 1324 новгородца³.

В 1946—1947 годах открылись читальный зал, отделы абонемента, методический, комплектования и обработки, началось формирование сводного краеведческого каталога «Новгородика». Коллектив библиотеки складывался из молодых сотрудников, большинство из которых пришли работать со школьной скамьи, имея среднее образование, некоторые — среднее специальное, стаж работы составлял в основном от одного года до пяти лет. Несколько месяцев в 1945 году библиотеку возглавляла Нина Фёдоровна Пашковская, в октябре её на должности директора сменила Мария Александровна Ломунова, отдавшая 13 лет (на 1946 г.) работе в библиотечной системе. По штатному расписанию Новгородской областной библиотеки значились 23 сотрудника, но в действительности книжному делу служили 14 человек — библиотекари

и их помощники, один библиограф и методист. Наряду с ними работу налаживали переплётчик, художник и «технический персонал»⁴. В 1950-е гг. уровень образования сотрудников несколько меняется: большинство из них учатся на заочном отделении Ленинградского библиотечного института имени Н.К. Крупской.

В 1946 году основные источники поступления книг в Новгородскую областную библиотеку — библиотечные коллекторы — Новгородский и Ленинградский и книжные магазины. Организация книжного фонда библиотеки строилась на основе «классового подхода» и принципов марксизма-ленинизма. В отчёте о работе библиотеки в 1949 году значится: «...проведён глубокий анализ имеющегося фонда классиков марксизма-ленинизма, выявлены списки произведений, отсутствующие в фонде и приняты меры к пополнению таковых». Кроме того, действовали правила цензуры, когда по спискам Обллита было изъято 65 книг из 187-ми и пересмотрен весь фонд библиотеки «на предмет выявления космополитов и изолирования их». По этим же спискам Обллита каталог был очищен от устаревшей литературы, в систематическом каталоге вводились новые рубрики: «Политика», «История и литература стран народной демократии», «Опыт передовиков сельского хозяйства», а в конце 1948—1949 гг. он был «заново пересмотрен» и «политически заострён, выделены все произведения классиков марксизма-ленинизма, постановления и указы партии и правительства». Ревизии подлежали все имеющиеся библиографические картотеки: предметно-тематическая, персональная, о странах мира, критика и библиография, художественной, сельскохозяйственной и краеведческой литературы. В общей сложности на 1 января 1950 года насчитывалось 72 002 карточки, в том

числе в алфавитном каталоге — 30 984, в систематическом — 41 018.

В тяжелейших условиях послевоенной разрухи в Новгороде в 1949 году удивительно широко отмечался юбилейный «пушкинский» год — год 150-летия великого поэта. Зачинателем, организатором и активнейшим участником всех мероприятий, приуроченных к этой дате, была Новгородская областная библиотека: проводились совместно с другими библиотеками города литературные вечера, был выпущен бюллетень «Читателям о Пушкине». Своеобразным символом возрождения Новгорода, ещё не оправившегося от военной беды и разорения, был кинофестиваль, на котором демонстрировались «пушкинские» кинофильмы: «Руслан и Людмила», «Капитанская дочка», «Путешествие в Эрзрум», «Емельян Пугачёв». Перед каждым сеансом библиограф областной библиотеки Екатерина Степановна Григорьева рассказывала зрителям «о значении великого поэта в развитии русской литературы и истории создания произведений».

Сотрудники областной библиотеки и библиотек города (к 1949 году действовали городская, детская, железнодорожная, связи, водного транспорта) делали обзоры политических, научно-популярных и литературно-художественных журналов. Каждый отвечал за определённое издание и знакомил с его содержанием своих коллег. В рамках повышения квалификации Е.С. Григорьева участвовала в семинарах библиотечарей, проводила курсы по библиографии для библиотек районных, сельских, ремесленных училищ. Важнейшим видом деятельности с первых лет работы библиотеки были массовые мероприятия. В уже упомянутом нами отчёте за 1949 г. значатся 37 прочитанных обзорных лекций о творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М. Горького, о воспитательной роли книги, о литературных критиках-космополитах и другие; проведение двух читательских конференций — к юбилею А.С. Пушкина и «Моя любимая книга».

Из года в год книжный фонд областной библиотеки пополнялся новыми изданиями, в большинстве своём это были произведения лауреатов Сталинских премий, классиков русской и зарубежной литературы: на 1945 год насчитывалось 32 200 томов, уже в 1949 году это количество выросло до 122 605. Первоначальной площади книгохранилищ библиотеки в 85 кв. м стало недостаточно, к тому же число читателей выросло почти в семь раз и составляло уже 7063 человека⁵.

Новгородский горисполком не единожды принимал решения о предоставлении земельных участков под строительство здания областной библиотеки. Дважды в 1947 году отводились участки в центре Новгорода — на углу улиц Горького и Лучинской и по ул. Некрасова⁶, но проект не был реализован и остался на бумаге.

Летом 1949 г. в соответствии с решением Новгорисполкома для областной библиотеки проводился «неотложный ремонт» помещений второго этажа здания Горкома ВКП(б), ранее занимаемых парткабинетом в кремле (Иоанновский корпус)⁷. В результате в 1950 году библиотека получила читальный зал из двух комнат в 110 кв. м., во всех помещениях было оборудовано электрическое освещение. Ремонт и книговыдача проходили одновременно, библиотекари работали «бок о бок с малярами и печниками». По-прежнему площадей было

мало: журналы и газеты хранились в гардеробной комнате, в прихожей читального зала; часть книг размещалась в штабелях, расстояния между стеллажами было минимальным — 40 см, высота стеллажей — 3,5 м, общая протяжённость полок — 1500 м.

После переезда в библиотеке, работу которой теперь возглавляла Е.С. Григорьева, проводилась проверка книжного фонда. В результате по ветхости или «за невозвращением читателями» к списанию предназначались более десяти тысяч книг, в том числе 6716 экз. оказались «в негодном виде... из-за условий хранения книг, которые хранились где только можно в штабелях, по книгам ходили из-за тесноты». Около восьми тысяч книг были переданы в городские и районные библиотеки, в республиканские библиотеки Украины, Белоруссии, Латвии — отправлены книги на родных языках.

На 1950 год в библиотеке были сформированы каталоги — систематический, «требующий исправлений, т.к. подвергался очистке от устаревших изданий», алфавитный и топографический, составленный последним, когда возникла необходимость проверки фонда. В общей сложности на 1 января 1950 года в систематическом каталоге насчитывалось 41 018 карточек, в алфавитном — 30 984, книговыдача составляла 166 896 томов и 30 000 газет.

Теснота в помещениях «преследовала» областную библиотеку. Уже в отчёте за 1954 г. вновь возникает «старая» проблема: «...библиотека работает в исключительно тяжёлых условиях. При наличии 182 646 экз. книг занимает помещение 550 кв. м. Из-за тесноты часть книг сложена штабелями на полу, подоконниках, в коридоре, на лестничных площадках, лишена охраны. Читальный зал вмещает 50 человек, при наличии 2 тыс. читателей⁸. В библиотеке нет отдела комплектования⁹, МБА, должности зам. директора по научной части». В этой ситуации коллектив библиотеки старался наиболее рационально организовать работу: обслуживание на абонементе строилось дифференцировано по четырём группам — инженерно-технические сотрудники, рабочая молодёжь, учащиеся, и в последнюю входили рабочие старших возрастов, домохозяйки, пенсионеры. Популярными и широко используемыми в работе областной библиотеки были списки рекомендованной литературы, которые составлялись и издавались на базе центральных союзных библиотек — Всесоюзной библиотеки им. Ленина, Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, Центральной политехнической библиотеки. Согласно этим спискам подбирались литература для читателей, составлялись планы чтений. Размноженные рекомендательные списки направлялись в учреждения области, районные и сельские библиотеки, непосредственную помощь которым осуществлял методический отдел областной библиотеки. Отдел проводил учебные семинары, обобщал опыт лучших библиотек области, разрабатывал методические рекомендации. Так, в 1952 году была составлена методическая разработка выставки «Первенство русской науки и техники», состоящей из четырёх разделов:

1. Великие русские физики, химики, математики.
2. Ломоносов — корифей русской науки.
3. Великие русские техники.
4. Общие работы учёных.

На выставке пропагандировались достойные имена российских учёных: М.В. Ломоносова, П.Л. Чебышева, Д.И. Менделеева, А.М. Бутлерова, С. Ковалевской и др. К описанию выставки, целью которой была «широкая пропаганда приоритета отечественной науки и техники», прилагался список книг, порядок их расположения на полках. Однако на сегодня очевидным является идеологический классовый подход и к отбору книг, и к выверенным цитатам Сталина, которыми изобиловало методическое пособие.

Согласно ежегодным отчётам о работе библиотеки за 1950-е годы основными её задачами были *«улучшение качества и повышение идейно-политического уровня работы»*, которая строилась в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б), Совета Министров РСФСР. *«Пропаганда произведений классиков марксизма-ленинизма среди широких масс трудящихся, широкая информация и пропаганда литературы о новых достижениях науки, техники, культуры, искусства, опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства, оказание помощи библиотекам области... улучшение качества комплектования произведениями классиков*

марксизма-ленинизма, лауреатов Сталинской премии...» — важнейшие направления. Самой популярной формой пропаганды литературы были выставки книг не только во всех отделах библиотеки, но и за её пределами. Только в 1951 году организовано и проведено более 50 выставок по темам «По ленинскому пути», «Великое содружество Ленина и Сталина». Даже выставки философской и естественнонаучной литературы не обходились без марксистско-ленинской идеологии. Названия говорят сами за себя: «Сталинский план преобразования природы», «Марксизм-ленинизм о религии», «Марксизм и советское языкознание». В библиотеке и на предприятиях города организовывались так называемые читки политической литературы, на радио регулярными были передачи с обзорами книг и журналов в помощь изучающему историю партии. Списки, обзоры, планы чтений для учреждений и средств массовой информации составлял единственный в библиотеке специалист-библиограф.

Дальнейшая работа областной библиотеки продолжалась в новых отремонтированных помещениях в здании Присутственных мест, куда библиотека «переехала» в декабре 1958 г. и находится по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАНО. Ф. Р- 3786. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

² ГАНО. Ф. Р- 3686. Оп. 1. Д. 53. Л. 81–82.

³ ГАНО. Ф. Р-4249. Оп. 1. Д. 1.

⁴ ГАНО. Ф. Р-3786. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. Оп. 3. Д. 3.

⁵ Там же. Д. 64. Согласно статданным на 1949 г. состав читателей был следующим: мужчины — 3427, женщины — 3636, научные работники — 54, специалисты различных профессий — 286, руководители партийные и советские — 136, работники литературы и искусства — 22, педагоги и политпросветработники — 315, военнослужащие — 23, рабочие — 1536, учащиеся всего 1426, из них учащиеся вузов — 434, техникумов — 20, средних школ — 927, ремесленных училищ — 40, служащие —

1808, прочие — 1454, общее количество зарегистрированных в библиотеке — 7063 читателя. В это число не входили читатели Брайлевской литературы, поскольку из-за недостатка площадей эта литература была передана в Боровичскую городскую библиотеку, при этом комплектование её проходило на средства областной библиотеки.

⁶ ГАНО. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 160, 234.

⁷ Там же. Д. 349. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 1541. Л. 32.

⁸ Здесь речь идёт только о численности читателей читального зала.

⁹ В библиотеке работал отдел обработки, комплектованием ведала директор.

Т.В. Володина

«СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ И МУЗАМ»

*Ах, какая же Всё-таки сила
Скрыта в тех, кто испытан Войной...*
Юлия Друнина

Каждый из художников — участников выставки* пережил Великую Отечественную войну. Пережил посвоему, сохранив воспоминания о тех трагических днях молодости или даже детства навсегда. Если устроить переключку, то шаг вперёд из общего строя сделают:

Александр Иванович ПОПОВ — миномётчик, позднее — офицер связи, закончил войну на Дальнем Востоке;

Владимир Сергеевич МОГИЛЕВСКИЙ — лётчик авиации дальнего действия, ночной охотник;

Кузьма Александрович АЛЕКСАНДРОВ — бежал из плена, чтобы вновь пойти на передовую;

Илья Иосифович КУШНИР — сапёр, всю войну прошёл на переднем крае;

Семён Иванович ПУСТОВОЙТОВ — сражался в пехоте на Новгородской земле;

Степан Карпович МОИСЕЕНКО — ефрейтор, стрелок-автоматчик;

Иван Никитич ГОРБАЧЁВ — санитар 743-го стрелкового полка;

Сергей Михайлович СОКОЛОВ — заместитель политрука роты, воевал под Новгородом и Сталинградом;

Евгений Сергеевич ЩЕРБАКОВ — минёр, сапёр, пехотинец, закончил войну в Германии;

Тамара Александровна ГАВРИЛОВА — пережила блокаду Ленинграда;

Дмитрий Сергеевич КОНДРАТЬЕВ — в 16 лет участвовал в боях с Японией;

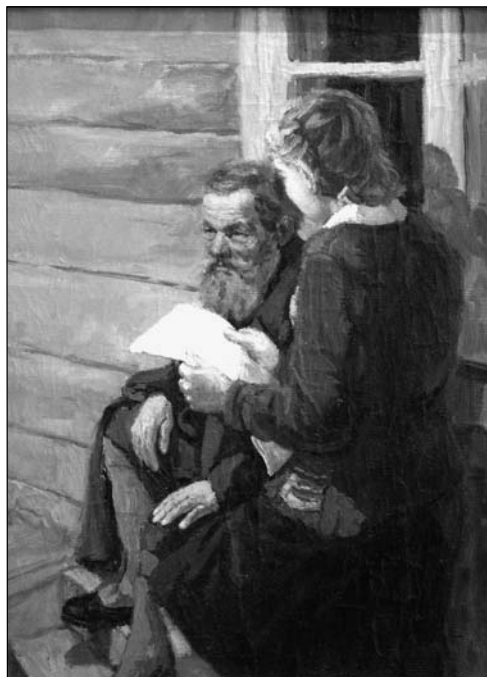
Дмитрий Власович ЖУРАВЛЁВ — ребёнком пережил блокаду Ленинграда;

Георгий Васильевич ГОРЕВОЙ — малолетний узник.

Их биографии типичны для своего времени. Большинство родились в провинции, в маленьких городках или деревнях. Многие испытали на себе сталинские репрессии: были раскулачены и лишены кормильца семьи Горбачёва и Щербакова, врагом народа объявлен отец Кондратьева. Прошёл инфильтрационные лагеря бежавший из плена Александров. Пустовойтов и Горевой — первый до войны, второй после её окончания — воспитывались в детском доме. А если взять справку-объективку Могилевского, то можно мысленно восстановить

весь путь не только его лично, но и значительной части его поколения: Магнитка, вожатый, художник-репортёр газеты, планерная и лётные школы, Оренбургское училище военных лётчиков, Финская, а затем Отечественная война, Победа.

После войны для всех началась другая жизнь. Героическое и трагическое осталось позади. Но о прошлом ещё долго напоминали контузии и раны: с огромным трудом

*Е.С. Щербаков. ПИСЬМО С ФРОНТА.
1949 г. Холст, масло. Собственность семьи
художника*

вернулся к полноценной жизни Пустовойтов, пришлось стать «левой» Горбачёву — правая рука почти не помогала. Но и это новое, мирное время оказалось далеко не простым. Нужно было учиться, растить детей и жить не только за себя, но и за тех, кто остался на войне навсегда. Наверное, это последнее, осознанно или нет, сделало поколение людей, прошедших войну, душевно стойкими и щедрыми. А тем, кто выбрал путь художника, помогло сохранить предельную искренность и веру в красоту мира и человека. Сегодня из тринадцати участников выставки живы только пятеро — В.С. Могилевский, К.А. Александров, И.Н. Горбачёв, Д.В. Журавлёв и Г.В. Горевой. Память об

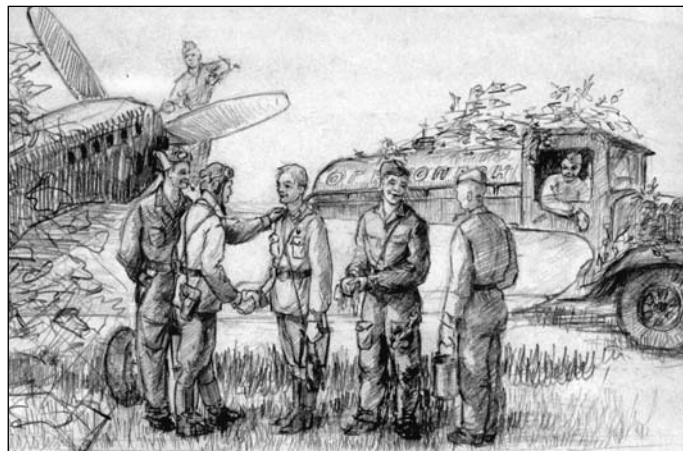
* Выставка произведений новгородских художников работала 6 мая — 27 июня 2010 года в Музее изобразительных искусств.

ушедших хранят их близкие, благодаря которым появился раздел с редкими документами и фотографиями, позволившими нам всем увидеть молодые лица поколения Великой Отечественной, мысленно разглядеть справки о ранениях и наградах, прочувствовать теплоту писем с фронта.

Выставка объединила очень разных художников. Это живописцы, графики, мастера декоративно-прикладного искусства. Среди них — титулованные профессионалы и самобытные авторы. Каждый привнёс свою краску в общую картину юбилейной экспозиции. Собственно, произведений военной тематики на выставке немного. Это искренняя и душевная работа Е.С. Щербакова «Письмо с фронта» (1948), мощная по цвету и пластике картина народного художника России Д.В. Журавлёва «1941 год», всем строем своим напоминающая христианский образ «Оплакивания («Пьеты»)», близкая ей по времени композиция Д.С. Кондратьева «Жажда», созданная в лучших традициях «сурового» стиля. Собираательные образы «Партизан» С.М. Соколова привлекают правдивостью, простотой и серьёзностью. Но особенно трогают произведения И.Н. Горбачёва. Фронтные впечатления санитаря, под огнём врага выносившего с поля боя раненых, размышления о течении собственной жизни и жизни Отечества стали основой детски-наивного яркого и честного цикла произведений, показанных на выставке. Яркая лубочность, фольклорность образов, наивность соседствуют здесь с хитрецей и учительством. Воплощением памяти о Великой войне воспринимаются созданные в 1970—1980-е годы заслуженным художником РСФСР С.К. Моисеенко удивительно ёмкие по смыслу и по-настоящему красивые символические композиции — «Фронтальной натюрморт», «Сопки», «Северное сияние». И, конечно же, безусловной достоверностью наделены неброские и безыскусные рисунки — портреты лётчиков-однопольчан — В.С. Могилевского, сохранившие для нас характерные чёрточки того времени.

Большая часть экспозиции рассказывает не о войне, а о красоте и тревогах жизни, дарованной человеку. Философская глубина присуща картинам Д.С. Кондратьева, как личную боль переживавшего историческую трагедию народа, на протяжении всей жизни искавшего адекватное ей воплощение в искусстве. Просты, узнаваемы, близки каждому, кто не равнодушен к родной природе, пейзажи К.А. Александрова, Е.С. Щербакова и С.М. Соколова. В них есть глубокий лиризм и эпическая сила, а главное — полнота жизненных ощущений. В пейзажах Г.В. Горюхова экспрессия соседствует с продуманной и строгой архитектурной формой. Художник часто пишет средневековые храмы и монастыри, которые в его картинах находятся в гармонии с окружающей природой, разделяя её светлые и сумрачные состояния. Рядом — несколько листов из уникальной серии акварелей С.И. Пустовойтова «Великий Новгород». Для них характерна романтическая приподнятость и трагедийность. Изображая памятники новгородского зодчества, художник на самом деле размышляет о судьбе народа, его истории и его будущем. Акварели и рисунки И.И. Кушнера, которому Новгород обязан многими чертами своего сегодняшнего архитектурного облика, точны в деталях, а потому являются не только произведениями искусства, но обладают и качествами исторического документа. Небольшие по

размеру этюды и картины А.И. Попова — это живописная хроника Боровичей и одновременно — признание в любви городу, ставшему для него подлинной мастерской. Художник сохранил для нас облик старых торговых рядов на Екатерининской улице и первых автомобилей

В.С. Могилевский. ЛЁТЧИКИ. Эскиз. Конец 1950-х гг. Бумага, карандаш. Собственность семьи художника

и автобусов, запань на Мсте, дымящие трубы комбината огнеупоров, ажурный мост, лыжников на крутых берегах, городские новостройки. Его произведения отличаются импрессионистической лёгкостью, прозрачностью и изяществом.

Если говорить о выставке в целом, то, мне кажется, она получилась оптимистичной и одновременно правдивой.

С.М. Соколов. ПАРТИЗАНЫ. Эскиз. 1983 г. Бумага, карандаш. Собственность семьи художника

Она — наша скромная, но искренняя благодарность людям, позволившим нам жить на этой земле и быть счастливыми, несмотря ни на что.

Наша выставка не о войне. Она о людях, победивших войну.

О радости творчества.

О красоте.

Наконец, о памяти...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

**Кузьма Александрович АЛЕКСАНДРОВ,
1919 г. р.**

Кузьма Александрович Александров родился в Старой Руссе. Интерес к рисованию привёл его в изостудию Бориса Ивановича Лебединского. После успеха картины «На сплаве» его принимают на 3 курс Школы юных дарований. Но получить образование он не смог: нужно было работать, помогать семье.

5 сентября 1938 года К.А. Александрова призывают в армию. Учебный батальон был дислоцирован в местечке Заславль, в 20 километрах от польской границы.

К.А. Александров

В июне 1941 года, как и многие бойцы приграничных округов, Кузьма Александрович оказывается в плену. Но ему удалось бежать и пробраться к своим. С 1942 года он воюет в составе 60-й армии под командованием И.Д. Черняховского. В апреле 1945 года получил тяжёлое ранение, заново учился ходить. После демобилизации оказался в фильтрационном

лагере НКВД СССР, куда поступали все, кто побывал в плену. Ему запретили жить в столичных и других крупных городах, и Кузьма Александрович уехал в Западную Сибирь, где находились его родные. После окончания войны семья вернулась в разрушенную фашистами Старую Руссу. Кузьма Александрович работал художником в Доме культуры. Голодали, ютились сначала в землянке, потом в бараке. В начале 1948 года он переезжает в Прибалтику. Работает в колхозе. Здесь знакомится с будущей женой — Анной Степановной Иванской, с которой прожил 30 лет.

В 1970 году, живя в Латвии, вернулся к творчеству. Колхоз выделил художнику помещение под мастерскую. Начались выставки — сначала в Латвии, Эстонии, затем с его работами познакомились жители Ленинграда и Новгорода.

Летом 1992 г. Кузьма Александрович возвращается в Старую Руссу. Здесь его произведения пользуются особенно большим успехом. Художник дарит городу 36 лучших своих картин. В 2007 его принимают в Петровскую Академию наук и искусств.

Кузьма Александрович Александров работает в разных жанрах, главным из которых является пейзаж. Его

пейзажи просты, узнаваемы, близки каждому, кто не равнодушен к родной природе. Всё творчество художника свидетельствует о его душевной теплоте и доброте. Пережитые трудности не озлобили его, напротив, они сделали его взгляд на жизнь более просветлённым. Художник и сегодня много работает. Он пытается выразить своё отношение к самым важным вопросам бытия. Его привлекают темы подвига и страдания, он обращается к евангельским образам и сюжетам.

Работы К.А. Александрова находятся в Администрации города Старая Русса, городской библиотеке, Центре народных промыслов и ремёсел Старой Руссы, в Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике, Фонде социального обеспечения, частных коллекциях.

**Тамара Александровна ГАВРИЛОВА,
(1924—1998 гг.)**

Тамара Александровна Гаврилова родилась 12 августа 1924 году в городе Волховстрой Ленинградской области. Вскоре семья переехала в Ленинград. Во всех

источниках, рассказывающих о блокадниках, о ней можно найти лишь короткую фразу — «пережила блокаду». Тамара Александровна была при жизни очень сдержанной, закрытым человеком, о военном времени никогда не рассказывала, воспоминаний никому не навязывала. Всегда подтянутая, красиво одетая, доброжелательная, она вносила в жизнь Новгородской организации СХ РСФСР особую нотку интеллигентности. Все силы своей души она отдавала искусству. Широта её творческого диапазона поражала. Многие новгородцы помнят, как под аккомпанемент гитары Анатолия Ивановича Завьялова она прекрасно исполняла романсы. Когда-то в юности Тамара Александровна мечтала посвятить жизнь пению, но помешала застенчивость и война — а голос был настоящий. Занятия скульптурой потеснили всё остальное. В 1954 году после окончания ЛВХПУ имени В.И. Мухомовой Тамара Александровна Гаврилова приезжает в Новгород. Это было не простое, но интересное время. Город возрождался из руин. Архитекторы, скульпторы-монументалисты, реставраторы были востребованы, как никогда. Все были молоды, полны надежд, деятельны. Скульптор Тамара Александровна работала много. Ею созданы лепные украшения Дома Советов, кордегардии на Санкт-Петербургской улице. Если бы не хрущёвский указ «об излишествах в архитектуре», были бы восстановлены горельефы на колокольне Юрьева монастыря.

Т.А. Гаврилова

В конце 1950-х Тамара Александровна начала преподавать. Она вела кружок юных скульпторов во Дворце пионеров. Её ученики Владимир Журавлёв, Наталья Карпова стали профессиональными скульпторами.

В конце 1950-х Тамара Александровна начала преподавать. Она вела кружок юных скульпторов во Дворце пионеров. Её ученики Владимир Журавлёв, Наталья Карпова стали профессиональными скульпторами.

С 1955 года Т.А. Гаврилова постоянно участвует в областных художественных выставках, с конца 1960-х — в Зональных и Республиканских. В 1967 году её приняли в Союз художников. В это же время начинается очень важный этап в жизни мастера: она приходит на только что созданный в посёлке Бронница фарфоровый завод «Возрождение». Там создавали новую сувенирную продукцию. Т.А. Гаврилова была автором и форм, и росписи. Её мелкая пластика и разнообразная по форме новгородская «синяя посуда», в декоре которой использовалось кобальтовое крытьё и золото, и сегодня не потеряли привлекательности. Остаётся сожалеть об утраченных Новгородом возможностях, ведь предприятие, которое создало один из имиджевых сувениров, сегодня больше не существует. Лучшие авторские произведения Тамары Александровны экспонировались на крупнейших выставках, приобретались музеями, Художественным фондом РСФСР, а тиражированные в небольших количествах изделия пользовались огромным спросом у новгородцев и гостей города.

Параллельно с работой на заводе Тамара Александровна занималась станковой скульптурой, делала эскизы и модели монументальных произведений. Образы новгородских спортсменов, мастеров фарфорового производства привлекали её внимание своей цельностью и открытостью. Она мечтала открыть в Новгороде памятник людям, смысл жизни которых — утверждение мира и любви на земле. К сожалению, в трудные 90-е годы осуществить это не удалось.

Иван Никитич ГОРБАЧЁВ, 1923 г. р.

Иван Никитич Горбачёв родился в 1923 году в деревне Чертова Николо-Мошенской волости Боровичского уезда (ныне — Мошенской район). В 1931 году семью «раскулачили». Отца и старшего брата арестовали («Я их уже больше никогда не видел», — вспоминал Иван

И.Н. Горбачёв

Никитич), а мать с пятью детьми выслали в Сибирь. В 1935 году Горбачёвым разрешили вернуться в родные места. В деревне жилось трудно, восстановить утраченное хозяйство было невозможно, поэтому в 1936 году семья переехала в Боровичи, в маленький домик на улице Московской. Будущему художнику повезло — учителем рисования в школе оказался Александр Александрович

Крутецкий, не только бывший военный, воспитатель Петербургского Первого кадетского корпуса, но и выпускник Академии художеств. Перед самой войной была ещё художественная студия В.И. Сулоевой.

В ноябре 1941 года И.Н. Горбачёв ушёл на фронт, служил санитаром в санроте 743 стрелкового полка. Участвовал в боях под Ленинградом, за что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года был награждён медалью «За оборону Ленинграда». 2 мая 1943 года, при выполнении боевого задания, И.Н. Горбачёв был тяжело ранен в правую руку и плечо. В госпитале, разместившемся в городе Котельнич, ему сделали несколько операций, вернули к жизни, но повреждение лучевого нерва сделало руку малоподвижной. Поэтому с этих пор он рисовал, писал, выполнял другие работы только левой рукой. Вернувшись в Боровичи, он работал на различных предприятиях города, но главной страстью для него оставалась живопись. Его учителями после войны в разные годы были руководители боровичских художественных изостудий, профессиональные художники Я.К. Каёв, Е.В. Грэфельдт. Они стали его школой. Участие в выставках помогало понять себя, свои возможности, особенности своего дарования. Постепенно Иван Никитич уходит от стандартов профессионального искусства, хотя к этому времени он уже неплохо владел перспективой, академическим рисунком, светотеневой моделировкой. Они сковывали его воображение, не давали возможности выразить своё представление о мире, свои чувства и переживания. Его самобытное, сильное от природы дарование нашло выход в творчестве иного рода. Его картины — это реализованный в зрительных образах рассказ, в них есть образы-знаки, раскрывающие суть бытия как самого художника, так и всего его поколения. «Рассказывая» кистью одну историю за другой, вызывая исторические аналогии, окунаясь в мир природы, художник творит миф о себе и своём поколении, миф, притягательный своей бескомпромиссной правдивостью и кристальной чистотой мыслей и чувств. Он и сейчас, в 87 лет, ясно и строго смотрит на жизнь, продолжая работать над новыми картинами-рассказами, картинами-воспоминаниями.

Георгий Васильевич ГОРЕВОЙ, 1936 г. р.

Георгий Васильевич Горевый родился 9 апреля 1936 года в деревне Большое Водское Новгородского района. Ему было пять лет, когда началась Великая Отечественная война, девять — когда она закончилась. Четыре военных года запомнились, судя по рассказам художника, фотографически отчётливо. Потому что общие для всех тяготы войны были ужесточены тем, что вся семья, находившаяся с августа 1941 года на оккупированной территории, была в 1943 году сорвана фашистами с места, вывезена сначала в Прибалтику, потом ещё дальше — на Запад. Статус узника в применении к ребёнку ужасает. Тяготы жизни, перенесённые мальчиком, его сёстрами, матерью кажутся невыносимыми. Георгий Васильевич хранит редкие фотографии довоенного и военного времени, может рассказать о каждом изображённом подробно, немного отрешённо, как бы мысленно возвращаясь в прошлое. Он помнит, как тяжело работал сам, как ухаживала за птицей его маленькая сестрёнка, которой в 1945 исполнилось только 6 лет. На его глазах была снарядом убита

тётя — сестра отца, умерла бабушка. После войны — детдомовское детство, школа, служба в армии, учёба в ЛВХПУ имени В.И. Мухомовой, из которого был отчислен за правдоискательство. Это случилось в начале 1960-х годов. Оттепель ещё только открывалась. Пришлось вернуться в Новгород, устраиваться на работу. Только через много лет он получил диплом «мухинского» училища. Так сложилось, что Георгий Васильевич лишь в

зрелые годы стал выставляться на межрегиональных выставках, поэтому и в Союз художников он был принят только в 1998 году.

Несмотря на такое трудное начало, нелёгкую, а иногда и просто горькую жизнь на исходе века, когда ранние сроки ушли близкие люди, Георгий Васильевич Горевой не опускает рук, он продолжает работать, верить и надеяться.

Если говорить о его творчестве, то первое, что привлекает внима-

ние — это богатство и свобода цвета в его картинах и акварелях. Образ возникает из какого-то первозданного месива материи — хаотично выплеснутых мазков, плотных цветовых пятен, соседствующих с почти нетронутыми участками холста, энергичных всполохов света и чёрных «дыр». Художник работает в разных жанрах, но больше всего ему удаются пейзажи и натюрморты. Его натюрморты — это не просто цветы, фрукты, предметы обихода. Это всегда попытка символического прочтения смысла и формы. Уже в начале 1980-х его очень небольшой натюрморт «Цветы» своей почти витражной яркостью привлекал внимание и держал всю стену на областной выставке.

В пейзажах Г.В. Горевой экспрессия соседствует с продуманной и строгой архитектурной формой. Художник часто пишет памятники средневекового Новгорода: Нередицу, Иоанна Богослова, монастыри. Они в его картинах всегда находятся в гармонии с окружающей природой, разделяя её светлые и сумрачные состояния. По-настоящему музыкальные ландшафтные пейзажи живописца. Он строит их, почти по наитию: то на согласии цветов, то на их конфликте. Некоторые из них — особенно осенние пейзажи — звучат как оркестр, поражая силой и красотой.

Дмитрий Власович ЖУРАВЛЁВ, 1933 г. р.

Дмитрий Власович Журавлёв родился в 1933 году в Ленинграде. С этим городом у художника связано очень многое: это и трагедия блокады, и первые встречи с искусством, и учёба в Академии Художеств, которую он

блестяще окончил в 1959 году, и вступление в 1961 году в Союз художников СССР. Высокая художественная культура, свойственная живописцу, уважение к собственной профессии берут своё начало именно там, в Ленинграде — Санкт-Петербурге.

Вся дальнейшая жизнь Д.В. Журавлёва, всё его творчество принадлежат Новгороду. Он стоял у истоков Новгородской организации Союза художников РСФСР, в течение 12 лет, с момента её создания в 1968 году был её бессменным председателем. Многие годы художник являлся секретарём правления Союза художников России, председателем зонального выставочного комитета художественной выставки «Российский Север». Д.В. Журавлёв — участник многих всесоюзных и всех зональных и республиканских выставок. Его произведения экспонировались в

Индии, Чехии, Германии, Финляндии, Италии, Японии, Турции, Англии, Шотландии, США, Испании, Швеции, Норвегии. В разных городах России и за рубежом прошло более десяти персональных выставок мастера.

Д.В. Журавлёв награждён орденом «Знак Почёта», дипломами и медалями Академии Художеств. Его произведения хранятся во многих музеях России, являются украшением частных коллекций в нашей стране и за её пределами.

В последние годы народный художник Российской Федерации, профессор Новгородского государственного университета преподаёт живопись, руководит дипломными работами студентов, искренне радуется успехам своих учеников.

Д.В. Журавлёв известен как автор сотен живописных произведений — пейзажей, натюрмортов, портретов, сюжетных картин. Он много занимается акварелью. Для него искусство — это не просто передача натуры, это и поиск выверенной композиции, наиболее выразительного цветового решения, концентрированной образности. Он «подсматривал» сюжеты во время многочисленных поездок по Русскому Северу, по древней Новгородской и Тверской земле. Чтобы картина или акварельный лист стали произведением искусства, необходимо было найти свой художественный язык. Вопрос формы для Д.В. Журавлёва чрезвычайно важен. Он никогда не терял связи с русской реалистической школой живописи. Но он не выработал бы собственного живописного языка без глубокого изучения художественных открытий XX века и проникновения в потрясающе прекрасный и ни с чем не сравнимый мир древнерусской иконы.

Г.В. Горевой

Д.В. Журавлёв

Д.В. Журавлёв — это художник, любящий свою землю, понимающий русскую культуру и русскую духовность. В своих работах он всегда добивается образного видения Родины.

**Дмитрий Сергеевич КОНДРАТЬЕВ,
(1928—2008 гг.)**

Дмитрий Сергеевич Кондратьев родился в Сибири в 1928 году в большой крестьянской семье. В 1937 году пришла беда — арестовали отца. Детство Мити Кондратьева — «сына врага народа» — было тяжёлым. Он ещё в школе пристрастился к рисованию, но пришлось помогать матери — работать в колхозе. По словам жены художника, Людмилы Дмитриевны, «18 ноября 1944 года Мите Кондратьеву исполнилось 16 лет, а уже 23 ноября его призвали в армию. Сначала была „учебка“ в городе Красноярске, потом отправили на восток. Об армии и войне Дмитрий Сергеевич Кондратьев рассказывал редко, потому что считал, что война — это ненужное никому дело, тяжёлая, часто грязная мужская работа. Служба Дмитрия Сергеевича проходила в части, основной костяк которой составляли воины, переброшенные на восток из побеждённой Германии. Он очень тепло говорил о людях, с которыми ему довелось служить, и особенно часто вспоминал Героя Советского Союза Зосиму из Котласа (к сожалению, я не запомнила его фамилию). Этот воин, сам прошедший всю войну с Германией, берёт его, мальчишку. Когда, после объявления войны Японии, их часть ночью переходила границу, Зосима отправил

Д.С. Кондратьев

Митю Кондратьева в обоз. Впоследствии они вместе служили в окрестностях города Харбина, участвовал в боях с отступающими частями японской армии, боролся с мародёрами. За ратный труд Д.С. Кондратьев был награждён медалью „За боевые заслуги“. После капитуляции Японии их часть перебазировалась в город Свободный. Там Дмитрию Сергеевичу довелось увидеть один из лагерей Гулага, и он начал понимать, через какие муки, физические и нравственные, прошёл его отец, председатель сельской коммуны, арестованный в 1937 году. Демобилизовался из армии Дмитрий Сергеевич Кондратьев только в 1951 году. Его отец, к тому времени реабилитированный, участвовавший в войне и получивший тяжёлое ранение, сказал ему: „Мы с матерью не смогли дать тебе хорошего образования, ты уж пробивайся сам“. Дмитрий Сергеевич Кондратьев действительно сам выстроил свою биографию. Работая художником в театре, он получил среднее образование, затем в 1956 году поступил в одно из лучших художественных училищ страны — Казанское, позднее окончил Московский полиграфический институт, получив диплом художника-графика. С 1961 года жил в Самаре, работал в Детской художественной школе. В 1969 году переехал

в Новгород. Этот город стал главным в его творческой жизни. Здесь он вступил в СХ РСФСР, здесь сформировался его уникальный творческий почерк. Закономерно, что признание к нему пришло поздно, лишь в 1991 году состоялась его первая персональная выставка. Слишком не похож он был на других и абсолютно бескомпромиссен. Открывшиеся его душе пространства исторической трагедии народа, не сломившей его воли и веры, требовали особой формы выражения, позволявшей о сложном и трудном говорить просто и ясно. Думается, что неслучайным для художника было сначала приобщение к «суровому» стилю конца 1950—1960-х годов, а затем к «примитиву», народному лубочному языку, когда-то окрылившему русский авангард. Дмитрий Сергеевич Кондратьев был, как убеждают его работы, очень сложным человеком, склонным к исповедальной искренности, философом, в картине мира которого есть три опоры: Бог, Человек и Красота.

**Илья Иосифович КУШНИР,
(1921—1997 гг.)**

Илья Иосифович Кушнир родился в 1921 году в городе Сольцы — тогда районном центре Ленинградской области. Мальчик рос в большой и дружной семье, много способствовавшей развитию его разнообразных талантов. Уже в школьные годы он прекрасно рисовал, играл на музыкальных инструментах, увлекался поэзией. После окончания школы он поступает в Ленинградский инженерно-строительный институт, учёбу в котором прервала война. И.И. Кушнир был призван в действующую армию сапёром. Юноша, мечтавший о возведении новых прекрасных зданий, должен был взрывать, уничтожать дома, мосты, готовить временные переправы через главные реки Европы, быть всегда на переднем крае. За успешное выполнение боевых заданий сержант И.И. Кушнир был награждён нагрудным знаком «Отличный сапёр», медалью «За оборону Кавказа», не раз получал благодарности Верховного главнокомандующего. Всего как участник и ветеран Великой Отечественной войны он удостоен двенадцати правительственных наград.

И.И. Кушнир

В 1947 году И.И. Кушнир завершает образование и начинает работать архитектором в разрушенном фашистами Новгороде. Постепенно восстанавливались сохранившиеся коробки, претворялся в жизнь градостроительный замысел А.В. Щусева. Илье Иосифовичу Кушнiru мы обязаны многим. В центре города по его проекту было восстановлено здание бывшего Дворянского собрания, в котором сегодня разместился Музей изобразительных искусств, возведены в строгом классическом стиле гостиница «Волхов», Центр научно-технической информации на Фёдоровском ручье, контора кинопроката на Большой Власьевской улице. С его участием было осуществлено более четырёхсот объектов

различного назначения, в том числе его родная школа в Сольцах. Замечательно, что его практическая деятельность архитектора, а потом и главного архитектора города, была неразрывно связана с научными исследованиями в области древнерусской архитектуры. Он использовал некоторые мотивы средневекового зодчества Новгорода в своих авторских проектах. В 1979 году по итогам многолетних исследований он получил научную степень кандидата архитектуры.

Ещё одна сторона его деятельности — журналистика. Илья Иосифович постоянно сотрудничает с различными периодическими изданиями, пишет о Новгороде, проблемах его градостроительства, размышляет о его прошлом, настоящем и будущем.

Работая над книгами «Архитектура Новгорода», «Новгород», «Улицы Новгорода», И.И. Кушнир не только пишет текст, но и создаёт иллюстрации к нему. Понятно, что профессия архитектора предполагает умение рисовать, писать акварелью. Но далеко не всегда художественное творчество архитектора приближается по своему качеству и значению к его основной профессии. В случае с И.И. Кушниром мы наблюдаем удивительное равновесие. Рисунки и акварели мастера являются живым продолжением его архитектурных размышлений. Они точны в деталях, передают атмосферу города и его окружения, в них, вместе с тем, чувствуется и глубокое лирическое начало. Замечательно, что и ландшафтные пейзажи мастера архитектурны, построены с точным знанием перспективы и пропорций. Кушнир-художник известен значительно меньше, чем Кушнир-архитектор. Лишь в 1990—2000-е годы с большим успехом прошли его большие персональные выставки. Время постепенно расставляет всё по местам.

Степан Карпович МОИСЕЕНКО, (1922—1998 гг.)

Степан Карпович Моисеенко родился 12 октября 1922 года в с. Курово Брянской области в многодетной семье. Окончив среднюю школу, работал в родном колхозе. С 1942 года воевал на Брянском, 1 Белорусском фронтах, служил стрелком-автоматчиком. В 1944 году в боях за

С.К. Моисеенко

город Рогачев ефрейтор С.К. Моисеенко получил тяжёлое ранение. После госпиталя — снова фронт — Карельский. В 1946 году был демобилизован. Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Заполярья», «За Победу над Германией».

После войны Степан Карпович окончил Елецкое художественно-промышленное училище, преподавал рисование и черчение, а в ноябре 1956 года был направлен объединением Мосглавстекло на одно из старейших стекольных предприятий — Чудовский завод «Восстание», где долгие годы работал сначала старшим, а затем — главным

художником. Им было создано большое количество образцов стеклянных изделий для массового и малосерийного производства. Степан Карпович — участник многих международных, всесоюзных и республиканских выставок. Член СХ РСФСР. В 1977 году — первым из новгородцев был удостоен почётного звания «Заслуженный художник РСФСР». Работы мастера хранятся в фондах Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, Чудовском краеведческом музее, в частных коллекциях.

Творческое наследие Степана Карповича Моисеенко очень велико и разнообразно. Прежде всего он был мастером гутной техники, позволявшей создавать произведения, мало напоминающие бытовое стекло. В них чувствуется фантазия, мощная динамика пластической формы, сильное образное начало. Огромное значение художник придавал цвету. Он добивался глубоких «медовых» и острых холодных оттенков, оживлял цвет пузырьками воздуха. В 1970—1980-е годы он создал несколько удивительно ёмких по смыслу и по-настоящему красивых символических композиций — «Фронтальной натюрморт», «Сопки», «Северное сияние». Они стали воплощением его памяти о Великой войне.

Владимир Сергеевич МОГИЛЕВСКИЙ, 1918 г.р.

Владимир Сергеевич Могилевский родился 20 марта 1918 года в городе Лебедине Сумской области. В 1932 году — электрослесарь на Магнитогорском металлургическом комбинате. Позднее работал водителем, инструктором Детской технической станции, репортёром и художником газеты «Магнитогорский рабочий». Одновременно учился в Магнитогорском аэроклубе в планёрной, а затем лётной школе. Окончив Оренбургскую военную школу лётчиков, был направлен в 49-й истребительный авиаполк, базировавшийся в Пскове. Затем в качестве офицера оперативного отдела 8-й армии ВВС принимал участие в Советско-финской войне. Во время Великой Отечественной войны воевал на фронтах — Южном, Северокавказском, 4-м Украинском. В 1943 году направлен в Авиацию дальнего действия (АДД). Летал на американских самолётах, позволявших осуществлять «свободную охоту» в глубоких тылах врага.

В.С. Могилевский

Участвовал в освобождении Кавказа, Севастополя, Бреста, во взятии Кёнигсберга, в боях за освобождение Балтики, во взятии Берлина. Последний боевой вылет — на Берлин в ночь капитуляции. Имеет боевые награды — орден Ленина, орден Боевого Красного Знамени, орден Отечественной войны I-й степени, орден Отечественной войны II-й степени, два ордена Красной Звезды, медали «За Боевые Заслуги», «За освобождение Кавказа», «За освобождение Севастополя», «За освобождение

Бреста», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

После войны продолжил службу в частях АДД. Прошёл путь от командира отряда до заместителя командира авиапункта и старшего лётчика дивизии по лётной и боевой подготовке. Военный лётчик первого класса, лётчик-инструктор, испытатель, гвардии майор В.С. Могилевский в 1957 году вышел в отставку.

Творческая биография В.С. Могилевского началась в 1936 году в газете «Магнитогорский рабочий». Среди его учителей — народные художники СССР Г. Соловьёв и Б. Чекалин. Во время службы в армии он постоянно поддерживал творческие связи с фронтовыми и армейскими газетами «Красный Сокол», «На страже Родины», в которых печатались его рисунки — портреты солдат, боевых лётчиков, фронтовые зарисовки.

Выйдя в отставку, В.С. Могилевский начал работать художником Средне-Уральского издательства в Свердловске. За 13 лет он оформил и иллюстрировал около 100 изданий. В эти годы художник — постоянный участник областных и зональных выставок, его работы широко представлены на специализированных выставках книги. В 1967 году он принят в СХ РСФСР. С 1968 по 1978 год Владимир Сергеевич возглавлял созданную им небольшую дизайнерскую группу в Уральском головном институте металлов, занимался разработкой образцов и декоративного оформления промышленных товаров, выпускавшихся заводами России, Украины, Белоруссии. Одна из последних творческих работ художника — проект и разработка памятной золотой медали I Всемирного конгресса онтопсихологов, проходившего в Москве в октябре 1997 года.

В настоящее время Владимир Сергеевич Могилевский живёт в Великом Новгороде. Художник перешагнул за 90 лет. Его архив содержит богатые документальные материалы, которые ждут своего исследователя, как и разнообразное творческое наследие. Сам же он активно интересуется выставочной жизнью города, знакомится с молодёжью, работает.

Александр Иванович ПОПОВ, (1913—2001 гг.)

Александр Иванович Попов родился в д. Андроновская Каргопольского района Архангельской области. В 1933 году он окончил Ленинградское художественно-педагогическое училище. Учителем в Порхове, там же проходил срочную службу в Красной Армии. В 1934 году переехал в Боровичи, где преподавал рисование и черчение в средней школе. 24 июня 1941 года был призван в действующую армию. Местом приписки А.И. Попова была воинская часть в Яжелбицах, которая, как он увидел по прибытии, была полностью разбомблена фашистской авиацией в первый день войны. Часть была расформирована. А.И. Попова отправили в танковое училище на юг России. На передний край он попал лишь в начале 1942 года в миномётное подразделение, был офицером связи. В сохранившейся автобиографии художника мы читаем, что он «был под Сталинградом, участвовал в переправе через Днепр и освобождении правобережной Украины в качестве командира миномётного взвода 9-й гвардейской бригады 3-го механизированного корпуса. С 1944 года воевал в качестве офицера связи. После освобождения Прибалтики его

часть была направлена на Дальний Восток, на войну с Японией. В 1946 году демобилизовался в звании гвардии старшего лейтенанта». Александр Иванович награждён двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». После войны вернулся в Боровичи, продолжал преподавательскую деятельность в школах, в Учительском институте, а затем почти 28 лет — в Автодорожном техникуме. Семья была большая — 4 дочери и сын. Чтобы дети могли учиться, встать на ноги, приходилось работать на дневном, вечернем и заочном отделениях. Поэтому живописью занимался урывками, по вечерам. Город, живописно расположенный на Мсте, стал его подлинной мастерской. Все его этюды, наброски, картины — это признание в любви городу и его людям. Его пейзажи написаны маслом, но отличаются акварельной лёгкостью, прозрачностью и изяществом.

С 1930 по 1990-е гг. Александр Иванович участвовал в многочисленных выставках: городских, областных. В 1950-е годы руководил изостудией при Доме культуры Боровичского комбината огнеупоров, некоторые его студийцы стали профессиональными художниками, дизайнерами и архитекторами. Отношения с Новгородской организацией СХ РСФСР складывались трудно, а среди самобытных художников он выделялся безусловным профессионализмом, школой. Настоящее признание пришло к А.И. Попову лишь в конце жизни. Его работы были экспонированы в США и Финляндии. Там же некоторые его картины были приобретены. Произведения Александра Ивановича Попова хранятся также в фондах Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, в Государственном музее художественной культуры Новгородской земли, на предприятиях, в школах и частных собраниях России.

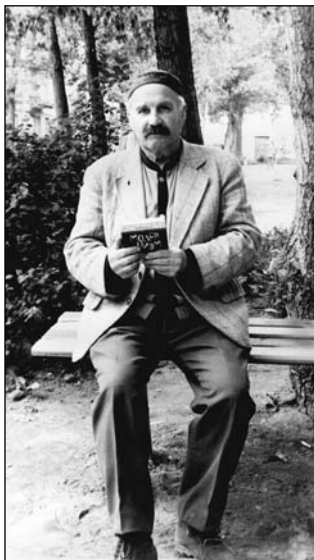
А.И. Попов

Семён Иванович ПУСТОВОЙТОВ, (1921—1995 гг.)

Семён Иванович Пустовойтов родился 9 мая 1921 года в Одессе. Воспитывался в детдоме. В 1939 году он поступил в Одесское среднее художественное училище, но в сентябре 1940 года его призвали в армию. В годы Великой Отечественной войны сражался на Новгородской земле. Прошёл путь от рядового до командира стрелкового отделения. В боях за Старую Руссу Семён Иванович получил тяжёлую контузию, долго лечился в госпитале. Врачи считали, что он вряд ли сможет вернуться к полноценной жизни. Но воля к жизни победила.

За участие в Великой Отечественной войне Семён Иванович Пустовойтов награждён орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны II степени, а также пятью юбилейными медалями и юбилейным знаком.

21 сентября 1945 года С.И. Пустовойтов был демобилизован. В 1951 году, после окончания Одесского среднего художественного училища, он вместе с женой переезжает в Новгород. Работает сначала в музее-заповеднике, затем в художественно-производственных мастерских, сотрудничает с областным Домом народного творчества. В 1964 году принят в Союз художников РСФСР. Именно в Новгороде он сложился как выдающийся мастер акварели. Художник видел город в руинах. На его глазах он возвращался к жизни: строились новые

С.И. Пустовойтов

улицы, многоэтажные дома, как птица Феникс из пепла, возрождались средневековые храмы. Древний Новгород стал главной темой творчества мастера.

Серия акварелей «Великий Новгород», созданная в конце 1960—1980-х годах, представляет собой уникальное явление. Она состоит более чем из 500 листов. Лучшие из них — «Софийский собор», «Иоанн Богослов на Витке», «Фёдор Стратилат на Ручье», циклы «Ковалёво» и «Вяжищи» — включают в себя такую энергию чувства,

мысли, фантазии, которая заставляет сразу же принять любимую мысль автора: памятник архитектуры — это судьба народа, его живая история и его будущее. Романтическая приподнятость, трагедийность — вот что характерно для зрелого стиля С.И. Пустовойтова. Кисть С.И. Пустовойтова помогла открыть истинный смысл и значение средневековой новгородской архитектуры сотням и тысячам зрителей, а творчество самого мастера — это драгоценная часть культурного наследия Новгорода XX века.

Ещё при жизни Семён Иванович Пустовойтов стал подлинным классиком. Его произведения хранятся не только в Новгородском государственном музее-заповеднике, но и в одесских музеях, в Санкт-Петербурге, в частных коллекциях нашей страны и за рубежом. Они экспонировались в России, Румынии, Чехословакии, Югославии, Польше, Японии, Австрии.

Семён Иванович Пустовойтов был активным членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в январе 1987 года Президиумом Центрального Совета ВООПИиК он награждён нагрудным знаком «За активную работу в обществе».

18 января 1994 года Семёну Ивановичу Пустовойтову было присвоено звание «Почётный гражданин Новгорода».

Художник ушёл из жизни 15 декабря 1995 года.

9 июня 2001 года на фасаде дома, где он жил, установлена мемориальная доска.

Сергей Михайлович СОКОЛОВ, (1923—1997 гг.)

Сергей Михайлович Соколов родился 3 октября 1923 года в городе Боровичи в семье рабочего-горняка. Его первым учителем стал профессиональный художник и скульптор Михаил Касьянович Григорьев. Но в 1939 году Соколовы переезжают в посёлок Зарубино. Здесь мальчику, пристрастившемуся к искусству, пришлось заниматься рисованием самостоятельно. Его успехи были так очевидны, что по инициативе учителей в том же 1939 году в Любытинском краеведческом музее состоялась первая персональная выставка будущего художника.

По окончании школы Сергей Михайлович устроился электромонтером на рудник. Потом была война. С.М. Соколов воевал под Новгородом на Волховском фронте, был заместителем политрука роты. После военно-политического училища его направляют в Сталинград. Здесь, зимой 1942 года, во время тяжёлых боёв Сергей Михайлович, заменивший выбывшего из строя командира, был тяжело ранен. Его подобрали и отправили в медсанбат танкисты из соседней части, а в штабе родного 38-го гвардейского полка решили, что он погиб. Родителям С.М. Соколова была отправлена похоронка, но, к счастью, за день до её прихода, они получили письмо от сына. Орден Красной Звезды за тот бой гвардии лейтенант Соколов получил из рук М.И. Калинина в Кремле в 1943 году. Ещё одна драгоценная награда — медаль «За оборону Сталинграда» была вручена ему несколько позже в райвоенкомате.

Тяжёлое ранение не позволило воевать дальше. Сергей Михайлович откомандирован в Боровичи. Оканчивает областную годичную партийную школу, работает редактором старорусской газеты «Трибуна», затем возвращается домой, в Зарубино. В 1947 году, уже имея семью, С.М. Соколов поступает в Ленинградское педагогическое училище. Позднее получает высшее образование в Государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена. Тридцать с лишним лет, начиная с 1951 года, он работает в школе: преподаёт рисование и черчение. Среди его благодарных учеников — десять профессиональных художников, остальные научились видеть красоту окружающего мира, ценить творческое начало в себе и других.

Сергей Михайлович Соколов был яркой и многогранной личностью. Его влекли охота и рыбалка, походы на лыжах и пешком, он был солистом Зарубинского хора учителей, но работа в школе и творчество, конечно же, были главным. После выхода на пенсию он занимался исключительно живописью. Долгие годы художник ощущал двойственность своего положения — он не

С.М. Соколов

вписывался в контекст самодеятельного искусства, но не всегда решался выставляться с профессионалами. В 1980—1990-е годы ситуация меняется. Казалось, что Сергей Михайлович стремится наверстать упущенное. Он тесно общается с маститыми живописцами и графиками Москвы, Ленинграда, Новгорода, вглядывается в их работы, показывает свои. Его выставки успешно проходят в Любытино, Боровичах, Новгороде. Зрителям запомнились многие его пейзажи, в которых художник развивал традиции русского реализма. Они полны лирическими чувствами, искренней любовью к родному краю. Пейзажи чередовались с натюрмортом. Но, если вдуматься, натюрморты С.М. Соколова — это не мёртвая, а живая природа — полевые и лесные цветы любытинской земли. Его мастерство набирает силу. Он много рисует, пишет этюды, сюжетные картины, портреты. Очень органично в его творчество входит тема Великой Отечественной войны и ветеранов. Своей простотой и правдивостью они привлекают внимание и сегодня.

Художник умер в 1997 году в посёлке Зарубино, похоронен на сельском кладбище в деревне Артём Любытинского района.

Евгений Сергеевич ЩЕРБАКОВ, (1923—1993 гг.)

Евгений Сергеевич Щербаков родился 24 апреля 1923 года в Калужской области Лев-Толстовского района в деревне Липинины Дворы. В 1931 году его отец был репрессирован, и матери с четырьмя детьми пришлось перебраться в Калугу. Способности к рисованию у будущего живописца открылись очень рано. Он участвовал в оформлении демонстраций, рисовал портреты писателей, был художником школьной стенной газеты.

13 октября 1941 года Калуга была взята фашистами. Родные с огромным трудом спасли юношу, которого немцы приняли за еврея, от расстрела.

30 декабря 1941 года после тяжёлых боёв Калуга была освобождена. Е.С. Щербаков сразу же вступил в действующую армию. Всю войну будущий художник прошёл бойцом переднего края — был минёром, сапёром, воевал в пехоте. Он участвовал в освобождении Смоленска и Орла. В составе Брянского фронта форсировал Десну, сражался в Западной Померании, под Гданьском, Штеттином, Данцингом. Форсировал Одер и прошёл по всей Германии.

Е.С. Щербаков

В одном из боёв ефрейтор Е.С. Щербаков был тяжело контужен, но после госпиталя вернулся в строй, он награждён медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», медалью Польской народной республики.

После Победы над Германией и окончания Великой Отечественной войны Евгений Сергеевич Щербаков поступает на 2 курс Пензенского художественного училища. Среди его преподавателей был ученик И.Е. Репина И.С. Горюшкин-Сорокопуд. Но семья жила тяжело, материальной поддержки ожидать от неё не приходилось, и с мечтой об учёбе пришлось расстаться. Е.С. Щербаков возвращается в Калугу, где в 1947 году его зачисляют в штат Художественного фонда. С 1949 года он начинает выезжать на знаменитую «Академическую дачу» под Вышним Волочком. Именно здесь, работая рядом с такими известными мастерами, как А.П. Бубнов, А.В. Волков, В.Н. Гаврилов, И.И. Чебанов, Ю.П. Кугач, В.Ф. Токарев, Н.Е. Тимков, он прошёл настоящую школу мастерства.

С 1952 года Е.С. Щербаков участвует в республиканских, а с 1954 — всесоюзных выставках. В 1960-х годах его произведения приобретались устроителями Всесоюзной художественной лотереи. В 1981 году Евгений Сергеевич Щербаков должен был получить почётное звание «Заслуженный художник РСФСР», но партийные органы Калуги выдвинули ультиматум: или вступление в КПСС, или отказ от звания. Художник не мог предать память об отце. Присуждение почётного звания не состоялось.

Евгений Сергеевич тяжело перенёс эту новую несправедливость. Подорванное войной здоровье ухудшилось. В 1983 году его парализовало. Он прожил ещё 10 лет, но вернуться к творчеству уже не мог. Евгений Сергеевич Щербаков умер 15 июня 1993 года в Великом Новгороде. Уже после смерти в городе и области прошли его персональные выставки, многие произведения оказались в фондах Музея художественной культуры Новгородской земли, в коллекции Новобанка, частных собраниях в России, Англии, Австрии, Венгрии, Голландии, Японии.

Чем привлекает искусство художника сегодня? Думаю, как и

прежде, внутренней правдой и неброской, но выразительной художественной формой. Работы мастера тихи и вдумчивы, в них нет надрыва, жёсткости и жестокости. Они гармоничны, а потому способны исцелить душу, одарить теплом и нежностью. Как и многие художники, прошедшие через войну, он ценил мир, дорожил им.

«НЕУЖЕЛИ ВЫ ПОМНИТЕ ВОЙНУ?»

В начале 1970-х годов мне случилось вести экскурсию по Новгороду для немецких туристов из ФРГ. Группа состояла в основном из мужчин, которые, судя по возрасту, могли воевать в 1941–1945 гг. против нашей страны. Видимо, в моём рассказе о военных действиях и разрушениях, которым был подвергнут Новгород, явно ощущались эмоции, связанные с личными воспоминаниями, потому что вдруг один из туристов (как потом выяснилось, профессор из Гамбурга, прошедший войну от первого до последнего дня) спросил меня: «Неужели вы помните войну?». Я ответила, что во время войны была подростком и хорошо помню многие события тех суровых лет.

Судьба нашей семьи была подобна судьбе миллионов советских людей из оккупированных немцами регионов, которые особенно сильно испытывали все тяготы военного времени. Правда, нам, можно сказать, в какой-то мере даже повезло: никто из нашей семьи не погиб при бомбёжках, мы не попали в немецкую оккупацию, не испытали ужасов концлагерей, но, потеряв на фронте отца и кров, достаточно хватило лиха.

До войны наша семья жила в Новгороде на улице Гужевой (ныне — улица Германа) в небольшом деревянном доме возле ликёро-водочного завода, где отец одно время работал начальником пожарно-сторожевой охраны. Напротив завода находился железнодорожный вокзал. Тогда это была окраина города, за которой тянулись поля. В 1941 г. я закончила первый класс, поэтому неплохо помню довоенный Новгород.

Я отчётливо помню первый день войны. В это солнечное воскресное утро мы со старшей сестрой, подругой и её отцом отправились на насыпь у Мячинского озера загорать и купаться. А в полдень к нам подошёл мужчина и сообщил, что началась война. Эта новость мгновенно облетела отдыхавших, и весь народ побежал в город. Мы, дети, конечно, тогда не сразу поняли, что значит это страшное слово «война» и какие беды она нам готовит.

В городе всё быстро стало меняться. Появилось много военных, беженцев, возникли очереди за хлебом. Немцы начали бомбить Новгород уже в начале июля. Мы прятались в небольшом бомбоубежище недалеко от вокзала. Я хорошо запомнила самую первую бомбёжку. Мы с сестрой тогда стояли в очереди за хлебом, а после

отбоя воздушной тревоги побежали смотреть, куда попали бомбы. Одна из них разрушила восточный торец недавно построенного кирпичного дома. Отремонтированный вскоре после войны этот дом № 8/8 и ныне стоит на перекрёстке Новолучанской и Предтеченской улиц. Тогда ходили слухи, что немцы хотели разбомбить стоявшую напротив гостиницу, в которой как будто бы останавливался К.Е. Ворошилов.

После первых бомбёжек наша семья — мама, трое детей и ещё папин племянник-сирота да бабушка — в числе многих новгородцев была эвакуирована в Кировскую область. Эшелон был переполнен — с собой разрешалось брать только минимум вещей. К тому же наш отец, веривший в официальную пропаганду, уверял маму, что война продлится недолго и мы скоро вернёмся домой. Поэтому в далёкий путь мы отправились налегке.

Нашего отца, Принцева Андрея Николаевича, по состоянию здоровья призвали в армию не сразу. Он остался в Новгороде в составе ополчения. Осталась в городе и наша вторая бабушка, жившая в своём деревянном доме в Псковской слободе. Только когда немцы уже подходили к городу, она, зарыв в огороде кое-какой домашний скарб, решила покинуть дом. Взяв на плечи самовар, который очень скоро пришлось бросить, бабушка со своей очень старенькой подругой с трудом выбрались из горящего города. Пройдя почти всю дорогу пешком, она добралась до Тихвина — он ещё не был тогда захвачен немцами, а оттуда приехала к нам в Кировскую

область. Отец тоже оставался в ополчении до последнего дня. Он ушёл из города с отступающими войсками и добрался к нам.

На три долгих года мы стали беженцами или, как нас тогда официально именовали, эвакуированными, а коренное население, переиначив это трудное иностранное слово, называло «ковыренными». Перед местными властями стояла сложная задача — обеспечить огромную массу беженцев жильём. Нас поселили в селе Сретенье Макарьевского района в небольшом деревянном доме, принадлежавшем школе. В одной комнате жила учительница, в другой — учился второй класс, а в кухне, которая служила одновременно для всех и прихожей, разместились наша семья, состоявшая в то время из восьми человек.

Учебники, тетради, карандаши, ручки — всё стало дефицитом. Писали на старых газетах и журналах между

Братья Принцевы. Принцев Андрей Николаевич (справа). Василий Николаевич Принцев (слева)

печатными строками. Особенно ценились толстые журналы «без картинок», в которых было удобно писать, не прерываясь на иллюстрации. Мы очень быстро освоили вятский диалект и подружались с местными ребятами.

Мои близкими друзьями стали одноклассники — Юля и её брат (имя забыла) Носковы. Воспитывала их родная тётя Августа Филипповна, учительница младших классов. Но поистине мир тесен: отец моих друзей майор Дмитрий Филиппович Носков воевал на Волховском фронте. Он погиб при освобождении Новгорода в январе 1944 года. Когда мы вернулись в Новгород, то обнаружили его имя в списках на братской могиле в кремле. Мама сообщила об этом Августе Филипповне и потом ещё долго переписывалась с нею.

Летом 1942 года из села Сретенья мы переселились в соседнюю деревню Симичи, где в нашем распоряжении оказалась пустующая крестьянская изба. Не могу удержаться, чтобы не описать хотя бы кратко тот чудесный дом. Сегодня это была бы настоящая находка для исследователей, изучающих народную архитектуру. По классификации специалистов дом был типа «брус», в котором все его части — жилой сруб, сени, летняя клеть, хлев, конюшня, сеной сарай — находились в одной связи и были вытянуты вглубь усадьбы. Внутри изба не была оклеена обоями, в ней полностью сохранилась связанная со стенами мебель — полати, лавки, полки, и была большая русская печь. Помню, как нас, детей, по субботам мыли в этой печи.

В то лето меня и старшую сестру (мне шёл десятый год, сестре — тринадцатый) определили пасти стадо личных коров колхозников. Поднимали нас с восходом солнца, и целый день мы бегали за коровами, отгоняя их от посевов и огородов, поскольку выделенное колхозникам пастбище было небольшим и находилось возле деревни. За пастьбу нам платили три литра молока. Осенью нашей обязанностью было собирать оставшиеся после уборки колоски. Чтобы набрать корзинку колосков, приходилось часами их выискивать в поле. Но несмотря на подножный корм, всё равно было очень голодно. Из муки, которую выдавали на продуктовые карточки, обычно пекли не хлеб, а лепёшки, добавляя в них мякину, картофельные очистки, а летом — лебеду и цветы клевера. Помогали выжить и искусные руки бабушки Анны Феликсовны.

Из бумажной цветной стружки она научила нас делать искусственные цветы, которые меняли в деревнях на кусочки хлеба и картофелины. Меня за это в школе дразнили: «Принцесса на горошине, продаёт цветы за четыре картошины».

Весной 1943 г. отца призвали в армию. Отправляясь на фронт, отец на прощанье вспомнил старую солдатскую поговорку: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Он погиб в августе того же года в боях на Курской дуге. Мы потеряли основного кормильца и опору всей семьи. Когда папа погиб, мне было всего 11 лет, но он остался для меня примером на всю жизнь. Это был очень честный, добрый, скромный и деликатный человек. Мы никогда не слышали, чтобы он на кого-нибудь повышал голос. Его служебные обязанности не были связаны с гуманитарными науками, однако его очень интересовала история, искусство, живопись. Помню, что в нашем доме

часто бывали художники. Сам отец очень любил рисовать. Он участвовал в выставке самодеятельных художников. В августе—сентябре 1932 г. он принимал участие в археологических раскопках, организованных Новгородским музеем, в районе Козьмодемьянской улицы на территории хозяйства водного транспорта. Руководил работами В.С. Пономарёв, а участниками были Б.К. Мантейфель и наш отец А.Н. Принцев¹.

Отец был членом общества краеведов при Новгородском музее². Он, как и многие люди его поколения, искренне верил в идеи коммунистической партии. Будучи коммунистом, он был особенно требователен к себе — не курил, совершенно не употреблял спиртного. Если бы отец не погиб на войне, в нашей дальнейшей жизни не было бы столько лишений.

Летом 1943 г. мы понесли ещё одну потерю — от пневмонии скоропостижно скончалась наша любимая бабушка Ольга Дмитриевна. Рано утром по росе пошла босиком собирать лебеду на лепёшки и простудилась. Бабушка так и не узнала о гибели своего обожаемого

Слева в нижнем ряду — Люся Принцева

сына, потому что похоронка пришла в сентябре, когда её уже не было в живых. Последней её просьбой был кусочек хлеба, но его ни у нас, ни у соседей не оказалось. На иждивении нашей мамы Нины Алексеевны, которая не имела специальности и была слабого здоровья, теперь осталось четверо — трое детей и её старенькая мама. Племянник Анатолий в 14 лет вместе со своей старшей сестрой уехал на фронт ещё в 1942 г. и стал там сыном полка.

Зимой 1944 г., когда пришла весть об освобождении Новгорода, решено было возвращаться домой. Собрались к отъезду только в конце августа, когда убрали и продали небольшой урожай овощей.

После недельного ожидания в привокзальном скверике города Котельничи Кировской области (в вокзал

¹ Гайдуков П.Г. 1932 год — начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород. 1994. С. 44—45. С. 50. Рис. 14.

² Маркина Г.К. Летопись музейного дела в Новгородском крае (1865—1999) // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2005. Великий Новгород. 2006. С. 64—65.

не пускали, так как у нас не было билетов на поезд), где формировался состав на Новгород, нас погрузили в вагоны-теплушки, и после долгого пути мы оказались в Новгороде. О том, каким стал город после изгнания немцев, написано много. Это был пустырь, где кое-где высились коробки полуразрушенных строений. От дома, где мы жили до войны, остался только фундамент. Мы знали от отца, что он сторел во время бомбёжки ещё в 1941 г. От бабушкиного домика в Псковской слободе не осталось и следа: не удалось найти даже место, где он стоял.

Тех, у кого в городе не оказалось родных и знакомых, а среди них была и наша семья, временно поселили в подвале здания Присутственных мест в кремле. Само здание не имело ни крыши, ни окон и дверей, но уцелел сводчатый подвал, сооружённый ещё в XVIII веке. Здесь на соломе, на полу ночевало вповалку много людей. Варили тут же у здания на кострах. Топливом служил бурьян, которым зарос весь кремль. Основной нашей пищей тогда была каша-заваруха из ржаной муки, выданной на карточки в Кировской области. В начале нашего приезда ещё лежали на земле фигуры разобранного немцами памятника «Тысячелетие России». На стройках работали пленные немцы: помню, как они очень медленно, сберегая силы, ходили по кремлю с нагруженными строительным материалом носилками. Тогда среди нас, шустрых ребятишек, если кто-нибудь медлил, ходила даже поговорка: «Ходишь, как пленный немец».

Помню, что восточнее здания Присутственных мест находилась в то время землянка. Когда меня туда пригласила одна подружка, то после мытарств долгого пути из Кировской области и ночлега в сыром холодном подвале землянка показалась мне верхом уюта. В ней стояло что-то вроде мебели, топились буржуйка и пахло жареной рыбой. «Живут же люди!» — позавидовала я им тогда.

Мы, кремлёвские ребята, грязные, голодные, а многие и вшивые, ходили в школу. В то время единственная в Новгороде школа находилась на Торговой стороне на улице Посольской в доме конца XVIII века. Добирались от кремля до школы мы почему-то не по деревянному мосту, сооружённому после освобождения Новгорода, а в лодках, в которые набивалось столько ребят, что всегда опасались, как бы не перевернуться. В школе тогда давали стакан чая с кусочком хлеба и сахара.

В свободное время мы много бродили по городу и с трудом узнавали его. Вот улица Советская (ныне Людогоща), по которой я до войны ходила сначала в детский сад, а потом в школу. Здесь сохранилась коробка здания школы, которая, как я помню, строилась в довоенные годы. Здание было восстановлено вскоре после освобождения Новгорода, в нём располагается школа № 2. До войны на этой улице стояли в основном небольшие деревянные дома с нарядными палисадниками. Среди них находился старинный уютный особнячок с мезонином, где был наш детский сад (см. фото на стр. 49). Во дворе его росли тенистые деревья, а за ним находился фруктовый садик. Этот особняк, чудом уцелевший в годы войны, был разобран уже где-то в конце 1960-х годов, и теперь на его месте стоит гостиница «Акрон». Хотя очень жаль, что не сохранили этот трогательный кусочек довоенного провинциального Новгорода.

В кремле мы прожили до холодов. Нашей семье, в которой не было рабочих рук, нужных для восстановления

Новгорода, власти не нашли возможным дать хоть какое-то жильё. Нас отправили в деревню Окатово Борковского сельского совета, где поселили в маленькой избушке, возле которой не оказалось даже земли для грядок. Кроме нас там проживали две семьи — всего десять человек. А потом у одной из женщин появился ещё один ребёнок — мальчик, который родился здесь же в этой избушке. Нас, шестерых ребятишек, во время родов загнали на печку.

В деревне в то время было несколько пустующих разорённых домов, в которых во время оккупации жили немцы и испанцы из Голубой дивизии. Среди мусора, оставшегося от оккупантов, мы однажды нашли букварь, изданный немецкими властями для русских детей. Из всех иллюстраций букваря мне запомнилась одна, на которой советские дети украшают портрет Гитлера. И ещё там была поговорка, смысл которой приблизительно таков: «Это небольшое колхозное поле, а хоть и маленькая, но моя доля». Очень жаль, что из-за нашей кочевой жизни мы не сохранили этот образчик фашистской пропаганды. Это был бы любопытный музейный экспонат, тем более, что мне не довелось увидеть подобное ни в одном музее. Вообще следов пребывания оккупантов и недавних боёв было множество. Везде вдоль дорог валялись ящики от боеприпасов, части от орудий, машин. У дороги недалеко от деревни Борки, куда мы ходили в школу, стоял подбитый танк. Везде ещё было много мин, снарядов, других боеприпасов, поэтому были часты случаи гибели и увечья людей, особенно любопытных мальчишек. Летом, когда мы по «танковой дороге», так называли её местные жители, ходили за ягодами далеко вглубь леса, то набрали на поляну, где стояло несколько полуразрушенных землянок, а около них лежали человеческие скелеты. Какая трагедия разыгралась здесь во время войны, тогда выяснить нам не удалось.

Весной 1945 г., когда все с нетерпением ждали окончания войны, я — ученица четвёртого класса, сочинила патристические стихи и послала их в районную газету. До сих пор помню их наизусть.

Последний раз в боях, походах
Мы будем праздновать последний раз
Великий праздник всех народов
С тех пор, как Гитлер ринулся на нас.

Мы праздник встретим с доблестью и честью,
С великой славой боевой,
С победой новой на фронте
Над гитлеровской бандой гнилой.

И в этот светлый праздник мая
Бойцы с отвагой пойдут в бой,
Чтобы добить фашиста-зверя
В его берлоге воровской.

И эти детские наивные строчки были опубликованы в газете «Звезда», видимо, потому, что в них была выражена горячая надежда на близкую победу. Правда, к моим стихам кто-то из журналистов добавил ещё четверостишие о доблестном труде в тылу, но эти строчки я забыла. К сожалению, этот номер газеты из-за наших переездов потерялся. Не смогла я его найти ни в одной новгородской библиотеке, ни в архиве и в настоящее время.

Но вот в ясный весенний день 9 мая пришла долгожданная весть о конце войны. Вскоре стали возвращаться

фронтовики. А мы ещё долго ждали нашего отца, надеясь, что похоронка пришла ошибочно и он вернётся к нам.

Хотя война окончилась, но было по-прежнему очень голодно. Мама вместе с другими женщинами работала на колхозных полях, впрягали даже дойных коров. В школе мы разучивали песню о Сталине «На просторах Родины чудесной...», в которой были такие строчки: «Сталинским обильным урожаем ширятся колхозные поля». Мне тогда думалось, что, наверное, есть такие обильные поля, но они находятся где-то очень далеко, потому что маме за работу в колхозе на трудодни выдавали какие-то граммы муки. Весной, когда было особенно голодно, приходилось на еду собирать в поле перезимовавшие картофелины, которые, как мы теперь знаем, содержат яды.

Помню, как летом 1945 г. мы с мамой ходили пешком из Окатова в Новгород, а навстречу гнали стада чёрно-белых коров, которых в качестве контрибуции привезли из Германии.

Летом 1946 г. наша семья переехала в Новгород. Сначала мы поселились в трапезной церкви Собора Богородицы и Михаила Малеева на Молотков-

ской улице, где уже жило несколько семей. Варили на кострах на улице. Молотковская улица была в то время пустынной. Кроме разрушенной церкви Рождества Богородицы, здесь стояло всего несколько новых деревянных домиков. Помню, как в гостях у знакомой девочки в одном из таких домов меня больше всего поразила кровать и подушки в белых наволочках, о чём за годы скитаний нам приходилось только мечтать.

Осенью, когда из-за дождей стала сильно протекать крыша церкви и на полу появились лужи, нам опять пришлось переселяться. Новым жильём стал подвал в двухэтажном полукаменном доме на Ильинской улице (ныне Знаменской улице, № 32), но и тут нам не повезло. В мае подвал стало заливать грунтовыми водами, так что приходилось ходить по доскам. И нас снова переселили, теперь уже на Большую Конюшенную улицу. В то время на Большой, Средней и Малой Конюшенных улицах стояли временные небольшие деревянные домики с тремя крошечными комнатками и кухонькой. Вот в такую кухню и вселили нас к большой «радости» живших в доме трёх семей. В нашем новом шестиметровом

жилище одну треть занимала плита и стояли топчан и столик. Вспоминая тот период, я никак не могу припомнить, как мы помещались ночью, когда на четверых был один топчан. Днём трём ученицам нужно было выполнять уроки.

В соседнем домике с палисадником, где в летнее время всегда было много цветов, жила большая дружная семья Кулепётовых, в которой среди пятерых детей была и девочка Неля — ныне известная в Новгороде архитектор-реставратор Нинель Николаевна Кузьмина, моя подруга и соавтор книг и статей по памятникам архитектуры Великого Новгорода.

Вспоминая трудности военного и послевоенного времени, я хочу сказать, что мы, дети, не воспринимали такую жизнь слишком трагично. Помню, с каким удовольствием мы, плохо одетые, полуголодные, учились в школе № 3 на Московской улице (ныне дом № 30 на Большой Московской улице), где директором был бывший фронтовик Александр Петрович Сергеев (и сейчас живущий в Новгороде), который вёл у нас географию и очень интересно рассказывал о европейских странах, где ему приходилось воевать.

Помню также, как, живя на Молотковской улице, мы любили кататься на лодках по Фёдоровскому ручью, а на Ильинской улице большой компанией играли в лапту возле разрушенной церкви Филиппа Апостола прямо на проезжей части, благо любой транспорт в ту пору был очень большой редкостью.

Особенно запомнился мне счастливый день 1947 г., когда отменили продуктовые карточки и мама устроила нам пир — мы впервые за долгие годы ели досыта хлеб, намазывая его маргарином и посыпая сахарным песком.

А весной 1947 г. в моей жизни вообще случилось чудо — от школы, где я очень старательно училась, мне дали путёвку на два месяца в пионерский лагерь «Артек» в Крыму, где я впервые увидела море, горы, вечнозелёные деревья. А в лагере были просторные светлые спальни, белоснежное постельное бельё, морская форма для пионеров, вдоволь вкуснейшей еды и весёлые праздники с озорными артековскими песнями. Всё это было огромным контрастом по сравнению с нашим суровым бытом тех лет.

*Весёлая цепочка. Фроловская улица, гостиница «Волхов».
Фото Бориса Лосина из альбома «Новгород». Л., 1967*

Ю.А. Симонов

СОРОК ВТОРОЙ

Мой день рождения — это 28 декабря 1931 года. Пока был жив папа, каждый год накануне моего дня рождения ночью в нашей большой комнате таинственным образом появлялась большущая ёлка, которая почти доставала до потолка. Она стояла в деревянной крестовине на полу, в освобождённом от мебели углу комнаты, для чего всегда на время новогодних праздников делали перестановку. Каждое утро, в свой день рождения я нетерпеливо прибегал в большую комнату и проверял, есть ли на этот раз ёлка или нет. А она всегда стояла на месте — большая, красивая, пушистая. Вся комната пахла ёлкой. Взрослые уверяли меня, что ночью ко мне приходил Дед Мороз, принёс ёлку и просил меня, чтобы к Новому году я с папой и мамой украсил бы её игрушками.

Господи! Как давно это было! Мы с мамой клеили цепи из цветной бумаги, делали гирлянды разноцветных флажков. И, конечно, писали записку Деду Морозу, чтобы он узнал моё желание. Когда я уже знал буквы, то написал такую записку цветными карандашами самостоятельно — *«Дедушка Мороз принеси пжалста ёлку и падарык»* (я храню её). Когда наши труды были закончены, папа после работы вечером доставал из чулана плетёную корзину и вынимал из неё интереснейшие ёлочные украшения, среди которых были и хлопушки, и красивая пика на верхушку ёлки, и много разных игрушек из цветной и серебряной бумаги, фигурки из ваты, покрытой блёстками. Нашей гордостью были несколько блестящих шаров и стеклянные бусы. Папа приносил стремянку и вместе с мамой развешивал игрушки наверху, а мне доверяли повесить несколько игрушек снизу, среди которых был и серебряный мальчик. Затем на лапы ёлки крепились свечи в специальных держателях. Мне кажется, что это мы делали 30 декабря. Перед встречей Нового года, ранним вечером, 31 декабря меня укладывали спать, обещая разбудить на праздник. Обещание всегда выполняли. Когда после сна я приходил к ёлке, то видел, что на ней, кроме игрушек, висели конфеты, печенье, мандарины и очень вкусные длинные сосульки из жжёного сахара, которые умел делать папа. Стол всегда был накрыт празднично, на столе, кроме всякой вкуснятины, был, как правило, сделанный мамой «хворост», посыпанный сахарной пудрой.

Ночью обычно у нас гостей не было, они приходили в другие дни. В 12 часов ночи 31 декабря папа зажигал свечи и гасил электрический свет. Комната преображалась. Становилось очень красиво, таинственно и интересно. Незаметно для меня вдруг появлялся Дед Мороз с мешком подарков. Он просил прочитать стихи и меня, и папу, и маму. Затем он уходил, мы садились за праздничный стол,

а потом недолго играли. Например, мне завязывали глаза, давали в руки ножницы и разрешали найти и срезать съедобное украшение, а затем его съесть. Потом это же делали и папа, и мама. Было смешно и весело. Затем мы все вместе рассматривали подарки...

Но вот 16 октября 1938 года папы не стало. Мама старалась сохранить обычай встречи Нового года...

Война, блокада, декабрь 1941 года. Голод в Ленинграде. Морозы, морозы, морозы... Моя школа не работала, мама на работу не ходила, т.к. её бухгалтерия была временно без дел. Мы с мамой очень сильно похудели и ослабли, т.к. запасов еды в доме не было, а продуктов по карточкам выдавали очень мало. С 20 ноября норма хлеба на день по детской и иждивенческой карточкам была всего 125 граммов. В декабре очень много времени пришлось стоять в очередях в ожидании, что вот-вот что-нибудь привезут и будут выдавать. В ту пору моей обязанностью было выкупать продукты по карточкам. Было очень мучительно стоять часами на холоде, ведь морозы были сильные. Всех продуктов, вместе с хлебом, получалось: маме на день 191,4, а мне — 234, 8 г.

Мы уже съели студии из старинного плиточного столярного клея, выменяли на хлеб и продукты много вещей, которые смогли донести до рынка.

Свет от коптилки, вода из Невы, тепло от печки-буржуйки. Но сила духа была крепка, мы боролись, как умели, верили, что блокада вот-вот будет прорвана. С 20 декабря увеличили хлебный паёк: и по иждивенческой, и по детской карточкам стали давать 200 г. А вот по продуктовым карточкам прибавки не было. Держались мы благодаря тому, что не лежали, а двигались, пусть медленно, но двигались, не поддаваясь соблазну лежать. Строго выполняли свой режим дня. Вместо мытья, экономя воду, делали обтирание лица, шеи, коленей мокрой мохнатой рукавичкой. Свои маленькие порции хлеба делили на пять частей, круто посыпали их со-

лью. Мы заставляли себя хлеб съедать не разом, а за пять раз в течение дня, запивая хлеб горячим посоленным отваром порошков петрушки и сельдерея или, изредка, подслащённым кипятком.

Но вот подошло время встречать Новый год, 28 декабря 1941 года, в мой день рождения, мы с мамой задумались, как нам организовать ёлку, чтобы не нарушать обычай. В замёрзшем городе достать живую ёлку было нереально. Поэтому мама решила нарисовать ёлку на картоне, приделать к ней крючки от одежды, а на них повесить игрушки. Картон мы взяли от большой старинной папки с бумагами, цветные карандаши и акварельные краски у нас были, рисовать мы любили, так что ёлка получилась на славу. Созданием ёлки мы были так увлечены, что даже забыли на время о голоде. Затем мама пришила к картону крючки от одежды. Подошла очередь заниматься украшением ёлки. Мама вспомнила, что в начале блокады мы все свои вещи из кладовки перенесли в большую, теперь нежилую комнату. Там сейчас стоял сильный холод. Мама одела меня, как на Северный полюс, и отправила «в экспедицию» за корзиной с игрушками в эту комнату. Я задание выполнил, корзинку с трудом перетащил в нашу маленькую жилую комнату.

Рисунок А.Ф. Пашова
из книги «900 дней». Л., 1957.

Настал торжественный момент разборки ёлочных игрушек. Мы долго не могли придумать, какие игрушки годятся на такую ёлку. Потом решили повесить самые любимые и укутать их стеклянными бусами и серебряной гирляндой. Так как мы очень ослабели, процесс украшения ёлки растянулся во времени. Когда доставали игрушки из корзины, то многое роняли. В очередной раз у меня упал мой любимый серебряный мальчик и... раскололся на несколько частей, порвалась серебряная фольга. И мы с мамой застыли... Ёлочная игрушка оказалась... шоколадной!!! Съедобной!!!

Мы очень жалели игрушку, но плакали слезами счастья, что у нас есть настоящий шоколад. Успокоившись, мы решили, что, наверное, и в других игрушках есть что-то съедобное. Сняли серебряную обёртку с трёх плоских ракушек. Они также оказались съедобными, сделанными из зефира, покрытого шоколадом. Проверив все крупные игрушки, мы взялись за хлопушки... Они оказались очень прочными для нас, мы их сильно терзали, насколько у нас хватало сил, ломали и резали, но труды наши были не напрасны: в них оказались леденцовые конфеты, конфетти и серпантин. Словом, мы с мамой были на какое-то время обеспечены сладостями. Нашу радость от находок передать невозможно. Мы благодарили Бога, молились, верили в чудо.

Успокоившись, мы деловито стали украшать ёлку. Минут за двадцать до наступления Нового года наша ёлка была украшена, горячая вода на буржуйке стояла в кружках. Зажгли огарочки — остаточки ёлочных новогодних свечек. Наша мрачная прокопчённая комната вдруг стала дружелюбной, уютной и светлой. Мы нетерпеливо ждали начала радиотрансляции, в которой должно было прозвучать Новогоднее обращение Сталина. Пробыли двенадцать раз кремлёвские куранты, и потом по радио прозвучало поздравление страны с Новым годом с завершающими словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит, Победа будет за нами!». Этих слов мы с мамой очень-очень ждали. Эти слова были нам очень нужны, они вселяли надежду, что нам надо просто потерпеть, что смерть и разрушения уйдут из нашей жизни, что впереди будет всё хорошо, что блокада Ленинграда скоро кончится, что тревоги из-за бомбёжек и обстрелов прекратятся. В мыслях мы были уже в мирном времени.

Наконец, мы сели за стол, напились сладкого «чаю», позволили себе съесть по маленькому кусочку шоколада и по одной шоколадной ракушке. Много говорили о папе, о моих родных, находящихся далеко от Ленинграда, о жизни... Счастливые и благодарные судьбе, мы легли спать.

Начался январь 1942 года. До прорыва и снятия блокады, до Победы ещё было далеко. А пока в заснеженном стылом осаждённом городе, не теряя человеческого достоинства, жили и боролись с голодом мальчик десяти лет и его мама.

СПАСИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ

День за днём продолжалась блокада... Да, мы худели, теряли свои силы, но надеялись на хорошее, свято верили, что блокада будет прорвана, что все ужасы блокады уйдут в небытие.

Тяжело для нас шла зима. Морозы стояли очень крепкие. В аптеках появились в продаже химические грелки. В клеёчатый пакет с химическим составом для получения тепла нужно было налить стакан воды, после чего пакет довольно сильно разогревался. Тепло грелка выделяла несколько часов. Обычно горячий пакет-грелку убирали за пазуху или держали для согревания рук — в муфте. Я очень много и часто пользовался такой грелкой, она меня очень выручала, особенно при стоянии в очередях.

Многие одёжки, надетые на похудевшее тело, только создавали иллюзию защиты от холода, особенно на ветру. Холод пробирался внутрь постепенно, во время стояния в очереди за хлебом или продуктами, охватывал тебя целиком, ты начинал цепенеть. В этой ситуации уже не могли помочь даже химические грелки. Бороться с этим состоянием было возможно только одним способом — уйти на некоторое время из очереди домой попить горячей воды и погреться немножко у буржуйки. Будьте благословенны справедливые очереди того времени! Никто не ворчал, не доказывал, что тебя здесь не было, все молча и сочувственно смотрели на того, кто не выдерживал и уходил домой погреться. Очередью часто начинался и заканчивался день.

В феврале был увеличен хлебный паёк. Во всю работала Дорога жизни! Для детей и иждивенцев норма была увеличена до 300 граммов в сутки, но на нас наступала дистрофия. Организм эту прибавку практически не заметил: и я, и мама продолжали худеть. В минуты слабости мама очень переживала, что кожа на лицах у нас стала серой. Слабость не уходила, хотя мы стали есть больше. Двигаться было очень трудно.

В начале марта наступил момент, когда в квартире уже никого из соседей не осталось: одни эвакуировались через Ладожское озеро, другие умерли от голода. У нас с мамой практически больше не было предметов для обмена на продукты на Овсянниковском рынке. Голод почти побеждал нас. Мы перестали реагировать на сигналы тревог, только тоскливо вслушивались в звуки метронома, теснее прижимались друг к другу, ожидая отбоя тревоги. Жили надеждой, что беда обойдёт нас стороной, а если и погибнем — так вместе. Бесконечно благодарю маму за терпение и выносливость в борьбе с голодом, за уникальную самодисциплину, за борьбу за нашу жизнь. Она считала, что раз мы не можем воевать на фронте или работать на фронт, то мы своим духом, своей дисциплиной должны фашистам доказать, что ленинградцев голодом не сломить.

Восхищаюсь мамой, которая даже при невыносимом голоде, чтобы не потерять человеческий облик, продолжала требовать соблюдения распорядка дня. Несмотря на физическую слабость, после сна мы, как и раньше, обязательно меняли ночную одежду на дневную (я до сих пор помню холод, который при этой процедуре забирался под одежду). Затапливали буржуйку, в комнате быстро становилось тепло. На буржуйке в жестяных кружках по-прежнему готовили отвар из сухого порошка смеси петрушки и сельдерея. Пока кипятки закипал, мама организовывала утренний туалет — с помощью мокрой рукавицы из мохнатого полотенца мы оба протирали колени, локти, шею, грудь и лицо. Стелили постель, затем съедали кусочек солёного хлеба (пятую часть дневной нормы), запивая его отваром трав. Изредка это мог быть сладкий чай или чай с «таким». Кто забыл — напоминаю, что чай с «таким», это когда пьют горячий чай, а вместо кусочка сахара с каждым глотком чая приговаривают «так». Затем мы отправлялись по делам. Мама шла за водой на Неву, так как к этому времени (к первым числам марта) тонюсенькая струйка воды из крана на кухне иссякла. Решала санитарные вопросы. Я шёл в булочную или в продуктовый магазин стоять в очереди за хлебом и другими продуктами. Выполнив свои дела, вернувшись, дома мы опять пили отвар трав с кусочком хлеба. Затем ежедневно мама давала мне задание на чтение вслух. Книг в доме было много, поэтому всё время я читал разные книги. Но читать мне их было болезненно-тяжело, потому что во всех книгах, походя, писалось об изобилии вкусной еды, которой в нашем доме давно

не было. В мирное время всё это проходило незамеченным, но в блокаду, в голод, книги Чехова, Гоголя читать вслух было просто невыносимо. Я обнаружил слова о еде даже в романе «Война и мир» Льва Толстого.

В комнате к вечеру темнело быстро. У нас кончились запасы керосина и свечей, осталась одна коптилка. Поэтому мы рано ложились в постели, экономили свои силы и только слушали репродуктор в ожидании новостей с фронта.

В очередное утро в марте 1942 года я пошёл за хлебом почему-то не в магазин в нашем доме, а в булочную на Калашниковской набережной в доме 26. В очереди за хлебом я услышал разговор взрослых о том, что по блату можно устроиться на работу на хлебозавод № 6 им. Бадаева. Этот хлебозавод находился недалеко от нашего дома. Говорили о том, что все, кто там работает, живы и сыты. Мне пришла в голову мысль (это в десять-то лет) попробовать устроить маму на работу на хлебозавод. Не помню уже, под каким предлогом, но мне удалось встретиться с женщиной, которая была директором булочной, и попросить о помощи в устройстве мамы на хлебозавод в обмен на шёлковый японский халат, украшенный цветами и настолько тонкий, что он свободно проходил через обручальное кольцо. Дело в том, что на этот момент в доме оставалось только несколько вещей, подаренных маме перед войной. Но это были вещи, которые, по нашему мнению, были настолько красивы и дороги и как предметы, и как память о счастливом времени до войны, что выносить их на рынок для обмена было обидно. Мы очень не хотели, чтобы эти вещи оказались в руках маклаков или спекулянтов.

Не знаю, в чём дело, был ли у меня очень убедительный голос, или директор просто пожалела меня и маму, но она меня выслушала. «Деловой разговор» с ней для меня окончился тем, что она сказала, чтобы я пригласил маму для беседы. Мама в этот же день сходила к ней, и директор булочной приняла участие в наших бедах. Она объяснила маме, что устроить на работу на хлебозавод не в силах, а вот провести маму через проходную на хлебозавод — постарается. И вот на следующий день, очень рано (около 4 часов утра), мама подошла к булочной и вместе с женщиной-экспедитором повезла двухколёсную тележку для хлеба на Херсонскую улицу к проходной хлебозавода. Тогда было много истощённых женщин, поэтому охрана хлебозавода даже внимания не обратила, что за перекладину у тележки держатся не одна женщина, а две. Так моя мама оказалась на территории хлебозавода. Экспедитор ушла в контору оформлять документы на получение хлеба для булочной и на вывоз его с территории хлебозавода, перед этим сказав маме, что больше она для неё сделать ничего не может. На прощание сказала маме: «Павловна, иди в отдел кадров, и да пусть будет с тобой удача». И ушла...

Мама в растерянности некоторое время ходила по хлебозаводу, шалая от плывущего запаха горячего хлеба. Каков бы ни был состав блокадного хлеба в марте 1942 года, но запах горячего хлеба был неотразим, очарователен! Уходя из дома в этот день, уверенная, что на хлебозаводе сможет поесть хлеба вдоволь, мама разрешила мне съесть её порцию хлеба (чего я, к счастью, не сделал). Я ждал маму всё утро, ждал целый день. Она пришла домой (точнее — её привели женщины) только на следующее утро...

История, которая произошла с ней, изменила всю нашу жизнь. На территории хлебозавода она нашла здание заводоуправления, но оказалось, что в условиях военного времени обычным порядком через отдел кадров на работу устроиться нельзя, т.к. хлебозавод — это военный объект, а те, кто работает на хлебозаводе во время блокады, находятся

на казарменном положении. Поговорила мама об устройстве на работу и в бухгалтерии, и в отделе кадров, но получила только совет «попасть на приём к самому коммерческому директору Подвальному Ионе Юльевичу», т.к. решить её вопрос может только он. Мама нашла кабинет коммерческого директора, но в нём никого не было. В коридоре, рядом с кабинетом, стояла скамейка, на которую мама и села. Ситуация — отчаянная, т.к. маме и не выйти без пропуска, и мала вероятность, что ей ещё раз удастся попасть на территорию хлебозавода. Время — 6 часов утра.

От запаха горячего хлеба, от голода, от свалившихся переживаний мама уснула... Коммерческий директор, после какого-то совещания у начальства, пришёл в свой кабинет только в 10 часов вечера. Мама была в полуобморочном состоянии. Поняв, что она пришла и ждёт именно его с раннего утра, поняв, что мама целый день ничего не ела, он до разговоров о работе достал из письменного стола кусочек бракованного хлеба, дал его маме, а сам вышел на несколько минут из кабинета за кипятком. Вернувшись через минуту в кабинет, он увидел, что мама от голода уже съела (проглотила) весь кусок хлеба. Зная, что происходит с оголодавшими людьми, особенно в стадии дистрофии, он вызвал врача, маму отвели в медпункт, где ей сделали промывание желудка. Несмотря на полное отчаяние моей мамы, врач убедил её, что без этой процедуры она бы погибла, а я, её сын, остался бы сиротой. На наше с мамой счастье, уровень дистрофии у мамы был таков, что точка необратимости у неё не наступила. В медпункте маме после процедуры и отдыха дали кружку кипятка с глюкозой, маленький кусочек хлеба. После чего её привели в кабинет коммерческого директора, где уже и произошёл разговор о приёме на работу.

Оказалось, что мамин диплом бухгалтера, выданный Центральным Статуправлением, и опыт практической работы старшим бухгалтером имеют огромное значение, что её возьмут на работу, но ей надо будет перейти на казарменное положение. Кроме того, оказалось необходимым заполнить анкету — мама вынуждена была показать свой паспорт, объяснить, что она жена врага народа (ст. 58б).

Прошло с той поры очень много времени, мы теперь очень многое знаем о судьбах жён репрессированных. Я бесконечно благодарен Ионе Юльевичу за то, что он решил взять маму на работу. Меня до сих пор потрясает гражданское мужество, которое он проявил в далёком марте 1942 года, не побоявшись оформить мою маму через отдел кадров на работу на должность учётчицы, поручившись за неё...

И вот настало утро. Маме, ослабшей, но счастливой, люди помогли добраться домой.

Воодушевлённая надеждой устроиться на новую работу, на право получать карточку служащего (а это прибавка и хлеба, и продуктов), на то, что мы сможем просто выжить этой весной, мама неожиданно стала энергичной...

Мы вместе на следующий день очень рано утром отправились на мамину бывшую работу — в организацию ГЛАВЛЕНХЛОПРОМ для оформления документов об увольнении. Эта организация в условиях блокады практически не работала. Многие прядильно-ниточные и ткацкие заводы, которыми они управляли, пострадали от бомбёжек и пожаров, во-вторых, не было электричества, поэтому станки простаивали. Это привело к тому, что сотрудники стали получать продовольственные карточки иждивенцев, а не служащих.

Наша дорога была очень трудна. Нужно было пешком пройти всю улицу Бакунина, затем по всему Невскому проспекту дойти до дома 12, подняться на 4 этаж, оформить все документы, а затем вернуться тем же путём домой. Часть пути мама везла меня на санках (!), а часть пути я

медленно шёл рядом с ней. Это сейчас, просто гуляя, люди, шутя, не замечая расстояния, проходят этот путь. В заснеженном Ленинграде в марте 1942 года для ослабленных голодом людей это была очень трудная дорога.

Сотрудники отдела кадров были на месте, т.к. они находились на казарменном положении. Документы оформили сравнительно быстро, и 17 марта маму уволили по собственному желанию. Меня и маму напоили горячим кипятком, а дольки хлеба у нас были с собой. Ещё засветло мы отправились домой. То, что я видел на улицах города в этот поход, я буду помнить всегда, но описывать это не хочу, это другая история. В этот памятный день мы медленно, но не сдаваясь, совершили такой далёкий поход.

У мамы на руках оказался необходимый комплект документов. Утром следующего дня она пошла устраиваться на работу на хлебозавод. На проходной хлебозавода для мамы был оставлен пропуск. Она прошла в отдел кадров и сдала на оформление трудовую книжку. С 19 марта 1942 года мама приступила к работе учётчицей в столе заказов хлебозавода и перешла на казарменное положение. С этого дня маме разрешали приходить домой только на один час в день. Я стал жить самостоятельно, старался выполнять всё, что мы делали с мамой, но одиночество...

В первых числах апреля мне мама сказала, что я очень повзрослел.

БЛОКАДНАЯ ВЕСНА

Вот и пришла весна. Блокадная весна 1942 года. Я остался один в семикомнатной квартире. Да, до войны в нашей коммунальной квартире было много народа. Звучали голоса на кухне, в коридоре. Лаяла изредка собака. Из комнат доносился смех. По широкому и большому коридору я и несколько ребятишек разного возраста разъезжали на трёхколёсном велосипеде, который подарили мальчишке Осе... Мы все были разного возраста, но общей искренней радости и визга было!

Война, блокада. Всех жильцов квартиры жизнь разматала... Кто-то ушёл на фронт, кто-то эвакуировался, кто-то ушёл в мир иной... Вижу маму не больше одного часа в день. Мне стало страшно ходить по квартире. Холодные коридор, кухня, промёрзшие стены. Я убеждал себя, что никого кругом нет, но какие-то звуки, ощущение, что кто-то стоит за спиной, чёрная пустота коридора пугали меня. Стал включать радио на самую большую громкость. При ходьбе по кухне, коридору стал очень громко разговаривать сам с собою, иногда пел, но... я стал бояться своего дома. Входную квартирную дверь стал закрывать на крюк, комнату — на ключ. При топке буржуйки, при варке пищи обязательно или пел, или говорил. Теперь стояние в очереди, среди людей, стало приятным и необходимым, тем более что воздух в городе стал теплеть — зима, морозы отступали...

Стало проглядывать и пригревать солнышко. Бесконечные сугробы вдоль городских дорог стали ноздреватыми и не такими угрюмыми. Воздух из морозного и сухого стал превращаться в остренький, весенний, с очень вкусным запахом... Блокадная немая тишина стала уходить в прошлое. На улице стали слышны разные звуки, город стал оживать! Из промёрзших, заваленных снегом мрачных дворов, на солнечную сторону улицы стали выходить люди, выжившие в блокадном городе. Они садились на каменные или чугунные тумбы, стоящие перед подворотнями домов, и грелись на весеннем солнце (в те годы по всему городу подворотни домов и ворота для въезда во двор защищались от повреждения транспортом тумбами, сделанными из гранита или чугуна).

Наш дом имел три небольших двора, на последнем дворе в мирное время была помойка, которую закрывала массивная железная крышка с противовесом, конный двор и над конюшней прачечная, в которой все жильцы дома вели стирку белья строго по очереди. За блокадную зиму этот хозяйственный двор был завален снегом, трупами жильцов, фекалиями, каким-то бытовым хламом. Вид у этой части двора был жутковатый. Остальные дворы хоть и были завалены снегом, но имели жилой вид, к входным дверям подъездов были протоптаны тропинки.

Руководство города, и партийное, и военное, и хозяйственное, организовало всё трудоспособное население для очистки города от снега. Специальные команды вывезли все трупы умерших от голода жильцов, прошлись напоследок по всем квартирам дома и сдали дворы управхозам. Буквально дней за десять город преобразился, улицы стали узнаваемыми. Эту работу сделали сами жители города, истощённые блокадой, слабые, но психологически не сломленные. Мамина сестра тётя Люся была на казарменном положении в больнице завода № 7, но и её мобилизовали на уборку снега и льда по месту прописки. У меня сохранился мобилизационный листок, выданный ей военным комиссариатом, с отметками о выполненной работе. Это были десять трудовых дней, когда она участвовала в очистке Загородного проспекта. Для нас, живущих в мирное время, трудно представить, как, находясь на казарменном положении в больнице завода № 7, что на Успенской ул. 4а, в Выборгском районе (это было недалеко от ж/д станции «Бабурин пост»), тётя Люся выполняла свои обязанности уборщика снега на Загородном проспекте, добираясь туда и обратно пешком. Зато был итогом звенящий результат — начал курсировать трамвай, символ нашей мирной жизни. Люди, поверьте, это была неопишуемая радость! Все встречали звон трамвая на улицах города, как праздник, многие плакали, не веря тому, что кошмарная зима ушла. Город стал оживать. Знакомые и друзья, не уехавшие в эвакуацию, стали ходить друг к другу в гости, правда, на застолье того времени хозяин или хозяйка могли гостям предложить только кипяток. А к кипятку каждый гость приносил своё угощение. Но, ей-ей, это общению не препятствовало. Тогда ходила шутка: «Был в гостях, довольный наполнил чаю с таким». Словом, порядок на улицах города вернул всех к нормальной (пусть и впроголодь) жизни.

Но были и беды. У очень многих вдруг неожиданно обострились разные болячки. Я не медик, я не знаю, какие органы бунтовали у мамы, но она неожиданно опухла. Было некоторое подобие водянки. Ноги (увы, и не только они) стали такой толщины, что она не могла подобрать обувь (одежду), а на работе могла сидеть, только положив ноги на другой стул. К большому сожалению, пока эта беда не охватила большинство горожан, можно было услышать слова, брошенные в спину, — «ишь, блокада, а она морду разбела». Так как болеть и опухать стали многие, а время было военное, то больничный лист по этому состоянию не оформляли. Лечение в тот год было простым: прописывали только хлористый кальций, хвойный настой, какие-то отвары трав, изредка — стрептоцид (красный или белый), уротропин. Но, да будет благословенно имя нашего участкового доктора Голобородько из 9-й поликлиники Смольнинского района, ей удалось мою маму поставить на ноги. А это оказалось очень ко времени...

Руководство города, для улучшения питания жителей города, приняло решение организовать в городе огороды! Это для города был потрясающий шаг... Было разрешено вскапывать землю под грядки во всех районах города (даже на Исаакиевской площади!), но для обеспечения проезда

транспорта процесс выделения земли под огороды был не хаотичным, а регулируемым. Мы с мамой на двоих в начале мая получили участок земли на Херсонском проезде (он проходил вдоль забора хлебозавода № 6 от дома 22 по Калашниковской набережной до Херсонской улицы). Это было совсем близко к маминной работе. Размер участка не помню. Может быть, и преждевременно, но мы очень надеялись на будущий урожай. И начались будни...

Оказалось, что нам дали участок в том месте, где раньше, до революции, находились конюшни богатых людей Полежаевых. Они, как рачительные хозяева, замостили двор конюшни булыжником. И вот теперь мы вдвоём, оба ослабленные голодом люди, старались добраться до земли. Нашли какой-то стержень из железа, стали им выковыривать булыжники. Долго ли, коротко ли, но с этой задачей мы справились. Получился неплохой кусок плодородной земли, пригодной и для овощей, и для картошки. Было сделано сколько-то высоких грядок. Вокруг участка получилась и у нас, и у соседей имитация ограды — валы из булыжника. Как я, дистрофик, да и мама была ненамного лучше, хотя она и работала на хлебозаводе, смогли выворачивать из земли и перетаскивать тяжёлые камни на границу участка, этого я не могу понять до сих пор. Наверное, это была неуёмная жажда жизни.

У себя на работе мама доложила о готовности нашего участка к посадке. И вот на заседании месткома нам выдали глазки картошки, семена разных овощей. Не продали, а именно выдали семена по числу людей в семье. Мама на подоконнике в диспетчерской (на работе) вырастила рассаду разных овощей, капусты, затем всю рассаду высадила на огороде, а мне было поручено поливать огород. Как все мальчишки, я был почти разведчиком, и скоро нашёл у забора хлебозавода вывод водопроводной трубы с краном, из которого до войны поливали улицу. Оказалось, что из трубы идёт чистая вода, пригодная для поливки огорода. Радости было! Меня благодарили все огородники — наши соседи. Кто-то из взрослых нашёл шланг, и с этого момента проблемы поливки не существовало.

Неожиданно на какое-то время забота об огороде легла на плечи мамы. Дело в том, что город возвращался к нормальной жизни основательно. Где-то в конце апреля, или в первых числах мая, домой ко мне прибежала Маша Киселёва, девочка из соседнего 3-го класса нашей школы, с простым и неожиданным вопросом: «Симонов! Ты будешь ходить в школу?».

Моя школа перестала работать в середине сентября 1941 года. Тогда нас распустили по домам, дали задание для самоподготовки. Всю зиму, несмотря на голод, воздушные тревоги и прочие неприятности, я под руководством мамы учился (много читал вслух, писал прописи). За зиму прочитал многие рассказы Чехова, Гоголя, Толстого, Тургенева, читал популярные книжки Перельмана по физике, астрономии, другим наукам и, честно сказать, успел забыть о школе. Очень любил Тургеневские «Записки охотника». Они напоминали мне моё беззаботное дачное детство в деревне... Но неожиданный вопрос всколыхнул забытое, и я закричал: «Да!».

Скоро нас собрали в 160-й школе, мы разошлись по своим старым классам и увидели, как же нас осталось мало. Из класса примерно в 25—30 человек на первую встречу в школе пришло всего 10—12 человек. В других классах была похожая картина.

Но после звонка колокольчика нянечки Феликсы (она и до войны опекала младшие классы) вместо учителей в класс

вошли доктора. Начали медосмотр. Нехороших насекомых не нашли ни у кого, но при осмотре многих ребят врачи только качали головой, не говоря ни слова. Результат — многим из нас, в том числе и мне, были выданы направления в пункт УДП (усиленного детского питания), который в то время размещался в левом крыле здания 177 школы, что была на Исполкомовской улице. С собой, в первый приход, надо было иметь метрику, направление из школы и продуктовые карточки. Я благодарен судьбе, что попал туда. Первые дни мы очень быстро выдыхались, часто ложились спать вне всякого расписания. Кормили нас, мне помнится, четыре раза в день, т.е. это был завтрак, обед, полдник и ужин. Чем кормили — не помню, но это было сытнее, чем удавалось приготовить дома. А вот ночевать мы уходили домой. Первую неделю мы были очень вялыми (а я к тому же выдохся от выковыривания из земли камней на будущем огороде), много спали, опьянев от еды, или что-то рассказывали друг другу. Но к концу первой недели все стали оживать, меньше спать, пытались во что-то играть. Но это всё были малоподвижные игры.

От этого времени в памяти сохранилось странное слово: «целлюлоза» или «глюкоза», которое было связано с нашим лечением. Это слово было связано с желтоватым шариком, диаметром примерно 3—4 см, сладковатым на вкус, проглотить который было невозможно, надо было довольно долго сосать. Шарик этот каждый день после завтрака нам выдавала медсестра и строго следила, чтобы мы его сосали, пока он не растает во рту. Помогал ли этот шарик или режим и само усиленное питание, но мы стали крепнуть и становиться жизнерадостными шкодами. Это был тот редкий случай, когда женщины не ругали нас, а плакали, глядя на наши шалости. И первым развлечением стали игры с «прожигательным» стеклом. Такие стёкла (увеличительные линзы) нашлись дома практически у всех ребят! Выжигали, прожигали, поджигали всё, что попадалось под руку. Когда от деревяшки или от бумажки начинал идти дымок, было ощущение, что мы делаем что-то нужное, серьёзное. Затем все, как по команде, стали строгать из найденных дощечек подобие лодочек, мастерить парусные кораблики, чтобы пускать их в лужах или на пруду, который мы нашли во дворе заброшенного детского сада напротив школы. Увидев, что мы немного окрепли, врачи распустили нашу группу по домам и набрали новую группу ослабевших в блокаду ребят.

С удовольствием вернулся домой, стал помогать маме на огороде в прополке, а поливку грядок взял целиком на себя. Интерес к этой работе возрос после просмотра довоенной нашей немой кинокомедии «Старый двор», в которой основные события связаны с поливкой улицы из шланга чудаком-дворником и озорными мальчишками. Потом возня на огороде немного надоела, но энтузиазм резко возрос, когда стали собирать с грядок редиску и есть её (сначала — тёртую, зубы шатались, кусать было больно), салат и невероятные супы из молодой зелени. Пока наша картошечка росла — заменой ей в этих супах была сушёная картошка, которую выдавали по одному из номерных талонов на продуктовой карточке. Я стал уверенно ходить, но бегать пока ещё не мог, эту радость я получил уже осенью, перед школой. Несмотря на то, что шла война, что по-прежнему были и артобстрелы, и бомбёжки, я сейчас не помню страхов, связанных с ними. Наверно, это была защитная реакция организма.

Начиналось жаркое лето 1942 года...

СТАНЦИЯ БАТЕЦКАЯ

Исторический очерк

*«Достопримечательностей
посёлок Батецкий лишен полностью».*

Сергей Верещагин, 2005 г.¹

*Современное здание вокзала ст. Батецкая,
сооружённое в начале 60-х гг. XX века*

Два часа пути от Санкт-Петербурга в сторону Витебска, и вот первая остановка. Если бы высокие туи не заслоняли здание вокзала, то на его фасаде любознательный пассажир мог бы прочитать название станции — Батецкая. Но поскольку такой возможности у него не было, он взглянул на пустынный перрон, на двух женщин, только что сошедших с поезда, и почему-то пожалел их. А поезд уже тронулся, и мимо проплыла привокзальная площадь с невзрачной автобусной станцией, стройная водонапорная башня и рядом с ней — побеленное кирпичное сооружение.

«Ничего интересного», — подумал пассажир и отвернулся от окна. Подумал и ошибся. Интересное есть везде, а на станции Батецкая его предостаточно.

Взять хотя бы её название. Оно происходит от деревни Батецко, расположенной в пяти километрах от станции. Но зачем называть по имени деревни, находящейся так далеко, когда в одном километре от неё есть деревня Дубцы и старинная помещичья усадьба того же названия? Первоначально, по проекту, линия Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги должна была проходить вблизи деревни Батецко, и будущей станции уже было присвоено название, но жители деревни не желали, чтобы дорога шла по их земле: «...к властям обращались, дань собирали», — железные рельсы обогнули деревню, и появилась станция Батецкая в пяти километрах от деревни Батецко. Эта версия приведена в газете «Новгородские ведомости» от 18 октября 2003 года в статье «Батина земля».

По другой версии, которую передавали из поколения в поколение жители деревни Дубцы, помещик Н.В. Сазиков, купивший в 1890 году Дубецкую усадьбу с 750 десятинами земли, высоко оценивал экономические выгоды от железной дороги и станции на его земле. Он употребил свои столичные связи, а возможно, и средства для переноса станции на её сегодняшнее место. Однако документальных подтверждений ни одной из этих версий нет. А если

посмотреть на крупномасштабную карту, то видно, что железная дорога от Дно до Оредежа представляет собой прямую линию, нигде ничего «не огибая». Так что либо проект был изменён на более раннем этапе, либо причина несоответствия местоположения и названия станции кроется в чём-то другом, нам неизвестно.

Ещё одна странность — почему дорога, идущая из Петербурга в направлении Витебска, называлась Московско-Виндаво-Рыбинской?

На рубеже XIX—XX столетий происходил бурный рост железнодорожной сети России. Возникло несколько десятков акционерных железнодорожных обществ. Одним из немногих успешных было Московско-Рыбинское, построившее в 1870 году дорогу, которая соединила Рыбинский речной порт со станцией Бологое на Николаевской железной дороге и далее с Петербургским портом. В 1897 году это общество начало строительство дороги от Москвы до Виндавы (Вентспилса) через Великие Луки, а в 1899 году «высочайше утверждённым дополнением к уставу» на него была возложена задача соединить Петербург с Витебском и снабдить подвижным составом и всеми принадлежностями эксплуатации. С этого времени общество и все дороги, им построенные, стали называться Московско-Виндаво-Рыбинские.

Работы велись поэтапно с 1899-го до 1904 г.: сначала Великие Луки—Новосокольники (с созданием нового посёлка), в 1901 г. Новосокольники—Дно, в 1901—1904 гг. Новосокольники—Витебск и Дно—Царское Село. При этом произведена нормализация колеи от Царского Села до Петербурга, то есть перевод колеи с 1829 мм до 1524 мм, принятой с тех пор и существующей по настоящее время по всей России.

1 августа 1904 года было открыто движение по линии Петербург—Витебск и начали функционировать все станции на этой дороге, в том числе и станция Батецкая.

Итак, день рождения станции Батецкая — 1 августа 1904 года.

Все станции новой дороги были построены по типовым проектам, включающим не только пассажирские

¹ www.free-travels.ru/articles/item.php?country=rus53.

здания, но и дома «для начальника участка связи, для местных старших агентов связи, для младших служащих, для приёмного покоя, аптеки и фельдшера, для отдыха паровозных и кондукторских бригад». При всех домах имелись службы: сараи, ледники, выгребные ямы и бани.

Батецкая была станцией 4 класса. Деревянная, на каменном цоколе постройка состояла из трёх частей. В средней размещались служебные помещения, на концах, чтобы при необходимости их можно было расширить, пассажирские залы, с одной стороны — 1—2 класса, с другой — 3 класса. Со стороны фасада каждая часть была акцентирована декоративными фронтонами.

Рядом с домами обслуживающего персонала была поставлена баня — белое кирпичное приземистое здание, единственное сохранившееся до сегодняшних дней из первоначальных сооружений, а поблизости от неё возвели водоёмную башню. Вода в неё поступала по пятикилометровому трубопроводу из реки Удрайки у деревни Мроткино. Траншейю такой протяжённости, наверное, копали очень долго. За это время жители деревень Мроткино

и на плане 1912 года в некотором отдалении от станции изображены только четыре небольшие постройки.

Николай Валентинович Сазиков принадлежал к семье всемирно известных ювелиров-серебряников, четыре поколения которых в течение всего XIX столетия занимали ведущие позиции в ювелирном деле России. Они были потомственными почётными гражданами, купцами первой гильдии, поставщиками Императорского Двора, получали золотые медали на международных выставках. Сегодня их изделия хранятся в Эрмитаже и в музеях Лондона, Парижа, Нью-Йорка. Сам Николай Валентинович к ювелирному делу не был приобщён, так как в момент смерти отца был ещё подростком. В 1890 году он купил у Александра Степановича Оболянинова усадьбу Дубцы и с интересом стал заниматься земскими делами. Он был членом экономической и землеустроительной комиссии Лужского уездного земства. Будучи сторонником реформ Столыпина, он поддерживал идею хуторского расселения. Кроме удобства и целесообразности ведения хуторского хозяйства, он отмечал, что это «*единственная мера*

против опустошительных пожаров. При хуторском расселении не будут сгорать целые деревни, и пожар ограничится одним хутором». Жизнь вскоре подтвердила справедливость этих соображений. Пожар полностью уничтожил деревню Дубцы, крытые соломой дома которой были к тому же очень близко расположены друг к другу. Сазиков помог восстановить деревню, а желающим построить на новом месте дал безвозмездно наделы из своей земли.

В 1913 году Россия готовилась отмечать 300-летие Дома Романовых. Н.В. Сазиков со своей матерью Евдокией Павловной Масловой (по второму браку) приступили к строительству церкви при станции Батецкая в память этого события. Церковь во имя Святого Духа по проекту епархиального архитектора А. Аплаксина была сооружена в стиле новгородских храмов упрощённого типа — одноглавая, с одной апсидой. Она была поставлена на земле Сазикова и на собственные его и его матери деньги. Строительство продолжалось два года, и 1 июля 1913 г. церковь была освящена Анатолием Остроумовым, протоиереем Екатеринбургского собора города Луги.

События октября 1917 года изменили ход жизни. Вскоре Сазиков уехал в Прибалтику, а мать его — в Америку, и больше они в усадьбу Дубцы не возвращались. Собственно, и усадьба, как таковая, с этого времени перестала существовать.

Трагичная история церкви при станции Батецкая только начиналась...

До Великой Отечественной войны церковь оставалась действующей. Известно даже имя одного священника, служившего в ней и репрессированного в 1934 году, — отец Константин (Григорьев). Вскоре после окончания войны церковь была переоборудована в электростанцию, а через несколько лет, когда за железной дорогой построили другую, более мощную электростанцию, её разрушили. Церковь была очень прочна и пришлось приложить много усилий, чтобы её разрушить. И всё-таки сохранились цоколь и часть стен, включённые потом в новую постройку, в которой разместили типографию. О церкви забыли, как будто её никогда и не было.

Белое здание — единственное, сохранившееся с 1904 г., — баня. Водонапорная башня сооружена после войны, вместо первоначальной, разрушенной при бомбёжках

и Дубцы так привыкли к ней, что когда уложили трубы и закопали их, образовав высокую насыпь, то насыпь эту продолжали называть «траншей» и называют так уже более 100 лет. И всё это время она служила пешеходной дорогой от станции Батецкая до деревни Мроткино. В той части, которая впоследствии оказалась на территории посёлка, превратилась в Траншейную улицу. Это первая улица посёлка Батецкий, возникшая задолго до него самого, и хотя сегодняшнее её имя — Первомайская, но время от времени ещё можно услышать от коренных жителей первоначальное название.

В последующие три десятилетия станция успешно развивалась. В 1917 году через неё прошла вновь проложенная ветка, соединившая Батецкую с Новгородом. (До Луги железнодорожная линия была продлена только в 1927 году). Увеличивалось количество пассажирских поездов и городов, в которые они направлялись, с каждым годом возрастал и грузооборот. А посёлка всё не было. И это вполне объяснимо, так как до революции вся земля, прилегающая к станции и железной дороге, площадью в 750 гектар, принадлежала помещику Сазикову, и каждый, кто хотел бы на ней построить, должен был купить или взять у него в аренду участок. Очевидно, таких желающих почти не было,

Когда в 2004 году владыка Лев, митрополит Новгородский и Старорусский, обратился к руководителям посёлка Батецкий с вопросом, в каком месте находилась церковь, ему ответили, что никакой церкви в посёлке не было. Их незнание было естественным, потому что жителей маленького предвоенного посёлка почти не осталось. Теперь его население: специалисты, направленные на работу после окончания разного рода учебных заведений, люди, переехавшие из дальних деревень Батецкого района, и те, кто после отбывания наказания был поселён на 101 километр от Ленинграда и осел здесь. Но владыка Лев был настойчив, и, в конце концов, нашлись коренные жители деревни Дубцы, которые помнили, как ещё до войны бабушки водили их в эту церковь, и другие, кто в 60-е годы подростками бегали смотреть, как металлической «бабой» рушили эту церковь, служившую тогда электростанцией, и строили на её месте здание типографии.

Потом в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Ленинградской области был обнаружен отчёт священника Анатолия Остроумова об освящении церкви, и стало ясно — кто строил храм, когда, во имя кого и в память какого события. Когда уже приступили к разборке типографии, то в том же архиве были выявлены чертежи, по которым возводилась церковь, и её последующее восстановление было произведено по ним.

Так как новая церковь построена на старом фундаменте с включением прежнего цоколя и части сохранившихся стен, то следует говорить не просто о восстановлении, а о возрождении первоначального храма Святого Духа.

Через два года от начала строительства, 18 августа 2007 г., церковь была освящена владыкой Львом, митрополитом Новгородским и Старорусским. На освящении присутствовали внук и правнучка Николая Валентиновича Сазикова — Владимир Павлович Сазиков и Елена Александровна Булатова.

В предвоенные годы посёлок при станции Батецкая, хоть и стал в 1927 году районным центром, был очень небольшим: две короткие улицы, несколько административных и жилых зданий, школа, почта, аптека, магазин, двухэтажный жилой дом и ещё один многофункциональный, что-то вроде Дома колхозника. Все дома деревянные, ни одного кирпичного. Да и слово это — «посёлок» — не употреблялось. Все говорили «станция». После войны посёлок постепенно разрастался, особенно за последние три десятилетия, когда он включил в себя деревню Дубцы, превратив её в Дубецкую улицу.

Сегодня Батецкий — посёлок городского типа, с ухоженными, по преимуществу асфальтированными улицами. Здесь есть Дом культуры, школа, стадион и новый спортивный комплекс, краеведческий музей. Довольно много благоустроенных трёхэтажных панельных жилых домов и один «элитный» — пятиэтажный. На главной улице — Советской — столовая-кафе, универсам, административные здания и сквер с мемориальным памятником воинам, погибшим в районе Батецкой в годы Великой Отечественной войны. В глубине небольшой зелёной улицы, отходящей от Советской, на просторной площади — белый храм Святого Духа, сверкающий золотом крестов над синим куполом и звонницей.

Основная часть жилых домов — одноэтажные, деревянные, летом щедро украшенные цветниками. Они и на Траншейной—Первомайской, и на Юбилейной, и на улице

Комарова, когда-то называвшейся Гусарской дорогой. Вот эта Гусарская дорога и ведёт на Дубецкую улицу, к тому месту, где была усадьба, а теперь остался только парк.

В какие годы Дубцы были пожалованы Оболяниновым, неизвестно, но в первой четверти XVIII века они уже были владельцами усадьбы Дубец и деревни того же названия. Значит, Дубцам сегодня по меньшей мере уже 300 лет, а как считать возраст поселения — непонятно: то ли от времени возникновения станции, то ли районного центра, то ли деревни и усадьбы? Во всяком случае, ясно, что заселена эта земля уже несколько столетий.

Во всех родословных справочниках пишут об Оболяниновых², как о «*дворянском роде древнем, но небогатом, известном с начала XVI века*». После присоединения в XV веке Новгорода к Московскому княжеству из Новгорода Иваном III было выведено в другие области до семи тысяч представителей привилегированных сословий, а на их место переселено около двух тысяч боярских детей и служивых людей из центральных частей Московского

княжества. Так появились здесь Путятины, Муравьёвы, Мордвиновы, Оболяниновы и другие. До указа Петра III «О вольности дворянской» в 1762 году дворянам некогда было заниматься своими усадьбами, так как служба их не была ограничена какими-нибудь сроками. Получив право уходить в отставку по своему желанию, они стали благоустраивать усадьбы по своему вкусу. Город, где проходила служба дворянина, был связан с идеями государственной гражданственности, усадьба же являлась антиподом города. Она — мир свободы, мир отдельного человека, который он может создавать сам в соответствии с собственным пониманием своего места в жизни. Здесь он мог воплотить свои идеалы в организации своего жизненного пространства, создать по своему усмотрению комфортные условия частной жизни в кругу близких. Он мог проявить эстетическое

² См. статью: Антонова Л.В. Пётр Хрисанфович Оболянинов // Чело. № 1. Великий Новгород, 2009. С. 71—76.

отношение к природе и, вместе с тем, заняться сельским хозяйством, привнося в него достижения нового времени. Так начался «золотой век» русской усадьбы — уникальное явление в культурной жизни России.

Обустройство Дубецкой усадьбы было осуществлено в начале 60-х годов XVIII века Фёдором Ефимовичем Оболяниновым, капитаном в отставке. До этого он служил в Кронштадте и имел возможность познакомиться с усадьбами в окрестностях Петербурга и городскими. Центральная часть усадьбы была им решена в классических формах: подъездная дубовая аллея являлась осью, проходящей через центр дома, стоящего на пригорке. К западу от дома, в русле ручья, был вырыт большой прямоугольный пруд и вдоль длинной, 160-метровой его стороны высажена аллея стриженных лип. По другую сторону пруда парк имел характер пейзажного: с широким использованием растительности и рельефа местности и без чёткой границы. Вся небольшая усадьба, всего восемь десятин, была спланирована гармонично и целесообразно. Был ли для этого приглашён специалист — неизвестно, но кто бы ни занимался практикой строительства, «главным организатором и вдохновителем в целом всегда оставался помещик, образцовый „сельский житель” и „любитель Художеств”»³.

Шесть поколений Оболяниновых владели этой усадьбой в течение почти двух веков. Они принадлежали к служилому дворянству, как, впрочем, и другие владельцы «дворянских гнёзд». *«Военное поприще представлялось настолько естественным для дворянина, что отсутствие этой черты в биографии должно было иметь какое-либо объяснение. Служба органически входила в понятие дворянской чести»*, — писал Ю.М. Лотман. Они были в разной степени успешны, но достаточно высокие чины, с которыми они выходили в отставку, и пожалование им орденов свидетельствуют о добросовестной службе. Один из них, Степан Фёдорович, был новгородским губернатором, его сын — Александр Степанович, служивший в молодые годы на флоте, добровольно участвовал в составе Новгородского ополчения в войне 1812 года, а в 1827—1830 годах был уездным предводителем дворянства. Сын его, Степан Александрович, генерал-майор, получивший военное образование в Николаевском училище, до конца своих дней состоял на службе при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче. Он, естественно, не жил в усадьбе, а только приезжал туда время от времени. После его смерти сын его, Александр Степанович, живший постоянно в Петербурге, продал усадьбу Н.В. Сазикову.

После революции 1917 года усадьба, лишившись хозяина, постепенно стала приходить в упадок. В старом

господском доме была размещена больница, в другом, построенном Сазиковым, поселили медицинский персонал. Во время Великой Отечественной войны оба эти дома сгорели. Парк зарастал кустарником, превращался в непроходимые заросли. Под напором бурь и агрессивной энергии людей падали вековые деревья, становился болотом большой пруд. Но ещё отчётливо прослеживались черты регулярного парка XVIII века — поредевшая, но всё ещё прекрасная аллея некогда стриженных лип вдоль пруда, несколько дубов подъездной аллеи и более двух десятков на всей территории усадьбы, в том числе несколько, возраст которых насчитывает не менее трёх столетий. Недалеко от усадьбы и деревня называются Дубцы.

В пору «золотого века» русской усадьбы — с середины XVIII до середины XIX столетия — на территории России их насчитывалось более сотни тысяч. Сейчас это

несколько сотен, из которых только единицы в сохранном виде, в основном мемориальные. Деревянные постройки погибли от времени бесхозности, пожаров, остались только парки — «наша русская античность», как назвал их Д.С. Лихачёв. И хотя их сохранность в лучшем случае частичная, они несут нам информацию о давно прошедших временах, наших предках, их жизни, деятельности, пристрастиях, философском осмыслении бытия.

Парк, 2008 г.

тиях, философском осмыслении бытия.

Несколько лет назад Администрация посёлка и небезразличные жители начали работы по спасению парка, непрекращающиеся уже несколько лет. Были расчищены заросли, выпилены сухие и больные деревья, посажены молодые липы в аллею на места утраченных, восстановлены мостки через ручьи и, наконец, вычищен большой (160×45 м) пруд. И сегодня снова, как когда-то, отражаются в его зеркальной глади деревья, посаженные два с половиной столетия назад, и приходят в возрождённый парк влюблённые пары, приезжают молодожёны с гостями выпить по бокалу шампанского, приводят детей молодые родители и внуки бабушки.

В 2008 году парк Дубецкой усадьбы получил статус вновь выявленного «Памятника ландшафтной архитектуры XVII—XIX веков».

От усадебного парка Дубецкая улица приводит к железной дороге, а оттуда недалеко уже и до станции. На стене светло-жёлтого кирпичного здания вокзала, построенного в 60-х годах вместо разрушенного в войну, — памятная доска.

Это ещё одна страница истории Батецкой — военная. Уже через несколько дней после начала войны, в последних числах июня 1941 года около пятидесяти тысяч жителей Ленинграда и области были присланы на Батецкую для сооружения линии обороны Луга—Батецкая—Новгород. Они, в подавляющем большинстве женщины, рыли рвы, устанавливали противотанковые заграждения, частично

³ Баранов М.А. Архив наследия. М., 2002.

бетонные, по преимуществу деревянные. Один такой ров сохранился вблизи Дубецкого парка, а бетонные надолбы и сейчас стоят вдоль правого берега реки Луги в двадцати километрах от Батецкой, там, где находилась линия обороны.

В то же время 30 июня в Ленинграде началось формирование Первой дивизии Народного ополчения. Она получила название Кировской, так как первый полк её состоял из ополченцев Кировского завода.

«Около недели ушло на формирование дивизии и несколько дней на обучение, — вспоминает ополченец третьего полка В.Ф. Барабанов. — Оно проходило в Летнем саду и состояло в условном рытье окопов, так как настоящими окопами портить Летний сад не разрешалось, да и у нас на такое дело ни у кого не поднимались руки. Числа 9 июля с военной платформы Витебского вокзала наш полк отправился на Лужский рубеж. Почти сразу за Ленинградом два-три раза эшелон облетали немецкие самолёты-разведчики. И как только полк высадился на станции Батецкая, станция подверглась ожесточённой бомбёжке. К счастью, примыкающий лес скрыл ополченцев, успевших буквально за несколько минут до налёта покинуть станцию. Но сама станция была разгромлена». Были разворочены железнодорожные пути и разрушено две трети станционного здания. В сохранившейся части, где первоначально находились кассы

третьего класса, теперь разместились командование дивизии Народного ополчения и штаб артиллерийского полка.

Ополченцы, прибывшие на Батецкую 9—12 июля, сразу же приняли участие в жестоких боях на укрепленном рубеже правого берега реки Луги. Они вместе со стрелковыми войсками и 1-м артиллерийским полком остановили боевую группу Рауса 6-й танковой дивизии, захватившей плацдарм на правом берегу Луги.

Немецкие танки за первые 18 дней войны очень далеко продвинулись вглубь. Согласно директиве Гитлера от 19 июля 1941 года для форсированного продвижения на Ленинград необходимо было дожидаться соединения танковой группы с пехотными войсками группы «Север». С советской стороны усиливалась войсками Лужская оперативная группа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- I. Музей железнодорожного транспорта.
1. Железнодорожные станции СССР. Т. I. А.С. Архангельский, В.А. Архангельский. Справочник. М., 1981.
2. Альбом гражданских сооружений Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. 1908 г. Типография Санкт-Петербургского Градоначальника.
3. Очерк линии Москва—Виндава. 1901—1906 гг. Тов-во Скоропечатни А.А. Левинсон. Москва.
4. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог. М., 1995.
- II. Блестящая эпоха Фаберже. Выставка в Екатерининском дворце Царского Села. СПб., 1992.
- III. ГИА Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Хотя ни у одной из сторон не было накоплено достаточно сил для решительного продвижения вперёд, бои носили ожесточённый характер. Об этом свидетельствуют записи в служебном дневнике генерала Гальдера: *«На 01.08.41 г. группа армий „Север“ имела потери 42 тысяч солдат и офицеров. Из строя вышло до 38% автотранспорта».*

Наступление группы «Север» началось 8 августа с плацдармов на реке Луге. Город Лугу немцы обходили с двух сторон и, отсекая лужскую группировку войск, открывали для себя возможность беспрепятственного продвижения к Ленинграду. К середине августа положение на нашем фронте сильно ухудшилось: 16 августа немцы овладели Новгородом и Батецкой. Луга пала только 27 августа.

Многие защитники Лужского оборонительного рубежа, в том числе и Батецкой, погибли при выходе из окружения. Они сгинули в лесах и болотах, были расстреляны фашистскими самолётами.

Впервые в ходе Второй мировой войны гитлеровские войска были остановлены в своём продвижении на столь длительное время — 42 дня. Это сорвало планы захвата Ленинграда в первые месяцы войны. Противник подошёл к городу только в начале сентября и, не имея достаточно сил для штурма, перешёл к позиционной войне. Началась 900-дневная блокада Ленинграда.

Город не был взят врагом, и в общем деле обороны его есть немалая заслуга армейских соединений и бойцов Народного ополчения, защищавших Батецкую — часть Лужского рубежа...

Очередной поезд дальнего следования тронулся после минутной стоянки на станции Батецкая. Через два часа его пассажиры придут в Санкт-Петербург, и, может быть, пожалеют, что не сошли они на этой станции и не увидели своими глазами парк, возрождённый храм, созданный в память 300-летия Дома Романовых, и не прошли по ухоженным улицам посёлка, и не поклонились праху воинов, известных и безымянных, павших на Батецкой земле, защищая свою Родину.

Если так — приезжайте! Мы будем ждать вас.

1. Ф. 256. Оп. 30. Д. 209. Чертежи церкви при станции Батецкой Лужского уезда. 1912 г.
2. Там же. Ф. 19. Т. 2. Ч. 1. Оп. 111, 120, 123. Метрические книги. Село Мроткино. Николаевская церковь. Ф. 19. Оп. 113 за 1786—1919 гг. Клировые книги. Имение Дубцы.
- IV. Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Ф. 561. Собрание Дашкова 6 переплётов. Личный фонд Степана Фёдоровича Оболянинова.
- V. Русский биографический словарь. Под ред. А. Половцова. СПб., 1905.
- VI. РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 2927. О Дворянстве Оболяниновых. Новгородская губерния. 1856. На 27 листах.

РЮРИК, БОНАПАРТ, КАРАМЗИН

Как известно, четвёртая глава первого тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина — «Рюрик, Синеус и Трувор» — посвящена основанию монархии в Древней Руси. Трактовка историографом летописного известия о призвании варягов, положенного в основу этой главы, была продиктована, прежде всего, опытом осмысления писателем и журналистом событий современной ему истории, имеющих мировое и, следовательно, универсальное значение. В этой главе, написанной талантливой кистью художника, было изображено начало Российского государства, и в изображении его нашли отражение тяжёлые раздумья «гражданина вселенной» о значении и итогах потрясшей весь европейский континент Французской революции. Историограф работал над первым томом своей эпопеи 1804—1805 гг., когда он уже успел превратиться из ревностного почитателя, которым он был при её начале, в принципиального противника, каковым всё более становился по мере того, как это вселенское событие, набирая ход, близилось к своему логическому завершению — личной диктатуре Наполеона Бонапарта. Не будь её, трудно сказать, стал бы издатель «Вестника Европы» и модный писатель, автор «Бедной Лизы», историографом и каковой явилась его общая концепция российской истории.

Встретившись в 1790 г. в Париже с французским историком П.-Ш. Левеком, автором неоднократно переиздававшейся пятитомной «Истории России», писатель Карамзин пришёл к заключению, что у нас нет хорошей русской истории. Похвалив Левека за то, что он «соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо», русский писатель отметил, что «кисть его слаба, краски не живы, слог правильный... но не быстрый». Главный же порок французского автора, по мнению русского писателя, заключался в недостатке философского взгляда на историю и отсутствии «благородного красноречия». Уже тогда Карамзин высказал своё кредо: междоусобия, распри и ссоры русских князей, их генеалогия, набеги половцев — всё это скучно и неинтересно. Необходимо

сделать Нестора «привлекательным» «не только для русских, но и чужестранцев». Во всех этих малозначящих событиях необходимо отыскать общий философский смысл, показать «свойства народа Русского, характер древних наших героев», изобразить их так, чтобы они предстали перед читателем как живые. Это суждение появилось в 1792 г. на страницах «Писем русского путешественника», а написано было ещё раньше: тогда, когда Французская революция не успела ещё залить Францию кровью невинных жертв и не превратилась

в гидру, пожирающую своих сыновей. Разгул якобинского террора был ещё впереди. Начни Карамзин писать свою «Историю государства Российского» именно в это время, вероятно, философский смысл её под пером почитателя французской революции, быстрыми шагами идущей к свободе человечества, как казалось писателю-романтику, был бы иной. Но кровавое десятилетие, отделявшее официального историографа российской империи от автора сентиментальных повестей и рассказов,

писателя — масона, покинувшего кружок Н.И. Новикова и распрощавшегося с вольными каменщиками, заставило его выработать тот философский взгляд на российскую историю, который был сформулирован в «Записке о древней и новой России» и стал краеугольным камнем «Истории государства Российского»: «Россия основывалась победами и единоначалием, гнула от разногласия, а спасалась самодержавием», другими словами, «самодержавие — палладум России».

Когда известный масон А.М. Кутузов (А.Н. Радищев посвятил ему своё «Путешествие из Петербурга в Москву»), а автор

«Писем русского путешественника» встречался с ним в Германии, узнал, что Карамзин отошёл от Ордена и стал сочинителем, он в изумлении написал, что «может быть, и в нём произошла французская революция». Кутузов имел в виду коренной переворот, свершившийся во внутреннем мире писателя, повлекший за собой переоценку духовных ценностей. Кутузов не дожил до того времени, когда, десятилетие спустя, Карамзин переродился

вновь. Используя его афористическую формулу, должно было бы констатировать, что в Карамзине «произошла французская революция наоборот», превратившая его из писателя в историографа. И вот этот человек, дважды переживший революцию в самом себе, так описал появление Рюрика. Не забудем, что эти строки вышли из-под пера писателя, видевшего свой гражданский долг в том, чтобы сообщить современному читателю философский взгляд не только и не столько на события исторические, сколько на современные, высказаться по самому злободневному вопросу, от которого во многом зависело, какова будущность и России, и человечества. Не учитывая всего этого, мы никогда не сможем правильно понять сути «норманизма» Карамзина.

«Начало Российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление, и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествуют наши летописец...»

«Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем...», — пишет Карамзин. Очевидно, предложенное историографом объяснение — это не более чем спекулятивная конструкция. Она не опирается на факты, почерпнутые из исторических источников, но представляет собой чисто умозрительное толкование.

Варяги, завоевавшие чужд и славян, *«правили без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость»*. Речь идёт о событиях 859 года. Каково было правление варягов, и каков был размер дани, взимаемой норманнами, в действительности никто не знает. Естественно, не было это известно и Карамзину. Варяги, продолжает рассуждать историограф, *«долженствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах Севера»*, потому что они имели сношения с Южной и Северной Европой, где кровавые следы варварства под сильным влиянием христианства были уже ослаблены *«успехами гражданской жизни»*.

Норманны могли сообщить славянам и финнам выгоды некоторой промышленности и торговли. Но эту идиллию нарушили славянские бояре. Завоеватели уничтожили их собственную власть. Бояре возмутили *«народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости»*. Они вооружили народ против норманнов и прогнали их.

Отметим сразу, что о существовании у славян бояр в середине IX в. Карамзину ничего не было известно. Он вывел их существование из аналогий с другими народами. Нестор о боярах этого времени молчит. Это справедливо отметили французские критики Карамзина. В частности Ж. Энн. Ничего не знал российский историограф о том, что именно бояре возглавили движение против норманнов. Насчёт «легкомысленности» славянского народа, подающего обольщения, Карамзин знал не более, чем о лёгкости уплачиваемого им налога скандинавам. То есть не знал в действительности ничего. Вся карамзинская конструкция построена для того, чтобы показать: когда легкомысленный народ, обольщённый какими-то идеями, возмущают в собственных

корыстных целях, это неизбежно приводит к бедствиям народным.

Чрезвычайно важно осуждение Карамзиным свободы, добытой такой ценой. Согласно ему личными распрями бояре обратили свободу в несчастье, не смогли восстановить древних законов и ввергли отечество в бездну зол междоусобия.

Прежнее состояние под властью норманнов оказалось большим благом. Поэтому *«нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость»*. Тогда славяне *«потребовали Властителей от Варягов»*. Отечество наше, раскрывал историограф свой символ веры, *«обязано величием своим счастливому введению Монархической власти»*. Народы, *«умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться»*.

Ну разве это не реминисценция Французской революции? Не в ходе ли её свобода превратилась в анархию, выход из которой заключался в установлении твёрдой монархической власти?

Характерно чисто внешнее сходство конкретных деталей, которым не следует придавать слишком большого значения, но они могли подтолкнуть мысль историографа к установлению определённой тождественности двух принципиально различных явлений. Франция искала выхода из «анархии» республиканского правления «директории», своеобразной «семибоярщины» в передаче власти трём консулам: Бонапарту, Камбасересу, Лебрену. Первый из них в то самое время, как Карамзин был произведён в официальные историографы, стал пожизненным консулом, а когда историк завершал первый том своего грандиозного труда, превратился в императора. То есть фактически восстановил монархическую власть и стал неограниченным монархом.

Согласно Нестору и Карамзину, который следовал летописцу, славяне призвали трёх братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора. Первый из них, спустя два года, «принял Единовластие», иначе, стал неограниченным властителем. Немаловажно было и то, что Бонапарт не был *le français natal*, то есть природным французом. Корсика, на которой он родился, только за два месяца до его появления на свет стала французской. Недаром «узурпатора» называли презрительной кличкой «корсиканец». Рюрик, спасший государство Российское от безначалия и анархии, согласно Нестору и Карамзину, был норманном, то есть чужеземцем. Ещё одной параллелью более!

«Корсиканский воин», делавший первые шаги на почве единовластия, был очень симпатичен Карамзину. В 1802 г., ещё не будучи историографом, он опубликовал «Историческое похвальное слово Екатерине II». Здесь читаем: *«Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою; крепкое здание общественного благоустройства разрушилось, неописуемые несчастья были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав теплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручил самовластие счастливому корсиканскому воину»*. В этой фразе Карамзин подытожил свои размышления тех лет над судьбами Франции. Но не только Франции, но и России. Ибо нетрудно увидеть, что в образе «счастливого корсиканского воина» проглядывает и его исторический прототип, выполнивший в России десять веков назад ту же историческую миссию. «Карамзин пришел к выводу, что Франция процветала как

монархия и снова спаслась от беспорядков возвращением к монархическим порядкам». Но когда автор «Писем русского путешественника» писал о Франции, он имел в виду не её одну, более того, можно сказать, что он ещё больше думал тогда о России. В 1802 г. в своём журнале «Вестник Европы» Карамзин поместил любопытное сочинение под интригующим названием «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени». Здесь говорилось: *«Самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении общества; все они были в некотором смысле врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения»*, но этот самообман обернулся хаосом и безначалием. *«Везде обнаруживалось некое-то внутреннее неудовольствие... видели одно зло и не чувствовали цены блага»*. Всё обернулось «ужасами пожара».

Если описанную здесь ситуацию опрокинуть на Русь до призвания варягов, то нетрудно увидеть, какими идеями руководствовался историограф, изображая состояние Руси после завоевания её норманнами в 859 г. Зачинщики возмущения — бояре — обольстили легкомысленный народ *«лестными мечтами воображения»*. В итоге получилось безначалие, хаос, междоусобия. Подобно тому, как Франция процветала при монархии, процветало и Российское государство при норманнах, до того, как славян «обольстили» бояре.

Примечательно, что относительно реакции народа на установление власти варягов Карамзин пишет, что у него на этот счёт нет «достоверных подробностей»: наслаждался ли народ «тишиной», благословил ли «перемену своих гражданских уставов» или пожалел о «потерянной вольности». (История Вадима, не основанная на «древних сказаниях Нестора», представляется историографу «одной догадкой или вымыслом»). Однако, говоря

о кротком и справедливом правлении норманнов в 859 г. и выступлении против них бояр, обольстивших народ химерическим именем прежней независимости, Карамзин создаёт у читателя иллюзию, что об этом есть «достоверные подробности». Не меняет общую картину и незначительная оговорка автора: «Может быть». Между тем, эти «достоверные подробности» не идут далее сообщения Нестора: после изгнания норманнов начались междоусобия, всё же остальное — про обольщение легкомысленного народа, восставшего против кроткого и справедливого правления, всё это было внесено с политической целью «гражданином вселенной» XIX в. Сделано это было настолько мастерски, что не только читатели-современники, зачитывавшие до дыр карамзинскую эпопею, не обратили на эту «подстановку» должного внимания, но и профессиональные исследователи нашего времени оставили её без должного научного комментария. А между тем одно это наблюдение позволяет судить о глубинных причинах «норманизма» Карамзина, имеющего, как это не покажется парадоксальным, французское происхождение.

Обращает на себя внимание дифирамбическая оценка Карамзиным личности Гостомысла, новгородского старейшины, подавшего мудрый совет потребовать варяжских властителей. Хотя историограф прекрасно знал и не скрывал от читателя, что это мифическая личность. О ней он высказался так: *«...достойн бессмертия и славы в нашей истории»*. Хвала несуществующей исторической личности потребовалась Карамзину для того, что, судя по предисловию ко всем томам «Истории и государства Российского», автор её мыслил себя неким Гостомыслом, подающим народам вселенной, но прежде всего населяющим Россию, панацею от разрушительного влияния переворотов и революций.

ЛИТЕРАТУРА

Esneaux J., Chennebot L.E. Histoire philosophique et politique de Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris. T. I. 1830.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989;
Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984;

Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989;
Эйдегман Н.Я. Последний летописец. М., 1983;

ДЕРЕВНИ СТАРООБРЯДЦЕВ-ФЕДОСЕЕВЦЕВ В ЧУДОВСКОМ РАЙОНЕ

С 2006 года автором проводятся историко-этнографические изыскания на территории Чудовского района. Летом 2009 года производились полевые наблюдения в северной части района в ареале расселения старообрядцев-федосеевцев. В ходе двухдневной поездки было обследовано три деревни (Деделёво, Кочково, Нечанье), два старообрядческих кладбища и одно урочище на месте бывшей деревни Метино. Эта поездка послужила толчком к более детальному изучению истории старообрядцев-федосеевцев на территории Чудовского района. Предварительные результаты начатой исследовательской работы отражены в предлагаемой читателям статье.

Данный микрорегион имеет свою историко-географическую специфику. До 20-х годов XX века деревни старообрядцев Деделёво, Кочково, Нечанье и Метино входили в состав Новолдожского уезда Санкт-Петербургской губернии, и относились к Тигодскому церковному приходу Третьего благочинного округа¹.

Микрорегион интересен также своей этноконфессиональной особенностью. Здесь жили русские, латыши, эстонцы, белорусы; православные (представители старообрядчества и Московского Патриархата), лютеране. Таким образом, изучаемая нами территория являлась контактной зоной различных этносов и конфессий.

Деревни старообрядцев в Чудовском районе неоднократно привлекали внимание исследователей.

Так, в 1988–1994 годы в Поволхове работала археологическая экспедиция Санкт-Петербургского отделения РАН, которая выявляла памятники старообрядческой рукописно-книжной традиции². К сожалению, автору пока не известно, побывала ли экспедиция в деревнях чудовских старообрядцев.

В 2003 году в Деделёво и Нечанье выезжали сотрудники Чудовского районного краеведческого музея. В ходе поездки ими был собран вещевой материал: старые фотографии, предметы быта и религиозного культа.

В 2003, 2004 и 2006 годах в Деделёво, Кочково и Нечанье в целях историко-этнографического изучения данного микрорегиона выезжал киришский краевед Павел Самбук³.

В 2004 году здесь работала экспедиция отдела Северо-Запада Российского этнографического

музея под руководством Л.В. Корольковой. Предметом исследований «стали кладбища, жилые и хозяйственные постройки конца XIX — первой трети XX вв., сохранившиеся в старообрядческих деревнях, расположенных на территории бывшего Новолдожского уезда»⁴.

Летом 2007 года автором обследовано урочище Метино. Осенью того же года состоялась встреча с уроженкой деревни Метино Е.Г. Шабановой (1930 г. р.), в ходе беседы с которой удалось записать ценную информацию о деревне Метино первой половины XX века⁵.

Стоит также отметить, что деревни чудовских старообрядцев привлекали внимание журналистов районных и областных СМИ, в материалах которых есть ценные сведения, касающиеся истории данного микрорегиона⁶.

Река Тигода. Фото автора

На берегах реки Тигода (дд. Деделёво, Кочково, Нечанье) и речки Меньша (бывшая деревня Метино) проживали представители «тигодской группы» старообрядцев-федосеевцев (беспоповское согласие)⁷. К «тигодской группе» относились старообрядцы ещё трёх деревень: Мелехово, Липовик и Меньша (ныне — территория Киришского района Ленинградской области)⁸.

За свою более чем трёхвековую историю старообрядчество распалось на три основных течения: беглопоповцы, поповцы и беспоповцы. Каждое из течений имело массу отдельных согласий и толков. Так, среди беспоповцев выделяют поморцев (даниловцев), федосеевцев, филипповцев, бегунов (странников) и спасово согласие (нетовщину). В свою очередь, федосеевцы делились на новожёнов, титловщину, аристовцев, польских и рижских староверов. Таким старообрядчество было в дореволюционной России. После 1917 года начинается процесс стирания различий между старообрядцами различных согласий и толков⁹.

Рассматриваемые нами федосеевцы, были наиболее радикальным движением беспоповцев. Это движение зародилось в 1690-е годы на Северо-Западе России. В первоначальный период становления основные его центры находились в Новгороде, Пскове и Яме. Руководителем движения стал дячок Крестецкого Яма Феодосий Васильев. В 1696 году он вместе со своей семьёй и приверженцами уходит в Литву, где возле города Невель основывает первую общину федосеевцев. В общине проживало около 600 мужчин и 700 женщин. Феодосий призывал своих последователей уходить из мира в обособленные общины. *«Побегайте, и скрывайтесь во имя Христа»*, — говорил он. В 1709 году община Феодосия была разграблена польскими войсками, и он принимает решение — возвращаться в Россию. На родине Феодосий находит себе покровителя в лице самого Александра Меншикова. С разрешения Петра I община федосеевцев поселяется рядом со Псковом. Правда, вскоре сам Феодосий Васильев попадает в тюрьму, где и умирает.

После его смерти община распадается. По другой версии, которой придерживается большинство старообрядцев, община Феодосия Васильева была разорена правительственными войсками. В конце XVIII — начале XIX веков федосеевцы становятся одним из самых сильных и влиятельных согласий среди беспоповцев, да и во всём русском старообрядчестве¹⁰.

Не исключено, что уже в первой половине XVIII века некоторые из последователей Феодосия Васильева могли оказаться на берегах реки Тигода, где увлекли идеями своего «духовного наставника» жителей окрестных деревень, в том числе население Деделёва, Кочкова, Нечанья и Метина. Хотя данное предположение автора нуждается в детальной проработке.

Нам пока сложно судить, какие процессы происходили в данном микрорегионе в XVIII — первой половине XIX веков. Можно только сказать, что к концу XIX века в Новолadoжском уезде проживало около шести тысяч старообрядцев. Как пишет Л.В. Королькова, «по данным государственной статистики между 1866—1871—1897 гг. наблюдается постоянный прирост старообрядческого населения в уезде (соответственно: 4127 чел. — 5591 чел. — 5713 чел.)»¹¹.

В том числе в Тигодском церковном приходе проживало свыше тысячи старообрядцев-федосеевцев. *«Раскольников-федосеевцев в приходе 510 д. м. пола и*

622 жен. Больше всего их в Мелехове, Липовике, Меньше, Ничанье и Метине», — сообщается в одном из последних выпусков «Историко-статистических сведений о Санкт-Петербургской епархии». Там же мы узнаём, что в Деделёве было 32 крестьянских двора, Кочкове — 26, Нечанье — 31, Метине — 20. В последних двух деревнях стояли моленные, а в Деделёве — часовня Пророка Ильи. *«Раскольнические кладбища, или «жалыники», находятся подле самых деревень». «Прихожане занимаются извозом, хлебопашеством, заготовкой лесу и дров, торгуют сеном; женщины ткнут холст»*¹².

После революции 1917 года и в ходе последовавшей затем антицерковной политики советского государства традиции старообрядчества в изучаемом нами микрорегионе (как и в целом по всей стране) начинают затухать. Об этом красноречиво говорят рассказы пожилых старообрядцев, записанные в ходе летней экспедиции 2009 года в Деделёве, Кочкове и Нечанье¹³.

Можно назвать и другие причины, так или иначе повлиявшие на затухание традиций старообрядцев.

И прежде всего это последствия Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Многие мужчины погибли на фронтах. Сами деревни старообрядцев в течение двух лет находились в прифронтовой полосе. Мирное население (а это в основном женщины, дети и старики) было вывезено в Прибалтику и Германию, и лишь немногим из них посчастливилось вернуться домой.

До войны, особенно в 30-е годы XX столетия, увеличивается количество браков между молодёжью из старообрядческих семей и «мирскими», в основном русскими и латышами. Последние жили на хуторах, и граница их расселения проходила по линии Кочково—Деделёво—Метино.

После прокладки в 1960 году шоссейной дороги Зуево—Кириши, которая прошла недалеко от Деделёва, Кочкова и Нечанья, начинается миграционный отток молодёжи из этих населённых пунктов в соседние города: Чудово, Кириши, Новгород, Ленинград.

В 1990-е годы, в период социально-экономических перемен и потрясений на селе, из деревень уезжают последние молодые семьи. Остаются только люди пожилого возраста¹⁴.

Л.В. Королькова в числе основных причин постепенного отхода старообрядцев от своих традиций называет просветительскую деятельность официальной Православной Церкви. «Известно, что в Новой Ладого при Никольском соборе в 1901 г. было организовано братство Святителя и чудотворца Николая, главной целью которого являлось „возвращение в лоно истинной Православной Церкви уклонившихся от него сектантов — старообрядцев”¹⁵. Члены братства занимались также изъятием из обращения у православного населения „вредных” раскольничьих книг. Следует отметить, что производилось оно с согласия их владельцев (...). Кроме этого, для бесед с раскольниками из членов братства были избраны два миссионера — священники Н.М. Мурзанов и А.А. Листов. В братство входили 76 человек из числа светских лиц — это были наиболее влиятельные землевладельцы, купцы, чиновники, а также представители Православной Церкви — пять протоиереев, 60 священников, 17 диаконов, 59 псаломщиков»¹⁵.

В изучаемом нами микрорегионе сегодня наблюдается следующая картина.

В трёх деревнях (Деделёво, Кочково, Нечанье) проживает немногим более десяти старообрядцев пожилого возраста. Их дети и внуки приезжают в родовые поместья только на лето, и никто из них практически не придерживается традиций своих предков.

К слову сказать, и сами старообрядцы пожилого возраста уже с трудом соблюдают необходимые обряды, объясняя это старостью и слабым здоровьем.

Отчасти сказывается и нехватка многих знаний, которые были утрачены по причине отсутствия преемственности между старшим и молодым поколениями.

Вместе с тем в деревнях старообрядцев нам неоднократно приходилось слышать фразу из уст людей разных возрастов: *«Мы из нации староверов»*. Получается, что потомки старообрядцев-федосеевцев до сих пор осознают своё единение и отличие от окружающих по конфессиональному признаку.

Несмотря на всё вышесказанное, данный микрорегион продолжает представлять интерес для исследователей, и не только благодаря живым носителям традиций старообрядцев-федосеевцев.

Заслуживают внимания некоторые жилые и хозяйственные постройки, а также два местных кладбища, которые здесь называют «жальниками» (в бывшей деревне Метино кладбище носило несколько иное название — «Жальницкое поле»)¹⁶.

На кладбищах сохранилось достаточно много деревянных старообрядческих крестов, в том числе архаичной конструкции. Например, было выявлено два креста с орнитоморфными навершиями — «утицами». Функциональное назначение этих элементов на крестах местные жители объясняют так: *«...чтобы крест от дождей не загнивал»*¹⁷.

Хотя более правдоподобным кажется сакральная символика этих «утиц». Что же на самом деле означают эти символы — автору пока неизвестно.

На крестах архаичной конструкции обращают на себя внимание фигурные выемки, в которых с помощью гвоздей крепились медные иконки с изображением Николая Чудотворца или Богородицы (в зависимости от того, кто похоронен — мужчина или женщина).

До наших дней в крестах не сохранилось ни одной медной иконки. Местные жители отмечают, что *«их выковыривали в годы войны немцы, а уже после войны школьники и студенты, приезжавшие сюда на картошку»*¹⁸.

Всё же одна медная иконка (правда, «Деисус») сохранилась у одного из жителей деревни Кочково. Но, судя по информации владельца этой иконки, она раньше имела

боковые створки и использовалась в религиозных целях, но никак не предназначалась для могильного креста.

Живой интерес представляют местные легенды.

В 2006 году П.Самбук записал одну из них со слов уроженки деревни Кочково Прониной Марьи Николаевны (1921 г. р.): «Ну, а тут Чистый Мох назывался. Была я и в этом — и в Чистом Моку раз за ягодам. Ну, в этом Чистом Моку там можно войти под землю — там такие ямы были. Да-а... Тут, видишь, рассказывали, что было озеро, а... Каталась эта — барыня-то, каталась по озеру на лодке. И что-то она — утопила робёнка что-ли... Попал робёнок в воду, а она и сказала: „Зарастит это озеро мхами-болотами!“. Вот озеро это и заросло мохом. Дак там были — можешь провалитцы и уйти, и под мох! Такие ямы, ну, оны были замечонные, обходили их...»¹⁹.

Могильный крест (старообрядческое кладбище между деревнями Кочково и Нечанье). 2009 год. Фото автора

«Деисус» (деревня Кочково). Фото автора

Точно локализовать местонахождение Чистого Мха пока не удалось.

Другая легенда, не менее интересная, связана с большим валуном, лежащим в реке Тигода между деревнями Деделёво и Кочково. В полевых записях П. Самбука этот камень называется «Дедко — бабка», но опрошенные нами летом 2009 года старожилы этот камень называли «Дидо — мадо». Считается, что возле этого камня в старину проходил брод. *«Как макушка камня из Тигоды покажется, можно через реку и на телегах вброд проехать»*²⁰.

Кстати, этот камень сохранился до наших дней и находится рядом с железобетонным мостом через Тигоду.

В заключении хочется пару слов сказать об урочище Метино, на месте которого стояла деревня старообрядцев-федосеевцев.

В 1953 году Метино и располагавшийся в ней колхоз «Красный май» перевезли в деревню Тушино.

Многие метинцы в последующем переехали жить в Чудово и другие города Новгородской и Ленинградской областей. Сегодня в Тушине живут всего лишь две уроженки деревни Метино.

До 1990-х годов в урочище находилось старообрядческое кладбище — «Жальницкое поле». В наши дни на месте кладбища — карьер, который, судя по всему, уже заброшен.

Когда было уничтожено «Жальницкое поле», сказать сложно. На карте Чудовского района 1995 года в районе урочища Метино условным обозначением отмечено кладбище, но на карте 1999 года — уже карьер. Опрос жителей окрестных деревень не прояснил ситуации: кем и когда было разрушено кладбище.

Как уже было отмечено выше, изучаемый микро-регион до сих пор представляет живой интерес для исследователей. Анализ имеющихся материалов и информации (в том числе полевые записи автора) позволяет определить направления дальнейшего изучения истории деревень старообрядцев-федосеевцев на территории Чудовского района. Думается, что впереди нас ждут новые интересные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

Быков А.А. Никон. Биографический очерк. СПб., 1996. (Репринт издания 1891 года.)
Воскресенская Т.А. Помещения для молений у новгородских старообрядцев-беспоповцев в конце XIX — первой половине XX вв. // Новгородика-2006. Материалы научной конференции 20–22 сентября 2006 года. Великий Новгород. Часть II. 2007. С. 45–52.
Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков. 2002. (Глава 2.4.

Этническая и конфессиональная география северо-запада Российской империи на рубеже XIX–XX вв.).
Мякотин В.А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1996. (Репринт издания 1894 года.)
Федорук Н.С. Старообрядцы Новгородской губернии в XIX в. // Новгородика-2006. Материалы научной конференции 20–22 сентября 2006 года. Великий Новгород. Часть II. 2007. С. 195–210.
Шамаро А.А. Дело игуменьи Митрофании. Лениздат. Л. 1990. С. 4–29.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Покровская церковь в Тигоде (www.countrysite.spb.ru/ISS/Ladoga3.htm#39).
- ² Королькова Л.В. Полевые исследования на территории расселения старообрядцев-русских (бывший Новолодожский уезд) 2004–2006 гг. // Полевая этнография–2006. Материалы международной конференции. Под ред. В.А. Козьмина и др. СПб., 2007. С. 160.
- ³ Полевые записи (ПЗ). П. Самбук. 2003, 2004, 2006 г. Д. Деделёво, д. Кочково, д. Нечанье. Чудовский район. Новгородская область.
Автор благодарит Павла Самбука, любезно предоставившего для ознакомления копии своих полевых записей.
- ⁴ Королькова Л.В. Полевые исследования... С. 160.
- ⁵ Полевые материалы автора (ПМА). В.М. Семёнов. 2007 г. Д. Тушино. Чудовский район. Новгородская область. Шабанова Евдокия Григорьевна (девичья фамилия — Шабанова). 1930 г. р., уроженка д. Метино.
- ⁶ Антон Антонов. Место, куда хочется вернуться // Чудовская районная газета «Родина». 11 мая 2006 года. № 20; Наталья Фильченкова. Судьба // Там же; Геннадий Цуканов. На перепутье // Там же; Владимир Семёнов. Журавли-журавушки // Чудовская районная газета «Родина». 22 ноября 2007 года. № 61; Владимир Семёнов. Мы из нации староверов / Чудовская районная газета «Родина». 27 августа 2009 года. № 56; Светлана Дубовицкая. Метинские журавли // Новгородская областная газета «Новгородские ведомости». 10 октября 2009 года. № 44.
- ⁷ Королькова Л.В. Полевые исследования... С. 160.
- ⁸ Королькова Л.В. Этноконфессиональная карта Новолодожского

- уезда (последняя четверть XIX — первая треть XX вв.) // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгренские чтения: сборник статей. СПб., 2008. С. 88–99. В своей статье Л.В. Королькова приводит карту-схему расположения старообрядческих деревень на территории Новолодожского уезда (рис. 1, С. 97), в которой допущена неточность, может, не столь существенная, но требующая исправления. Деревня Метино на карте-схеме расположена на реке Тигода, хотя в реальности она стояла в верхнем течении речки Меневша.
- ⁹ Федоренко Ф.И. Секты, их вера и дела. Политиздат. М., 1965. С. 45.
- ¹⁰ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Минск, 2007. С. 463–479.
- ¹¹ Королькова Л.В. Этноконфессиональная карта Новолодожского уезда... С. 90.
- ¹² Покровская церковь в Тигоде (www.countrysite.spb.ru/ISS/Ladoga3.htm#39).
- ¹³ ПМА. В.М. Семёнов. 2009 г. Д. Деделёво, д. Кочково, д. Нечанье. Чудовский район. Новгородская область.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Королькова Л.В. Этноконфессиональная карта Новолодожского уезда... С. 92.
- ¹⁶ ПМА. В.М. Семёнов. 2007 г. Д. Тушино.
- ¹⁷ ПМА. В.М. Семёнов. 2009 г. Д. Деделёво, д. Кочково, д. Нечанье.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ПЗ. П. Самбук. 2006 г.
- ²⁰ ПМА. В.М. Семёнов. 2009 г.

Альманах на своих страницах неоднократно обращался к персоне Петра I и событиям петровской эпохи. Несмотря на то, что этот исторический период весьма важен в развитии и становлении Российского государства, до сих пор некоторые значимые вехи оставались малоизученными или же неверно интерпретированными. Автор, углубляясь в исследование петровской России, вскрывает и анализирует источники, проливающие свет на события, повлиявшие на ход истории на рубеже XVII—XVIII столетий. Новые данные позволили автору воссоздать более содержательную историческую картину и вместе с тем выявили неясные моменты государственных интриг, по сей день покрытых завесой тайны.

М.Ю. Данков

ЛЮБИМАЯ ЯХТА ЦАРЯ ПЕТРА

Запад приоткрыл глаза на иной стиль жизни царю Петру лишь в годы «Великого Посольства» (1697—1698 гг.). Русский государь дотошно вникает в причуды европейского быта, посещает мануфактуры, «военные и торговые суда... ездит к корабельным мастерам». Осмотрев и освоив Голландию, Пётр решает продолжить «учебу по архитектуре фрегатов» в Англии, «дабы корабельному строению... обучиться... основательнее». Там же монарх получит в дар от английского правителя загадочный парусник «The Transport Royal»¹. В дальнейшем судьба легендарной яхты любопытным образом переплетётся с малоизвестной историей Русского Севера.

Поездка молодого монарха на острова состоялась по приглашению Вильгельма III Оранского, короля Англии и штатгальтера Голландии. Хотя об изящном корабле «The Transport Royal», возведённом в 1695 г. по чертежам лорда Кармартена (Peregrine Osborne, Marguis of Carmarthen), царь впервые услышал в ноябре 1697 года, в Амстердаме.

Мечта «заполучить» быстроходное судно заставила Петра послать с «закрытой» миссией в Лондон доверенного человека, майора Преображенского полка Адама Вейде. Обмолвись, именно А.А. Вейде в 1714 году, уже в чине генерала, стал одним из героев сражения при Гангуте. В исследовании мы будем опираться на архивные «выписки» исторических документов, опубликованных С.И. Елагиним. К сожалению, исследователи петровской эпохи на протяжении полутора столетий игнорировали архивные списки, расширяющие представления о российско-английских отношениях на переломе XVII и XVIII столетий.

Царский «Наказ об отправлении к английскому королю Вильгельму III» от 28 ноября 1697 года предписывал «сметливому» разведчику: «Ехати... из Амстердама в английскую землю... приватным обычаем». Посланник наделялся чрезвычайными полномочиями и обладал «соответствующим листом», с обязательством вручить депешу лично адмиралу П. Кармартену, проектировщику яхты «The Transport Royal», которая готовилась в подарок русской делегации. Вейде поручалось расспросить о будущем капитане корабля, выяснить, когда судно будет послано в Голландию, предписывалось поздравить Кармартена от имени великого и полномочного посла, генерал-адмирала Ф.Я. Лефорта. Молодого царя волновала не только техническая сторона дела, относящаяся к яхте, «и буде

мочно того корабля посмотреть, а осмотра записать». Его занимал также юридический аспект предстоящей передачи Московскому государству лучшего судна Англии. В «Наказе» царь требует выяснить, «с кем имянем и от королевского лица, или от парламента он учинен и по какому предложению или ведомости, о том о всем проведав записать имянно». Дополнительно А. Вейде имел на руках письма за подписью Лефорта и «Проезжую грамоту», датированные 28 ноября 1697 года². Прибыв в Лондон, агент «по приватным поручениям» поразился не только яхтой, но масштабом и технологичностью судового дела, уровнем корабельного искусства. В РГАДА сохранилось несколько депеш майора из Лондона царю, в т. ч. письмо от 10 декабря 1697 г.³ Особый интерес представляет корреспонденция, похожая на донесение «промышленного шпионажа» от 14 декабря: «В том же месте, где фрегат... делают и иных многих кораблей и всяких судов... во всем чище и статнее голландцев... да смотрел... цейхауз, доношу что другого такого нарядного и богатого во всех немецких краях не видывал, пушек и всякого воинского ружья всегда здесь опричь расходов на 100,000 в запас готово, такожде и иных добрых вещей...». Также достойна внимания резолюция майора Преображенского полка, окончательно убедившая царя совершить тур: «...доношу кратко, что город Лондон достоин смотреть». Долгое время исследователи придерживались ошибочной версии, что Пётр с соратниками отбыл из Голландии «в английскую землю» на королевской яхте «The Transport Royal». Однако представления вызваны недоразумением. Действительно, 11 или 12 декабря 1697 года планировалось отправить в Амстердам «корабль и яхту для Царского Величества». Миссия Вейде в том числе заключалась в организации царского рейса. Но предприятие «на том не состоялось». Основной причиной срыва «якобы» явилась «ведомость», что «устья голландские замерзли». Между тем более существенным поводом, блокировавшим выход королевской яхты за русским государем, стоит назвать ремонтные работы на паруснике. Корабль «The Transport Royal» находился «в отделке», и как 4 декабря 1697 года сообщал Вейде: «...еще не дели в 3 не может готов быть».

В начале января 1698 года король Вильгельм послал на континент эскадру в составе двух английских военных кораблей «Йорк» и «Ромни» с тремя судами сопровождения

под командованием вице-адмирала, сэра Дэвида Митчела.

Свита царя, «валентеров 16 человек», состояла из служащих посольства, а также друзей «по марсовым потехам», в том числе казначея А. Меншикова, полковника Я. Брюса, доктора П. Постникова, переводчика П. Шафиров, лекарей И. Термонта и И. Левкина, поваров Я. Пенюгина и О. Зюзина. Великие послы Ф.Я. Лефорт, П.Б. Возницын и Ф.А. Головин остались в Голландии. Лишь весной по требованию царя Фёдор Головин, «толстый комиссар», как его звала курфюрстина София-Шарлотта, со священником И. Поборским и подьячим И. Чернцовым прибыл в Англию. Депеша Лефорта на «ломанном русском языке» сообщает: «Товарис мое Феодер Алексеевич кочет мене пакидать и у Англеска земли быть по указе твоя». На наш взгляд, интерес царя к яхте «The Transport Royal» связан с напыщенной реляцией от ноября 1697 г. лорда П. Кармартена послу Ф. Лефорту⁴.

Отметим, Кармартен являлся не только финансистом и конструктором яхты, он одновременно принадлежал знаменитому роду Демби и являлся сыном герцога Лидского. В отписке 9 ноября 1697 г. «искусный мастер морского дела» убеждал: «Не сомневаюсь, что сей корабль, хотя малый вручен будет Вашему Царскому Величеству в своем довольном совершенстве». Лихой адмирал навязывает преимущества яхты: «...мое намерение в строении сего корабля не токмо было пригожество и удобность, но и дабы и спешно ходом и сильнее был, нежели иные корабли, которые того величиною превосходят». Без ложной скромности маркиз хвастался: «Сей корабль, кроме образования тела корабельного, разствуется... от иных кораблей, которые прежде сего строены... для того желаю, дабы к Вам в... совершенности вручен был, как назначено».

Прекрасно осознавая важность «капитанства», маркиз убеждал Петра, кроме В. Рипли, оказавшегося в опале правительства «чрез несправедливые обличения отставлен был», в Англии подобрать капитана невозможно. Даже «якобы» воровство корабельных запасов и зверства над экипажем, которые «ненависть объявили», не помешали ему дать характеристику: «...один есть, который сему художеству моего изобретения совершенно научился и образ делания и управления парусов знает». Конструктор доказывал, когда на «The Transport Royal» адмиралтейство определило другого капитана (возможно Swiftsure — **М.Д.**), также искусного «в морских делах», всем стало ясно: «сей корабль не толь добро стал ходить». К тому же, лоббирование мореходца и одновременная апелляция к русскому царю и английскому королю подвергали самого Кармартена опасности. Интригуя, он «ставил на кон» своё благополучие: «...король мой... сей указ дал, чтоб никакой начальник на том корабле поставлен не был, кроме того, кому Вы изволите приказать». В результате Кармартен пустил в ход последний аргумент — раз он «изобретатель сего корабля», то имеет право свидетельствовать: «...никто иной неугоден» и «властности сего корабля больше не знает». До сих пор тема «продвижения» капитана Рипли, а не своего детища, вызывает смутное недоумение.

Во многих отношениях Перегрин Кармартен у русских дипломатов вызывал живой интерес, а порой даже трепет. Это вскоре подтвердилось при заключении сделки на льготную торговлю «Виргинским» табаком в России. Через Кармартена, своего рода «агента влияния», и его яхту была предпринята попытка «экономически захватить» рынок «травы никоцианы» в России. Английские

предприниматели объединились в компанию «The Tobacco Adventure to Russia».

Представляется, «The Transport Royal» перешёл в руки Петра не бескорыстно, а в обмен на жалованную грамоту, дающую право Кармартену с малой пошлиною торговать американским табаком в Москве. Потребовался месяц для уточнения условий торга между «великими послами» и английским адмиралом. «Сей договор состоялся» лишь 16 апреля 1698 года. Тогда же созданный текст документа «4-го марта того ж года», скреплённый «печатами российских послов», дипломатами был уничтожен⁵. Сделка имеет приоритетное значение для оценки взаимоотношений двух государств на переломе столетий. И пожалуй, несправедливо вслед за В. Ключевским считать оборотистых иностранных негоциантов «отбросами мира».

Находясь в «денежном цейтноте», царь возжелал пополнить опустевшую казну русского посольства. Ситуация вынудила заключить с Кармартеном контракт на 28 000 английских фунтов стерлингов. Лондон обязывался в течение семи лет ввозить для продажи в Россию 10 000 бочек табака по 500 фунтов ежегодно, с пошлиной в 4 копейки с фунта⁶. Контракт гарантировал аванс в счёт будущих платежей в сумме 12 000 фунтов стерлингов. «Предоплата» в погашение пошлин с учётом обменного курса английского фунта равнялась 28 800 рублей.

Царь и окружение радовались сделке, о чём свидетельствует реляция Ф. Лефорта из Голландии: «По указу твою грамоту не отпирали, докамест 3 кубка великие выпили, а после читали и 3 раза еще пили... Воистину, по моему делу доброе». Что касается морального аспекта сделки, она, безусловно, осуждалась Православной Церковью. Ещё в 1634 году царь Михаил Фёдорович под угрозой смерти запретил табак как «богопротивное зелье». Государь не только нарушил традиционные устои консервативной державы, но, вернувшись в Москву, издал указ: «...чтобы патриарх в табашные дела не мешался. Он при мне блюстителъ только веры, а не таможенный надзиратель». Таким образом, ещё не появившись в водах Северной Двины, яхта «The Transport Royal» оказалась политической «заложницей», оказывающей влияние не только на судостроительную культуру Московии, но и на ментальность российского общества.

Осенью 1697 года Лефорт через канцелярию выездного посольства получил документ, свидетельствующий о профессиональной пригодности английского лорда-корабеля. Депеша «некоего» П. Шаслупа, чиновника английского короля и одного из служащих Кармартена, датированная 9 ноября, содержит начальную характеристику адмирала и капитана Рипли⁷. Вызывает восхищение хвалебный отзыв о конструкторе «The Transport Royal». Реляция сообщает: «Он милорд маркиз фон-Кармартен есть токмо единая особа из всей Европы, который совершенство в знании строения кораблей имеет». Там же утверждалось о неуёмном стремлении Кармартена изучать корабельное дело, в котором «король почасту ему сам удивлялся». Сообщалось о победе «на бою Лагогском», где маркиз как флотоводец сжёг 9 французских кораблей и захватил оставшийся караван судов.

Что касается яхты «The Transport Royal», то впервые записка сообщала, «та фрегата есть собственной его (Кармартена — **М.Д.**) работы». Тем не менее, прибыв в Англию, Пётр не сразу увидел обещанный корабль. Сначала он познакомился с проектировщиком судна, который удивил

царя молодым возрастом и обширными техническими познаниями. П. Кармартен напоминал Ф. Лефорта и всегда соглашался составить государю «бражную компанию». Их часто вместе с Меншиковым встречали в таверне на улице Грэйт Тауэр, позже переименованную в честь русского монарха в «King's Road Street». Согласимся, англичанин сделал много, чтобы Пётр почувствовал себя в Лондоне комфортно. Помимо любви к брэнди, Петра сблизил с маркизом высокий интеллект англичанина и то, что тот «прекрасный моряк и талантливый конструктор».

Через месяц после прибытия царь, «чтобы довершить свои познания в кораблестроении и из простого плотника стать ученым мастером», переехал на королевскую верфь в Детфорте, в небольшой городок на правом берегу Темзы.

Что касается самой яхты, то в литературе и ныне допускаются обидные неточности, в т.ч. распространяются небылицы о мифической английской судостроительной компании «Transport Royal». Отечественные материалы вообще не сохранили сведения о судне, за исключением сноски А. Вейде о «длине яхты в 75 футов», что в пересчёте составляет 22 м 86 см.

Чтобы восполнить пробел, воспользуемся не переведённой на русский язык информацией о технических характеристиках корабля, содержащихся в английских архивах. Яхта VI ранга «The Transport Royal», отстроенная к осени 1695 года в доке Чатама (Chatham) судостроителем Р. Ли (Robert Lee), относилась к классу ранних шхун (schooner). Хотя термин «шхуна» появился много позже, в 1713 году. Книга учёта лондонского адмиралтейства предлагает следующие «размерения» парусника: длина по пушечной палубе 90 фут., длина горизонтального киля 75 фут., ширина корпуса 23 фут. 6 дюймов, осадка судна 9 фут. 9 дюйм., водоизмещение составляло 220 тонн. Экипаж 18-пушечного корабля состоял из 100 человек, а суммарная стоимость судна обошлась владельцу в 2675 фунтов стерлингов.

Что касается артиллерийского парка яхты, современный государь Нартов утверждал: «...прекрасная яхта новая, о двадцати четырех пушках вооруженная». В свою очередь «маеор» А. Вейде настаивал: «...да будет на том фрегате 20 медных пушек». Оказывается, при спуске на воду Адмиралтейство считало на яхте 18 орудий, при 12 пушечных портах, по шесть с борта. К 1698 году число стволов выросло до 20, из них смонтировали 12 шести-фунтовых пушек с калибром 95 мм и 8 трёхфунтовых фальконетов, имеющих калибр 76 мм. Между тем «дальнейшие изменения, которые царь может требовать», заставили Кармартена в 1697–1698 гг. существенно видоизменить облик корабля. Безусловный технический интерес представляют сведения Адмиралтейского архива, опубликованные Публичной библиотекой Лондона (Public Record Office), которые ввёл в научный оборот современный английский исследователь В. Райан. Для усовершенствования яхты Кармартен, с подачи короля, 21 декабря 1697 года отбуксировал парусник в док Дептфорда. Тогда же на борту срезали резьбу и вновь окрасили корпус. Согласно инструкциям Адмиралтейства, отправленным в палату Военно-морского флота 4 ноября и 2 марта 1697–1698 гг., судостроители значительно переделали мачты, изменили площадь парусов и рангоут. Однако неизвестно, был ли установлен фальшкиль для улучшения ходовых качеств и извлечена грот-мачта для

перемещения фок- и степс-мачты, о чём мечтал любитель корабельных экспериментов П. Кармартен.

Отметим с определённой, в момент похода на Русский Север по «скандинавскому кольцу» яхта имела две традиционные грот- и фок-мачты «с гафелем» и была вооружена 20 орудиями⁸. В этом смысле ценно замечание корабельного мастера И. Синявина, который в корреспонденции «к государю с Сяского устья» сообщал 18 апреля 1703 г.: «...один корабль снастим безаном, а другой хотим сделать с гафелем как было на Транспорте для того, что корабли широки да коротки...».

«The Transport Royal» являлся фактически гафельной шхуной с небольшой гальонной частью и кормой типа «пинки». Судно обладало особой формой корпуса с вдавленной внутрь днищевой частью, увеличивающей нижнюю площадь корабля при крене, а значит, и боковое сопротивление при дрейфе. Ныне тиражируемое изображение «The Transport Royal» известно по рукописи первой четверти XIX века Н.А. Бестужева, посвящённой «истории русского флота... с древнейших времён до 1714 года», опубликованной лишь в середине XX столетия. Хотя очевидно, сам рисунок заимствован из труда С.Н. Елагина.

Наконец, 11 марта 1698 г., как сообщает вахтенный журнал, хранящийся в фондах Национального морского музея в Лондоне: «Принц Александр (А.Д. Меншиков — М.Д.) прибыл на борт с... Рипли... чтобы отстранить капитана Морриса, разоружить команду и передать командование кораблем капитану Рипли». Итак, после обещаний и мытарств, царю наконец-то преподнесли королевский дар — яхту «The Transport Royal», которая будоражила государево воображение. Корабль отличался не только убранством и внутренней, поистине царской отделкой, но также, что было для государя более значимо, великолепными морскими ходовыми качествами и совершенной конструкцией. Пётр сразу же встал к штурвалу и вывел судно на Темзу. В дальнейшем государь регулярно совершал подобные походы на полюбившемся корабле.

6 мая 1698 года царь решает покинуть пределы гостеприимного королевства. Посетив Тауэр и Лондонский монетный двор, государь навсегда прощается с королём Англии. Ранней весной 1702 года, когда задумывалось перемещение войск к Нотебургу по «Осударевой дороге», к тайнам которой причастна яхта, король Вильгельм, не удержавшись в седле, падает с лошади, ломает ключицу и вскоре умирает.

Тем временем «The Transport Royal» с остановками стал совершать «эволюции». Сначала Пётр приказал бросить якорь в Вулидже, где часто бывал в лаборатории Арсенала, наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отведывал метания бомб». Затем судно «под прикрытием нескольких военных кораблей» в сумерках достигает Грэйсайда и вновь встаёт на якорь. «Transport» сопровождался флагманским кораблем «York» и судном «Greenwich», а также яхтами «Fubbs», «Henrietta» и «Catherine». Утром под прикрытием судна «Peregrine» теперь уже царский корабль направляется через Дуврский пролив на континент. Сохранилось поразительное впечатление Петра I о пребывании в «туманном Альбионе», которое многого стоит: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским».

Таким образом, «в мае месяце Петр Первый прибыл из Англии наки в Голландию». О некоторых сюжетах перехода

яхты сохранились замечания английского инженера Дж. Перри (John Perry), которого завербовал царь, чтобы соединить каналом через Волгу и Дон Каспийское и Чёрное моря. По его воспоминаниям, «построенный наподобие фрегата... 24 пушечный... королевский транспорт (The Royal Transport) являлся одним из самых красивых и лучших судов Англии». Ведь яхта специально предназначалась «для морских переездов короля в военное время». Любопытно, Пётр за четыре дня до отъезда «заключил» с английским мастером «условие», по которому строителю «приказано... сопровождать Е.В. на яхте до Гельверфлюса (Helfverflue — **М.Д.**), а оттуда до Амстердама».

С осени 1697 г. до весны 1698 г. царь завербовал и отправил в Московию около 900 человек «всевозможных мастеров, от вице-адмирала до корабельного повара». Для транспортировки людей и грузов использовалась целая флотилия «зафрахтованных кораблей», в том числе судно «The Transport Royal». Для безопасного похода в северных морях на «The Transport Royal» по наказу государя определили штурмана с оплатой в 40 фунтов стерлингов, а саму яхту прикрывал входящий в эскорт военный 24-пушечный корабль «Flamborough».

Тем временем два судна с наёмными специалистами, в том числе Перри и «шутным мастером Выбе Геренсом», прославившим вскоре Олонецкую верфь, и «корабельным мастером Яном Деном» в июне 1698 года пришвартовались у пристани Нарвы. Однако основным пунктом приёма европейцев стал порт на Северной Двине. В «Донесении» государю архангельского воеводы М. Лыкова сообщается, что иноземцы с вице-адмиралом К. Крюйсом «на трех кораблях... в нынешнем 206 году (1698 г. — **М.Д.**)... з голландской земли из Амстердама... пришли с моря двинским березовским устьем к Архангельскому городу августа в 3 числе».

Другой документ «Роспись начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама...» указывает на более ранний арктический караван, который 3 июня 1698 года в составе четырёх судов пришёл в Архангельск. Среди добровольцев на этих кораблях прибыли Питер фон Памбурх и Ян Валронг, неординарные капитаны вскоре легендарных фрегатов «Сожествия Святого Духа» и «Скорый гонец», построенных «на Соломбоне», по подобию английской яхты «The Transport Royal». Согласно очередному свидетельству «Отписке с Двины... воеводы Лыкова к околичному Протасьеву» отмечается, что на «английском корабле... июня 18 дня 1698 года» прибыли «иноземец лекарь Болдвин Андризон, да корабельный мастер Осип Най».

Однако попытаемся ответить на вопрос, когда царская яхта «The Transport Royal» пришвартовалась к портовой стенке Архангельска. Кто в реальности был первым капитаном корабля? Какие персоны на борту парусника прибыли в Россию? Согласно архивным свидетельствам, полюбившийся царю корабль уже 9 июня 1698 года, несмотря на то, что рейс был «отмечен очень смешанной погодой, включая бури и туман», вошёл в воды Северной Двины. О появлении парусника свидетельствует архивное дело «О приёме Ф. Тиммермана в Архангельске подаренной Петру I Английским королем Вильгельмом III яхты 1698»⁹.

Документ сообщает о командировке к Белому морю голландского баллистика Ф. Тиммермана: «...а у города велено ему принять судно, которое прислано будет из-за

морья». И далее: «...июня в 9 день пришел с моря к Архангельскому городу из английской земли его В.Г. корабль». Текст «Отписки» содержит имена: «...а на том корабле капитан Вильям Рипли, поручик Ян Косен, служивых и начальных людей разного чина иноземцев 110 человек». Укажем ещё один документ, хранящийся в РГАДА: «Дело о выезде в Россию из Англии яхты „Королевский транспорт“ с капитаном Вильямом Гупле»¹⁰. Рукопись датирована 10 июня 1698 г. и соответствует времени прихода парусника в Архангельск. Заметим, традиция русских канцелярий позволяла писарям вольно отмечать фамилии иноземцев (Рипли—Гупле), что приводило к их искажению.

Так или иначе, но судьба капитана В. Рипли на новой родине трагически оборвалась ровно через год. Патрик Гордон в депеше государю от 28 июня 1699 г. заявил: «...июня в 24 день (Рипли — **М.Д.**) с утра пешком пошел с двора и без вести пропал». Генерал опасался самоубийства Рипли: «...потому что он долгое время был меланхоличен и часто желал смерти». Действительно, через неделю тело моряка «июля в 1 день... нашли в реке Яузе между городком и лебяжьим двором в платье и в сапогах, только кажется в затылке и на правой руке будто ударен». О деталях убийства, грабежа и похорон капитана яхты узнаём из следующих писем П. Гордона: «...июля в 7-е в землю его зарыли». Так бездарно, истинно «в русском стиле», оборвалась жизнь «зело дивного человека», первого капитана царского корабля «The Transport Royal», имеющего предпосылки стать одним из лучших моряков России начала XVIII столетия.

И всё-таки сведения документов находятся в диссонансе с «Росписью иноземцев, прибывших из Англии в Архангельск на Государевой яхте». Речь идёт о своеобразной «судовой роли», дающей иное представление о команде корабля. Документ вносит сумятицу в вопрос о командовании «The Transport Royal» на переходе в Россию. Неоднозначный текст «Росписи» позволял предположить, что капитаном английской яхты мог быть Я. Бекман (John Becham), вскоре себя прекрасно зарекомендовавший в Азове и Воронеже, о чём ему было «несрамно объявить всему свету». «Роспись» сообщает, что на «государевой яхте» среди иноземцев находится английский капитан Ян Бекман. Английский исследователь А. Cross подтверждает этот факт. Думается, речь идёт лишь о присутствии капитана Бекмана на борту яхты в качестве пассажира. Недоразумение позволило современному историку петровской эпохи Ю.Н. Беспятым, вслед за Ф.Ф. Веселого, однозначно утверждать: Я. Бекман весной 1698 г. прибыл в Архангельск в чине капитана 20-пушечной яхты «The Transport Royal». Исходя из «Росписи иноземцев...», помимо Бекмана в команде находились англичане, поручик и три квартирмейстера с «жалованьем по 2 руб. 23 алт. 2 денги», один «столяр англичанин жалованье 2 рубли», а также «матросов: англичан 62, грек 1, жалованья по 2 рубли 16 алтын 4 денги».

На переходе к Архангельску яхтой, безусловно, управлял капитан В. Рипли, за которого «столько копий» в Лондоне сломал лорд П. Кармартен. Одновременно укажем мнение Д. Гузевича: «Бекман был не первым капитаном Royal Transport, а вторым». Таким образом, хотя «флота капитан» Я. Бекман, готовый за государя «последнюю каплю крови пролить и источить...», находился на борту и, очевидно, входил в команду, считать его капитаном яхты — историческое заблуждение.

«The Transport Royal» доставил на Сев. Двину мощную интернациональную когорту специалистов, уже получивших в Европе фавор. Среди иноземцев находился крупный математик, профессор Марисчалского колледжа в Абердине (Marischal College, Aberdeen) Г. Фарварсон (Henry Farguharson). Вместе с коллегами С. Гвином и Р. Грэйс он являлся выпускником Christ-Church Hospital Оксфордского университета. Незначительный инцидент, случившийся перед «поездом», не способен испортить впечатления о взаимоотношении учёного с государем. Г. Фарварсон пошёл на скандал, чтобы получить от купца А. Стейлса «поручную», своеобразный страховой полис на время плавания. Это обычная практика, в случае, если «*корабль разобьёт или потонет, или какое бещастие случится, чтоб ему те деньги... взять можно*». Позднее А. Нартов, указывая Фергусон, «*первый учредил математическую, навигационную и астрономическую школу*» в Москве, а с 1715 года — Морскую Академию в Петербурге. За исключительные познания в математической науке А. Курбатов и Л. Магницкий считали профессора «*славным*». Мы же отметим факт, А. Фарварсон и С. Гвин, скорее всего, учитывая опыт строительства «Осударевой дороги», разработали к 1705 году проект строительства пути между Петербургом и Москвой. Было предложено обустройство почтовых станций или ямов, «*на расстоянии 4 или 5 миль одна от другой*». Трасса, «*стоившая громадных издержек*», была завершена в 1718 году, и «*путешественники выиграла расстояния более 30-ти миль*».

На борту «The Transport Royal» находились художники, офицеры, мастера корабельного дела, морские специалисты, в том числе майор Леонгард ван дер Спам, который в мае 1698 года получил гонорар, почти 200 ефимков, «*за чертежи английских кораблей и за разные издержки*». Есть основания полагать, что среди «контрактников» с «The Transport Royal» в Россию прибыл известный голландский гравёр, «*искусный живописец и резчик*» Адриан Шхонебек, принятый в службу по прошению от 30 декабря 1697 года¹¹. Кстати, в августе 1702 года родоначальник школы «русского офорта» преодолел с царём «Осудареву дорогу».

В целом же состав прибывших иноземцев позволяет рассматривать появление «лондонской» яхты на Русском Севере как феноменальный пример «культурологического мышления» российского правительства на рубеже XVII—XVIII вв. Однако в Московии корабль ожидала целая серия новых испытаний на прочность.

Трудно обвинять царя Петра в крайностях, но согласимся, решения этого времени порой принимались импульсивно. К подобным акциям относится фантастический проект по «переброске» корабля «The Transport Royal» по системе рек и озёр с Северной Двины сначала в Ярославль, а затем далее на юг — для включения в состав Азовского флота. С этой идеей в мае 1698 года в Архангельск прибывает из Москвы инженер Франц Тиммерман. Ему вменяется «*то судно взять водяным путем до Вологды, а с Вологды спроводить до Волги реки и поставить под Ярославлем в пристойном месте*». Парадокс заключается в том, что «сквозной» водной артерии не существовало, а обустройство Волго-Донского канала только планировалось. Задание обязывало Тиммермана организовать перевод «The Transport Royal» в Чёрное море. В нашем распоряжении находятся эксклюзивные письма к царю двинского воеводы Н.К. Стрешнева, датированные первой половиной

мая 1698 года. Из анализа реляций следует неожиданный вывод: проект транспортировки корабля был предложен до появления «The Transport Royal» в Архангельске. В первой корреспонденции боярин Стрешнев сообщает: «*...подарил тебя судном английский король изрядным... как то судно придет на Вологду и то б судно перетасить в озеро Кубенское и реками... в Волгу*».

Вскоре, 6 мая, в день «ухода» яхты из Лондона, воевода сообщает царю из Москвы о планируемой операции как о решённом деле: «*...судно английское... перепроводить чрез Кубенское озеро в Волгу, и... до Вологды спроводить в целости, а с Вологды... вадить в Волгу, а какими местами... чертеж послан...*». Подготовка акции по «амбаркадированию» яхты состоялась в рекордные сроки, свойственные петровской эпохе. За месяц были улажены вопросы, связанные с «*провождением*» военного парусника вглубь континентальной державы. Исходя из письма Стрешнева от 15 июля 1698 года к государю, следует: «*...судно английское от города отпущено и Франц Тиммерман на нем, да на том же судне иноземцев 26 человек*». Далее двинского воеводу заботит: «*...а почему им давать денег и о том ко мне не писано от Вашей милости...*». То ли из-за спешности проекта, хотя, скорее, «*за мелководьем рек предложение это не осуществилось*».

Американский историк Р.К. Масси считает: осадка «The Transport Royal» достигала 8 футов (2 м 43 см — **М.Д.**), поэтому корабль «не дошёл даже до Волги». Стоит заметить, глубина устья Невы также не превышала в то время восьми футов, что приводило к необходимости перетаскивать корабли в Кронштадт «*посредством канатных приспособлений*», так как в снаряжении суда не могли подниматься по реке.

В тексте упоминаемой «Отписки к Государю...» от 9 августа 1698 года, составленной Ф. Тиммерманом «*о препровождении им из Архангельска до Холмогор присланной из Англии яхты...*», вносится ясность в причины провала проекта. Оказывается, из-за мелководья судно по Сев. Двине не смогло достичь даже Холмогор. Тем не менее, желая исполнить указ и одновременно боясь навредить «государев гнев», организаторы использовали замечательную методику. При проводке яхты поморы совмещали «дедовский» опыт с западноевропейской традицией. Тиммерман «*со товарищи*» применил оригинальный «понтонный метод» — «*попытали ладить... снасти разные на барки строить, чем приподнять... В.Г. яхту и приподняли ее в 2 накона, слишком полторы английской ступени*». В таком экзотическом виде 21 июля 1698 г. корабль, окружённый сложной конструкцией «*барок*», отправился вверх по реке. Едва достигнув Спасского монастыря, в 7 верстах от Холмогор парусник сел на мель. Доверенное лицо царя оправдывается: «*...и тут на песках всего воды на четырех ногах без двух пальцев, а яхту всего порожку ходу надобно семь ступеней три пальца и никакими силами невозможно в том месте проводить*». Тогда же Тиммерман распорядился «*поставить яхту на Холмогорскую городовую сторону*» напротив реки Курьи. Отметим, в Курейской волости у Холмогор, но ранее, в 1556 г., зимовало другое знаменитое английское судно — пинасса «Серчерифт» арктической экспедиции Стивена Барроу. В этой связи поражает ремарка из письма английского кораблестроителя Дж. Дена (Dean J.A) от 8 марта 1698/1699 г. П. Кармартену. Российским историкам текст депеши, отправленной из Москвы, неизвестен: «*...я показывал...* (Пет-

ру I — М.Д.) модель машины для перетаскивания яхты „Рояль Транспорт” на Волгу и уменьшения осадки на 17 дюймов; он был доволен». Оказывается, ещё в Лондоне государь консультировался о возможной транспортировке яхты «The Transport Royal» из Белого в Чёрное море.

Тем временем Тиммерман предложил Петру законсервировать корабль и ожидать осеннего половодья, либо «со всяким бережением до вешней воды». Пытаясь не огорчать царя, «распорядитель» стремится его успокоить: «...а жители здешние сказывают, что в то время воды велики бывают и вверх ту яхту проводить можно завозом и парусом».

«Отписка» позволяет сделать ещё одно наблюдение: «А здесь на яхте остались капитан Вилим Рипли, да с ним разных чинов 29 человек». Тем самым подтверждается факт: Рипли действительно являлся капитаном яхты «The Transport Royal». В свою очередь, положение элитных иноземцев, оказавшихся в плену речного мелководья, было не столь комичным, сколько печальным. Во всяком случае Тиммерман настойчиво требует выдать экипажу хоть какое то жалование: «...чем кормиться им... впредь не знаю... а об жалованьи месячном без твоего В.Г. указа ничего не дадут, а им в осень и в зиму шубы и платье надобны».

Вскоре многострадальный парусник перешёл под управление датчанина И.Э. Избранта, комиссара Приказа адмиралтейских дел, исполняющего обязанности экипажмейстера Соломбальской судостроительной верфи. И тут же возник очередной виток напряжённости. Скандал инспирировал «не чистый на руку» ближний стольник и Двинский воевода Василий Ржевский. Его перу принадлежит «Двинский росписной список» от 2 февраля 1702 г., который сообщает о «заморском корабле... в Курейской волости, который прислан из Английской земли». Документ причудливым образом вылился в донос: «...в прошлом 206 году (с 1 сентября 1697 г. по 1 сентября 1698 г. — М.Д.)... с того корабля пушки, машты, трансы и парусы, и всякие карабельные снасти обкрали иноземец инженер Фряс Тиммерман». Сейчас трудно представить, что в действительности произошло. Однако не инженер Ф. Тиммерман, а воевода В. Ржевский, которого адмирал Ф.А. Головин называл «сумазбродный дурак», летом 1702 года получил от государя нагоняй и серьёзное взыскание.

В этой ситуации иноземец Е. Избрант принял у приказчика М. Барса «тот карабель той в реке Курье» с мелким ружьём: мушкетами, мушкетонами, пистолетами и копьями, а также с иными мелкими припасами. Одновременно «для досмотру» яхты «The Transport Royal» была выставлена стража из двух человек. Позже, по царской грамоте Указом приказа Адмиралтейских дел, тому же В. Ржевскому от 19 марта 1702 г. поручалось «торговому человеку немецкой слободы» Избранту «строить корабли», с предписанием «да что у Города корабль Транспорт... со всякими припасы отдать ему жь, Елизарью». Однако «раскрутка» странных событий, связанных с пребыванием удивительной яхты на Русском Севере, лишь начиналась. Пришвартованное у стенки Соломбальской верфи судно весной 1702 года, очевидно, сыграло роль живого макета, в момент строительства фрегатов «Соещества Святого Духа» и «Скорый гонец».

Отечественная историография на протяжении столетий связывает суда, а также яхту «The Transport Royal» с беспрецедентным в 1702 г. походом войск Петра и «легендарным» волоком фрегатов по землям Карелии, названным

«Осударевой дорогой». Между тем летописные сведения о транспортировке «по сухой настилке» кораблей не подтверждаются ни одним прямым архивным источником. Исключение составляет «Челобитная поморов», недавно обнаруженная питерским историком П. Кротовым. Однако документ не опубликован в полном объёме и требует дополнительных размышлений. Тем не менее, многие современные исследователи продолжают находиться под завораживающим впечатлением фольклорных известий.

Считается, малые фрегаты возводились «у города Архангельска английскими мастерами в 1702 году»¹². Существуют известия, что корабли «сработаны» под началом И. Скворцова и Г. Меншикова. Но предпочтительнее мнение историка П. Кротова: «фрегаты строились под руководством... рядовых... Преображенского полка И. Немцова, Ф.П. Пальчикова и Л.А. Верещагина...». Добавим, в строительстве участвовали также англичанин Я. Валронг и голландец П. Памбурх — капитаны малых фрегатов. 24 мая 1702 г. царь спускает суда на воду, о чём лаконично сообщает Ф.М. Апраксину. Начинается подготовка «тайного похода» русской армии к стратегической линии Ладога—Нева—Балтика. Государь пребывает во власти задуманного тайного перевода пяти батальонов лейб-гвардии от Белого моря к Повенецкому рядку и далее водой к шведскому Нотебургу на Ладоге.

«В четверг», 5 августа 1702 г., эскадра К. Крюйса в составе 10 кораблей с войсками отбывает к Соловецкому архипелагу, а далее к Вардегорскому мысу, месту старта «Осударевой дороги». Очевидец выхода кораблей в Белое море, дьяк Посольского приказа М. Родостамов, сообщил 8 августа 1702 года: «Я, последний служитель, проводил... изрядный караван... на самое морское устье... и по вечеру... пошли паки в шлюпках на корабли, друг друга утреждающая, в путь свой, радуясь».

Во флотилию входило четыре отечественных и шесть иностранных купеческих судов. Это флагманская яхта «The Transport Royal», малые фрегаты «Соещества Святого Духа» и «Скорый гонец», только что спущенные на воду, а также яхта «Святой Пётр». Царь с двенадцатилетним Алексеем Петровичем и «близкими», среди которых выделялся гофмейстер А. Меншиков, расположился на «The Transport Royal». Заметим, на любимом корабле царь не бывал с лондонских времен. По сообщению участника экспедиции голландского резидента Фан-дер-Гульста, путь до Соловецкого монастыря был «под парусами... посреди множества подводных камней... трудный и опасный».

«The Transport Royal», стоявший «на приколе» в Соломбале, очевидно, прекрасно себя показал в морском рейсе. Царь с благоговением относился к судну Кармартена, он прекрасно знал ходовые качества, запас прочности, конструктивное совершенство и простоту управления парусника возведённого на Темзе. Скорее всего, в беломорском переходе государь сам стоял у штурвала «абсолютного» корабля. До 16 августа 1702 года Пётр с сыном каждый вечер из монастырской обители архимандрита Фирса возвращался ночевать на любимую яхту к Заяцкому острову.

Через сутки осударева яхта во главе флотилии прибыла к о. Рислуда, у Пономаревой горы. Суда бросили «якорь» на рейде Вардегорского мыса напротив «Нюхоцкого Соловецкого усалья». После драматического ночного десанта гвардии и разгрузки трюмов с «зельем... пушечными припасами», провиантом и снаряжением войска Петра встали на легендарный волок. Яхта «The Transport Royal»,

на которую перебрался Крюйс, и остальные корабли отправились в Архангельск. Через неделю суда достигли Сев. Двины. Вице-адмирал К. Крюйс докладывал Ф. Головину, преодолевающему карельский путь: *«Царского Величества поверенная мне флота Слава Богу в 26 день сего месяца сюда в целости уцеленна пришла... и стоит ныне от Двинки в 5 верстах за погодую противною»*. Также любопытна депеша Родостасова от 30 августа 1702 г.: *«...корабли Транспорт (The Transport Royal) — М.Д.) и прочие (Сочествия Св. Духа), «Скорый гонец», «Св. Петр» — М.Д.) благополучным ветром пришли»* и встали на якорную стоянку, *«где обычно»*. И далее: *«Транспорт с прочими у Саломболы, а торговые английские и голландские в своих караванах, при радостной пушечной стрельбе во всяком здравии»*.

Однако в первой пол. XIX столетия распространяется ложный взгляд об участии «The Transport Royal» в волоке по трассе «Осударевой дороги». Автором гипотезы выступил Олонецкий архиепископ Игнатий: *«Петр повелел взять с собою две яхты»*, одну, отбитую у шведов в 1701 году, *«а другую... которую подарил царю Английский король в бытность Петра в Лондоне»*. Другая ошибочная версия историка А. Кроткова появилась в конце XIX в. Гипотеза связана с заблуждением о перемещении по маршруту двух малых фрегатов. До сих пор это, пожалуй, самая яркая мистификация петровского времени, дошедшая до наших дней.

Одновременно возбуждает историческое сознание загадочная атмосфера вокруг дальнейшей судьбы «The Transport Royal». В том числе это касается непонятного эпизода отправки зимой 1702—1703 гг. на санях в разобранном виде из Архангельска в Воронеж какой-то неизвестной английской яхты. Когда «The Transport Royal» после десанта у *«Нюхоцкого усолья»* возвращался в Архангельск, а адмирал Головин преодолевал «Осудареву дорогу», дьяк Родостасов 21 августа 1702 г. ему сообщил: *«...из моря привезена Государева яхта»*. Дьяка интересовало будущее парусника: *«...также Государеву яхту здесь воеводе, или Елизарию Избранту отдать?»*. К сожалению, любопытный эпизод находится вне поля зрения современных исследователей. Какое же иностранное «государево» судно упоминает щепетильный служитель?

Отметим ещё один документ от 20 января 1703 г. в Вену австрийского дипломата А.О. Плейера. «Донесение» сообщает: «На днях в Архангельске английская яхта, какие приходили этим летом из Амстердама, была разобрана и установлена на сани, которые в начале Великого поста в Воронеж, куда направляется и сам царь, будет отпущена и в том месте снова собрана». Сведения о таинственной английской яхте, которая зимой 1703 года была демонтирована, упакована в специальные «возки» и волоком отправлена из Архангельска в Воронеж, будоражит воображение. Можно предложить версию, что этим судном могла стать английская яхта «Св. Екатерина», перевезённая в разобранном виде в Петербург и спущенная в Неву в мае 1706 года. Возможно, речь идёт о так называемой и не менее загадочной «кипарисовой яхте», приобретённой в апреле 1698 года в Лондоне у И. Колсуна Фёдором Головиным. Между тем загадки транспортировки судов в разобранном виде из одного конца страны в другой удваиваются, если принять во внимание практическую нелепость решений.

Интересен и более ранний, от 20 декабря 1702 г., отчёт дипломата Леопольду I о секретной операции по доставке на кораблях русских войск *«к шведским берегам»*. Речь идёт о походе к Вардегорскому мысу, в котором участвовала яхта «The Transport Royal». Венский резидент отмечал, царь *«неожиданно повелел на корабли торгового флота погрузить войска и отплыл из Архангельска по Белому морю к шведским берегам, там, где Лапландия, и в том месте приказал войска выгрузить на землю»*. Плейер продолжал, государь *«отправил снова корабли назад в Архангельск, откуда он организовал тайный рейс, как в 1696 году, когда он из Москвы из замершего леса... построенные галеры и галиоты по суше все 100 миль отклоняющейся зимней дорогой в Воронеж, а оттуда в Азов и Черное море отвёл»*. Абзац документа «О путешествии царя с Белого моря», как и фрагмент «Донесения» на русском языке, публикуется впервые. Очевидно, австрийский эмиссар сравнивает волок 1702 года с двумя загадочными транспортировками 1696 года. Сначала из Архангельска через Вологду была отправлена в село Преображенское двухмачтовая 16-баночная 32-весельная голландская галера, известная специалистам под именем «Лефортова».

Имеет ли судно какое-либо отношение к так называемой английской «кипарисной» яхте, появившейся в 1698 г. в Архангельске, сказать невозможно. Весной 1696 г. по снегу были транспортированы из Преображенского в Воронеж крупные детали судов, изготовленных по образцу перемещённой галеры. Отзывы о волоке кораблей по «Осударевой дороге», получившие патристическую окраску, образовались позже, не без влияния перетаскивания какой-то английской «государевой» яхты в феврале 1703 г.

Тем временем упомянем «Отписку» в Посольский приказ архангельского воеводы П.А. Голицына от 1708 г. Запись гласит: *«...для проводыванья оных неприятелей и отбору на взморье»* Двины находятся три корабля *«Транспорт», «Меркуьюс»* и *«инява, званная „Святой Дух“»*¹³. Документ предписывает боевым судам *«быть при Двинских устьях, и ныне они стоят в урочище на Яме»*. Вне сомнения источник упоминает легендарные «The Transport Royal», «Сочествия Святого Духа» и «Курьер». Таким образом, появился дополнительный аргумент, «Транспорт» и малые фрегаты на протяжении первого десятилетия XVIII столетия не перемещались в бассейн Балтийского моря, т.к. входили в состав Беломорской флотилии. Через два года английский посланник при русском дворе Ч. Уитворт заметил: *«В Архангельске царский транспорт находится в очень хорошем состоянии»* («The Royal Transport lies in very good»). Вскоре тот же дипломат вопрос о корабле Кармартена запутал ещё более существенно. В корреспонденции Уитворта, относящейся к весне 1712 года и адресованной английскому статс-секретарю С. Джону, сообщается: *«Царь спрашивал меня, получил ли я ответ касательно прохода королевского фрегата сюда из Архангельска под британским флагом»*. Понимая, что идут военные действия между Россией и Шведским королевством, дипломат уточняет *«вряд ли это несет какое-то значение для Швеции»*, ведь *«речь идет о потешной яхте, подаренной царю покойным Вильгельмом»*.

Что Уитворт имел ввиду: королевский транспорт или, возможно, «кипарисовое» судно, нами ранее упоминаемое? И всё-таки, вряд ли во времена царя Петра кто-либо решился бы назвать боевой корабль, некоей «потешной яхтой».

Известие подтолкнуло государя в очередной раз подвергнуть яхту «The Transport Royal» решительному эксперименту. Осенью 1715 года в Архангельск приходит предписание отправить судно в составе каравана по маршруту «Полярной кругосветки». Легендарному паруснику предстояло повторить в обратную сторону рейс 1698 года, преодолеть тысячу морских миль, обогнуть м. Нордкап, пройти вдоль Скандинавского полуострова и встать на рейд Адмиралтейства в Петербурге.

Россия к этому времени в июле 1714 г. одержала блестящую викторию над шведами у мыса Гангут и превратилась в морскую державу, однако полностью контролировать Балтику не могла. В июне—июле 1715 г. на Севере завершилось строительство серии 52-пушечных линейных кораблей. Суды получили имена архангелов «Михаил», «Гавриил» (к-н Крамер), а также «Уриил» (к-н Синявин), «Салафаил» (к-н Беринг), «Варахаил» (к-н Бенс) и «Ягудиил» (к-н Ден). При спуске судов на Сев. Двине, снаряжении и переходе в августе 1715 г. через бар команды испытали затруднения, вызванные поспешностью царского наказа. Яхта «The Transport Royal» под началом англичанина Хутчиссона (Hutchisson) при подготовке к сложному переходу была отремонтирована и «вооружена на ново». Доклад вице-губернатора Е.П. Лодыженского царю от 2 сентября 1715 г. свидетельствовал, судно пребывает «с полным комплектом корабельных служителей и с мундиром и со всякими припасы и с провиантом».

Недавно выявлены «отписки» капитанов архангельской флотилии Петру и его сподвижникам, которые отправлены с бортов кораблей. Современное истолкование реляций позволяет представить «беспощадную» картину северной экспедиции. Общий руководитель похода И. Синявин 12 августа 1715 года сообщал царю: «Корабли и Транспорт с людьми и провиантом отправлены и прошедшего июля 29-го дня от Соломбальской верфи отошли и сего августа 9-го дня вышли за баки». Из-за многодневного шторма флотилия стояла на якорях, дожидаясь «способного ветра», а суда «догружали остальным провиантом и другими припасами». Понимая, какое значение Пётр придаёт любимой яхте, Синявин в своих корреспонденциях последовательно выделяет информацию о «транспорте». В цитируемом письме «командор» услужливо уточняет ситуацию с «The Transport Royal» и задаёт вопрос: «...быть до указу... в Ревель оному... Транспорту... или в С. Петербург прямо отправить?». Наконец, 24 августа Синявин рапортует: «...получа способный ветер пошли с четырьмя кораблями и Транспортom в назначенный нам... путь».

Вскоре «проявились» серьёзные неполадки в конструкции судов. С борта корабля «Уриил» Синявин 29 августа сообщает государю: «...24-го числа пошли было с кораблями и Транспортom в путь, но несчастием корабль Ягудиил потек... оный взять... было опасно и отправили к Соломбальской верфи; а мы при помощи Божьей с тремя кораблями и Транспортom пошли». О последующих драматических обстоятельствах похода эскадры в Белом и Баренцевом морях уже 2 октября 1715 года с борта «Салафаила» обстоятельно докладывал князю В.Л. Долгорукому, русскому послу в Дании, бесстрашный капитан Витус Беринг. В скором будущем руководитель экспедиций на Камчатке сообщал: «...за великою погодою и за дождем на море... с командором г. Синявиным в разлучении стали, и по прошествии 4-х дней виделись с кораблём капитан

поручика Бенса... именуемым Архангел Варахаил, также за великою погодою с оным капитаном поручиком разлучились же».

Поразительно, но Беринг оказался последним очевидцем, наблюдавшим в проливе недалеко от Ост-Зее (Балтийского моря) царскую яхту на плаву. Капитан оставил важную информацию о ещё дееспособном паруснике «The Transport Royal»: «...я... близ Зунда... видел Транспорт, который отправлен же был от города Архангельского и за противностию великого ветра с тем Транспортom разлучились же». История невольно соединила в трагический клубок «комендора» и легендарный царский корабль.

Потери похода оказались грандиозными. Беринг в норвежском порту «Лангезунд» (Haugesund? — М.Д.) 27 сентября 1715 г. подсчитал утраты на «Салафаиле»: из 446 человек «половина больных, также и умерших 43 человека». Другое судно «Гавриил», под командованием Крамера, прибыло в Ревель в конце сентября 1715 г., но в пути потеряло грот-стенёгу. Нота скорби присутствует в донесении Бенса, капитана корабля «Варахаил», который 14 октября докладывал В. Долгорукому: «...прибыл я... в Норвегию, в местечко «Флекер» (Flekkefiord? — М.Д.) 9-го октября». Однако «далее невозможно идти, потому что людей много умерло и много больных, а корабль надо килевать, потому что в носу очень течет». «Ягудиил», потеряв «около половины своей команды», вмерз в лёд в 25 милях от Тронхейма, суда «Уриил» и «Салафаил» встали на зимовку в Копенгагене, а «Варахаил» — в норвежском Флекерне. Иная участь ждала царский парусник «The Transport Royal». Любимая яхта государя, возведённая в Гринвиче, разбилась у шведских берегов. Обстоятельства катастрофы «The Transport Royal», к сожалению, исследователям неизвестны. Крушение судна Кармартена является одной из последних загадок «неординарного корабля» Российского флота. Исходя из письма В. Беринга, яхта в начале октября 1715 г. попала в шторм и вскоре затонула у шведского острова Марстранд, недалеко от современного города Гетеборг.

Шведская военная администрация взяла «под караул» команду судна в составе 20 моряков во главе с капитаном Хутчиссоном и разместила в Марстрандской цитадели (Marstrand Castle). Все моряки с «The Transport Royal», в том числе раненые и тяжело больные, оказались не в самых лучших условиях подземелья и вскоре погибли в тюремном замке.

До сих пор специалисты спорят о координатной точке гибели удивительного корабля. С 1998 года в Швеции, реализуется крупный научный «Проект Марстранд», связанный с проведением поисковых археологических работ в этой части морской акватории. Учёные изучают остатки затонувших кораблей и культурный слой в районе о. Марстранд. Здесь, у западного побережья Швеции обнаружены многочисленные объекты, включая остовы средневековых судов. Имея выгодное географическое положение, Марстранд с XIV столетия играл важную роль в военных конфликтах и международной торговле. В рамках проекта проведены подводные археологические исследования фрегата «Фредрикус», построенного в доке Карлскруны в 1698 году. Шведский парусник по существу является ровесником английской яхты. Сохраняется надежда зафиксировать место катастрофы корабля «The Transport Royal». Исследования сохраняют возможность поднять на поверхность отдельные фрагменты корпуса, вооружения и оснастки судна, а также другие предметы русской морской

материальной культуры. Следует упомянуть и о другом, российском проекте, разрабатываемом в современном Петербурге, который представляет несомненный интерес. Он связан с воссозданием в натуральную величину новодела яхты «The Transport Royal».

В то же время, как ни парадоксально, тайны корабля Петра Великого не обрываются шведской катастрофой. Известный французский путешественник XVIII столетия Обри Де Ла Мотре в своём труде «Путешествия по Европе, Азии и части Африки» сделал фантастическое утверждение. Он настаивал, что в 20-х гг. восемнадцатого столетия видел в Петербурге «судно, подаренное королем Вильгельмом царю, когда тот был в Англии». Безусловно, к литературной реплике следует относиться с осторожностью. Исследователь не мог на Неве видеть «The Transport Royal», «раскатанный по брёвнышкам» у Марстранда. Скорее всего, путешественник говорит об упоминаемой нами английской яхте «Св. Екатерина». А может, о загадочной лондонской яхте, которую на «Великий пост» в 1703 г. переволокли из Архангельска в Воронеж? Во всяком случае, судно «Св. Екатерина», названное в честь Екатерины Скавронской, супруги Петра I, вскоре действительно превратилось в царский корабль. В своём «Дневнике» за 1723 г. голштинiec Ф.В. фон Берхгольц упоминает: «...император переименовал корабль, который обыкновенно употреблял во флоте... и вместо „Ингерманландии“ выбрал себе „Екатерину“». Думается, Де ла Мотре мог наблюдать и другое судно: золочёную яхту «Декроне», подарок короля Пруссии. Вспомним, А. Вейде назвал парусник Кармартена «мало не весь вызолоченным». В то же время, возможно, это была английская кипарисовая яхта, «пришвартованная у Летнего дворца». Свидетельство француза лишь добавляет долю мистицизма в запутанный, трёхвековой давности сюжет. Но что можно возразить на теперь уж последний «роковой источник», купюры которого способны ещё более добавить мистики в сюжет о давнем английском подарке русскому государю. Речь идёт о записках камер-юнкера Фридриха Вильгельма фон Берхгольца, относящихся

к первой половине июля 1723 года. Человек редкостной пунктуальности усиливает головоломку о корабле «The Transport Royal». Пребывая в свите герцога Карла Фридриха, будущего супруга Анны Петровны, дочери Петра I, дипломат не только видел царское судно в имперской столице, но несколько раз бывал на его борту. Первое посещение таинственной яхты состоялось 1 июля 1723 года, когда: «фрегат... „Transport Royal“ был приведён в Кронслот» из Санкт-Петербурга». Затем Берхгольц зафиксировал события 10 июля, свидетелем которых оказался на борту корабля, подошедшего к «*увеселительному дворцу „Катериненталь“*». Камер-юнкер сообщает о «*прекрасном вызолоченном фрегате „Transport Royal“*» и делает ремарку: «*теперь ему назначено постоянно оставаться при нас*», так как корабль «*прежде еще никогда не присоединялся к флоту*».

Что ни пассаж голштинца, то новая загадка. Затем, «*когда все начали восхвалять... быстрый ход и красоту*» судна, тот самый капитан П. Бенс, который был командиром корабля «Варахаил» и шёл в 1715 г. в эскадре с «The Transport Royal» из Архангельска, произнёс: «*Ничего себе так не желает, как... соизволения императора на командование этим фрегатом*». Имелся в виду будущий рейс, на котором герцог, «*как король, будет отправляться на нём в Швецию*». На это царь Пётр «*немало смеялся всем этим выходкам*».

Так о каком судне всё-таки идёт речь? Впрямь, исторический фантом.

Завершая исследование о практически неизвестном эпизоде в истории России начала XVIII столетия, признаемся, парусник «The Transport Royal» сыграл грандиозную роль не только в отечественном кораблестроении. Создание яхты, секреты табачной монополии, судьба двух капитанов, фантастический проект волока в Азов, карельские тайны «Осударевой дороги», Марстрандская драма и, наконец, свидетельство Мотре и Берхгольца, поражают недосказанностью и заставляют более широко интерпретировать прорыв петровской России к западной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704.
Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 61. СПб., 1888.
«Летописец Соловецкий» // ОРК НБРК. № 45614 р (Отдел редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия).
[Берхгольц]. Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записки. СПб., 1993.
[Дж. Ден]. История российского флота в царствование Петра Великого. Перевёл с неизданной английской рукописи граф Е. Путятин. СПб., 1897.
[Томас Соутэм и Джон Спарк] 1556 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.; М., 1937.
Anderson R.C. An Early Schooner // The Mariner's Mirror. Vol. 9. No. 3. 1923.
Cross A.G. By the banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge. New York, 1997.
<http://www.shtandart.ru>.
Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford. Vol. IV. 1857.

- Morgan B. Osborn, second duke of Leeds // Oxford Dictionary of National Biography. In Association with the British Academy. From the earliest time to the year 2000. Vol. 42. Oxford, 2004.
Olsen A. The Marstrand projekt // Study on the maritime archaeology. Vol. 4 St.-Petersburg // Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. СПб., 2000.
Price J. The tobacco adventure to Russia // Transactions of the American Philosophical society. Philadelphia. 1961.
Ryan W.F. Peter The Great's English Yacht // Admiral lord Carmarthen and the Russian tobacco monopoly // The Mariner's Mirror. Vol. 69. No. 1. February. 1983.
Ryan W.F. Peter the Great's English Yacht // SGEEN. № 7. 1979.
Андерсон М.С. Пётр Великий. Ростов-на-Дону; М., 1997.
Андреев А.И. Пётр I в Англии в 1698 г. // Пётр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947.
Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Пётр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947.
Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вальгельма Берхгольца. 1721—1725 год. Ч. 3—5 // Юность державы. М., 2000.
Беснятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях.

Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.

Беспяных Ю.Н. Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитвора. М.; Л., 1988.

Беспяных Ю.Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997.

Бестужев Н.А. Опыт истории Российского флота / Под ред. С.Б. Окуня. Л., 1961.

Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 1940—1941.

Брызгалов В.В. Какие корабли перетасили по «Осударевой дороге» в 1702 году // Защитники Отечества. Архангельск, 2003.

Брызгалов В.В., Попов Г.П. «Государева» яхта // Соломбальская верфь 1693—1862. Архангельск, 1993.

Валишевский К. Пётр Великий. Воронеж, 1993.

Вебер Х.Ф. Записки о Петре Великом и его преобразованиях // Русский Архив. Вып. 7. 1872.

Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885.

Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875.

Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое Посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697—1698. СПб., 2008.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первое Европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697—2006. СПб., 2008.

Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

Данков М.Ю. Адриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Север. 5—6. Петрозаводск, 2003[2].

Данков М.Ю. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Археологические изыскания. Вып. 45. СПб., 1997.

Данков М.Ю. Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // Защитники Отечества. Архангельск, 2003[1].

Данков М.Ю. Иноземцы и «Осударева дорога» // Немцы и Русский Север. М., 2000.

Данков М.Ю. Карт-бланш царя на Карельский поход 1702 года // Петровское время в лицах — 2005. СПб., 2005.

Данков М.Ю. Тайный архив мегапроекта XVIII века (Малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги 1702 года») // Петровское время в лицах — 2007. СПб., 2007.

Данков М.Ю. Тайны Золотой яхты // Север. 7+8. Петрозаводск, 2006.

Данков М.Ю. Тайны яхты «Transport Royal» // «Мы Были» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. СПб., 2004[1].

Данков М.Ю. Яхта «Transport Royal» на Северной Двине // Двинская земля. Вып. 3. Вельск, 2004.

Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. Спб., 1872.

Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833.

Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. М., 1993.

Елагин С.И. История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. II. Прил. X. Сведения о яхте, подаренной Петру I английским королём Вильгельмом III в 1697 году. П. 1—8. СПб., 1864. С. 476.

Елагин С.И. Материалы для истории Русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 614—686.

Елагин С.И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого 1702—1725. СПб., 1867.

Елагин С.И. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. № 1. 1866. С. 123.

Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. М., 1996.

Игнатий. Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1841.

Ключевский В.О. О русской истории. М., 1993.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Кротков А.С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладозском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896.

Кротов П.А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007.

Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999.

Ларионов А.Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер» (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999.

Ларионов А.Л. Русский галерный флот // Судостроение. № 6. 1972.

Масси Р.К. Пётр Великий. Т. 1. Смоленск, 1996.

Нафтов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993.

Новиков Н.И. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича. М., 1783.

Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. Перевод с английского княжны О.М. Дондуковой-Корсаковой. Перепечатка Лондон. 1716 г. М., 1871.

Письма и Бумаги императора Петра Великого 1887. Т.1—2

Полное Собрание Законов Российской империи с 1649 года. 1830. Т. IV. 1700—1712. СПб.

Полное собрание писем Императора Петра I го к разным лицам с ответами на оные. 1829. Ч. 2. СПб.

Раздолгин А.А., Фатеев М.А. На румбах морской славы. Л., 1988.

Тревожные годы Архангельска. 1700—1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3—4. Спб., 1858.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. 1863.

Устрялов Н.Г. История царствования... Т. 4. Ч. 2. Прил. (№ 21, 19 перевод с немецкого яз. Т.А. Ягнова 1996 г.) 1863.

Шмурло Е. Сборник документов относящихся к истории царствования Императора Петра Великого. Т. 1. 1693—1700. Юрьев, 1903.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 35. 1697. Оп. 1. Д. 265. Л. 1—24; Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 319.

² РГАДА. Ф. 35. 1697—1698. Оп. 1. Д. 266. Л. 12—22; см. также: Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I... С. 320.

³ РГАДА. Ф. 9. 1697. Отд. 11. Кн. 53. Л. 90—91.

⁴ РГАДА. Ф. 35. 1697. Оп. 1. Д. 265. Л. 6—9; Елагин С.И. История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. II. Прил. X. Сведения о яхте, подаренной Петру I английским королём Вильгельмом III в 1697 году. П. 1—8. СПб., 1864. С. 476.

⁵ РГАДА. Ф. 35. 1698. Оп. 4. Д. 10. Л. 1—9.

⁶ РГАДА. Ф. 35. 1697—1698. Оп. 1. Д. 266. Л. 1—49; РГАДА. Ф. 35. 1697—1698. Оп. 4. Д. 10. Л. 1—9.

⁷ РГАДА. Ф. 35. 1697. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—3.

⁸ РГАВФМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 41.

⁹ РГАДА. Ф. 210. 1698. Оп. 17. Д. 166. Л. I—III.

¹⁰ РГАДА. Ф. 150. 1698. Оп. 1. Д. 72. Л. 1—18.

¹¹ РГАДА. Ф. 150. 1697. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—13.

¹² РГАВФМ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 10. № 134. Л. 28.

¹³ РГАДА. Ф. 160. 1708. Оп. 1. Д. 9. Л. 43об; см. также: Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 80.

«...ГРАЖДАНСТВУ К ПОЛЬЗЕ»

*История технического и художественного образования
земли Новгородской*

Исторический путь развития новгородского технического образования проходит через многие столетия, начиная с конца XI — начала XII вв. Важную роль в истории Руси того периода играла Церковь, возглавляемая киевским митрополитом, которая способствовала распространению просвещения, развитию национальной культуры и профессиональных знаний. Для сооружения храмов и их декоративного убранства находились русские или приглашались иноземные архитекторы, плотники, иконописцы, ювелиры, организаторы работ и другие мастера, которые направлялись в главные

возводят церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Рюриковом Городище, Николо-Дворищенский собор (Никольский собор на Ярославовом Дворище), Георгиевский собор Юрьева монастыря. Одновременно строится собор Рождества Богородицы Антониева монастыря, основателем которого был Антоний Римлянин, первый игумен монастыря.

Долгое время считалось, что древние зодчие строили «на глазок», без особых расчётов. Новейшие исследования показали, что новгородские архитекторы хорошо знали пропорции. В основе каждой постройки того времени

*Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы
на Рюриковом Городище (1103 г.)*

*Никольский собор на Ярославовом дворище
(1113 г.)*

города Киевской Руси, включая и Новгород — будущую столицу Новгородской феодальной республики (1136—1478 гг.).

В 40-х гг. XI века греческие зодчие наряду с русскими мастерами, объединённые в артели, возводили первую каменную постройку в Новгороде — Софийский собор, вслед за одноимённым киевским храмом. О методах подготовки специалистов того времени известно, что человек, попавший в артель, обучался мастерами непосредственно в процессе работы, овладевая навыками и всеми тонкостями ремесла, а также непрерывно повышая свою квалификацию. В первой четверти XII века в Новгороде появляются собственные каменных дел мастера. Они

*Собор Рождества Богородицы
Антониева монастыря (1117 г.)*

была заложена своя математическая система, которая определяла формат кирпичей, толщину стен, радиус арок и общие габариты здания. При постройке всё продумывалось и рассчитывалось заранее, включая и исследование многообразных предметно-пространственных средовых ситуаций и включённых в них объектов. Стремясь выделить церкви среди остальных городских серых бревенчатых домов, зодчие делали церкви белоснежными, а в остальных случаях оставляли их в красновато-розовой кирпичной окраске. Архитектурные ансамбли средневекового Новгорода органично вписаны в городскую среду и природный ландшафт, что является неоспоримым доказательством

владения новгородскими зодчими знаниями в области дизайна архитектурной среды.

Мастерская новгородских ювелиров достигает своего расцвета в первой половине XII века. К тому времени были освоены все наиболее сложные ювелирные техники, и новгородские мастера легко справлялись с трудностями припоя, литья и чеканки. В одной из ювелирных мастерских Новгорода были исполнены два подписных серебряных позолоченных кратора (сосуд для причастного вина) новгородских мастеров Флора-Братилы и Косты, а также большой сион (модель иерусалимского храма Воскресения), которые принадлежат к самым выдающимся творениям русских «кузнецов по злату и серебру».

В изобразительном искусстве Новгорода XII века одно из ведущих мест принадлежало монументальной живописи. Редкий из новгородских каменных храмов не был тогда расписан фресками. Окончательное становление новгородской школы монументальной живописи относится ко второй половине XII века. Наиболее ярким примером служит фреска «Чудо Георгия о змие» в Георгиевской церкви в Старой Ладоге.

Примером новгородской школы станковой живописи XII века является икона с изображением св. Георгия из Георгиевского собора Юрьева монастыря. Выдающиеся мастера иконописного искусства, которые создавали свои бессмертные произведения в Новгороде, имели свои собственные школы, в которых ученики и подмастерья получали профессиональные знания.

Начиная с XIII века в Новгороде процветали многие ремёсла. На токарных станках новгородские умельцы выгачивали деревянные ложки, чашки, кубки. В новгородских летописях упоминаются знаменитые ювелиры, котельщики и мастера, изготовлявшие щиты для воинов. В средневековом Новгороде умели закалять сталь. Была широко распространена и стояла на высоком уровне обработка железа. В 1475 г. новгородский литейщик Микула успешно отливал колокола.

Всего в Новгороде проживало более пяти тысяч ремесленников, представлявших более двухсот профессий. Среди них преобладали оружейники, ювелиры (в основном мастера по изготовлению серебряных изделий), иконописцы, гончары, кожевники, плотники, литейщики, сапожники, ткачи.

Новгородская феодальная республика перестала существовать в 1478 году, когда московский великий князь Иван III объединил Новгородскую землю с Московским великим княжеством. Образовалось единое Русское централизованное государство. Новгородское искусство стало

составной частью русского искусства и развивалось в дальнейшем под влиянием Москвы.

Сложившуюся с XII века новгородскую систему технического образования можно характеризовать как городское ремесленное образование, осуществляемое в домашних условиях (в своей семье или «в людях») или в мастерской ремесленника (артели) путём долгосрочного или краткосрочного обучения в индивидуальной или групповой формах. Городское ремесленное образование характерно при индивидуальном характере производства и решающем значении личного мастерства ремесленника.

В области ремесленного производства на протяжении XVII века происходили значительные изменения. Товарное производство особенно расширилось в городах, включая и Новгород, который оставался одним из крупных хозяйственных и торговых центров России. В развитии ремесленного производства явно прослеживается тенденция превращения его в мел-

котоварное производство, которое подготовило базу для появления мануфактур. Если раньше ремесленники в основном работали на заказ, то в XVII веке увеличилось количество ремесленников, работающих на рынок. В этот период стала явно проявляться товарная специализация отдельных городов и районов. В Новгороде было организовано массовое производство изделий из льна, пеньки, холстов, а также канатов.

Изменения во всех сферах социально-экономической и политической жизни привели в первой четверти XVIII века к качественному скачку. Средневековая Московская Русь превратилась в Российскую империю. Главным содержанием реформ Петра I в области культуры было становление

и развитие светской русской национальной культуры, светского образования и просвещения.

Начало государственной системы профессионального образования было положено открытием в Москве по Высочайшему указу императора Петра I от 14 января 1701 года (по старому стилю) Школы математических и навигационных наук. «Школа оная потребна не токмо к единому мореходству и инженерству, но и артиллерии и гражданству к пользе», — подчёркивалось в указе.

По времени своего возникновения Школа была самым крупным в Европе учебным заведением реального типа и располагалась на территории Сухаревой (Сретенской) башни.

В Школу принимались подростки и юноши от 12 до 20 лет всех сословий, кроме крепостных крестьян. Общая численность обучающихся определялась в 200 человек.

Большой иерусалим, или большой сион

Фреска «Чудо Георгия о змие» (ок. 1167 г.)

В 1712 году здесь было уже 588 учеников. В Школе размещалась обсерватория.

Учебный курс состоял из трёх ступеней (классов или школ): в начальной, так называемой русской школе, осваивали чтение, письмо, начала грамматики и арифметики. В «цифирной» (арифметической) — геометрию, арифметику, плоскую и сферическую тригонометрию. В высших — навигаторских классах — математическую географию, астрономию, черчение, геодезию, навигацию. Срок обучения в школе был неограничен. Некоторые ученики проходили курс обучения за 4 года, в отдельных случаях обучение длилось до 13 лет. Переводных экзаменов не было, из класса в класс ученики переводились по мере выучки. Учеников поощряли, выплачивая им денежное содержание, возрастающее от класса к классу. Наиболее богатых и способных учеников отправляли на практику за границу. Благодаря знаниям, полученным в Школе, выпускники становились администраторами, дипломатами, учителями, строителями, архитекторами, геодезистами и инженерами.

Вследствие своего выгодного географического положения Новгород ещё в средние века по праву славился своими традициями в области судостроения. Древние новгородцы на парусных лодках — соймах — ходили в далёкие морские путешествия. Первое документальное подтверждение подобных плаваний датируется 1032 годом, когда новгородский посадник на Двине Глеб совершил со своей дружиной далёкий морской поход к Железным Воротам (пролив Карские Ворота).

Строительство первых транспортных судов в Балтийском регионе начиналось на Новгородской верфи, созданной указом Петра I от 30 июня 1701 года, согласно которому предписывалось «на реках Волхове и Луге для нынешней швейцарской службы под всякие полковые припасы и на дачу ратным людям сделать 600 стругов». Струги, построенные на Новгородской верфи, сыграли большую роль в штурме Орешка и в захвате района Невы. Начиная с 1703 года на верфи построено шесть фрегатов длиной 20—30 м, пять яхт и пять других судов. Таким образом, новгородские судостроители принимали активное участие в создании Балтийского флота.

Не вызывает удивления тот факт, что в Новгороде, наряду с другими российскими городами, была открыта навигационная школа, созданная по образцу Школы математических и навигационных наук, первые выпускники которой в 1705 году были направлены для ведения преподавательской деятельности в создаваемых навигационных школах, включая и новгородскую.

В 1715 году Школа математических и навигационных наук, а также Новгородская и Нарвская навигационные школы, послужили основой для создания в Санкт-Петербурге Морской академии (Академии морской гвардии), предназначенной для подготовки офицеров флота, а также специалистов в области геодезии.

С 1721 года при воинских гарнизонах (полках) по указу Петра I были основаны гарнизонные школы для детей солдат. По уставу 21 сентября 1732 года уже после смерти Петра I при воинских частях открывались гарнизонные школы, куда принимались мальчики с семи лет. Их обучали грамоте, арифметике и в зависимости от профиля гарнизонной школы — «артиллерийской и инженерной науке», «солдатской экзерциции», «художествам и мастерам, кои армии и полкам потребны», писарскому

делу, слесарному, плотничному, портняжному, сапожному и другим ремёслам. Гарнизонные школы считаются предшественниками кадетских корпусов в России.

Первый кадетский корпус в России был образован по Высочайшему указу императрицы Анны Иоанновны от 29 июля 1731 года: учредить в Санкт-Петербурге «корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18 лет как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских провинций, которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, инженерному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам...» (с 1743 года — Сухопутный Шляхетский кадетский корпус, с 1800 года — Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус).

В первой половине XIX века кадетские корпуса превратились в профессиональные заведения, где воспитанники получали общее среднее и специальное военное образование.

В 1830 году по воле и непосредственным указаниям императора Николая I был составлен проект учреждения губернских кадетских корпусов и издан указ, предписывавший открыть кадетские корпуса в Новгородской, Тульской, Тамбовской губерниях. Кадетский корпус в Новгороде стал первым из вновь созданных провинциальных кадетских корпусов. Проект создания Новгородского кадетского корпуса разрабатывался в течение нескольких лет. Открытие корпуса ускорило решение графа А.А. Аракчеева внести в казну 300 тысяч рублей ассигнациями. Корпус был открыт 15 марта 1834 года и после смерти А.А. Аракчеева. Высочайшим указом от 6 мая 1834 года был переименован в Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус с правом использования его герба, под щитом которого стоит девиз «Без лести предан».

Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус размещался в гарнизоне Новоселицы, в так называемых аракевских казармах, построенных в 1831 году при участии выдающегося архитектора В.П. Стасова. Опираясь на большой опыт строительства военных зданий в Санкт-Петербурге, архитекторы применяли простейшие приёмы, например, ложную аркатуру, контрастные цветовые отношения строительных материалов (красный кирпич стен и белые детали — архивольты, тяги), добиваясь выразительного облика зданий, созданных без особых затрат на отделку фасадов. Именно тогда были выработаны архитектурные особенности казарменных зданий, сохранявшиеся в России на протяжении нескольких десятилетий XIX века.

В 1828 году именным указом император Николай I утвердил устав гимназий и училищ уездных и приходских. Мужское и женское приходское новгородское училище сначала размещалось в военных квартирах, а в 1857 году было переведено на Ярославово дворище и разместилось в проездной башне Гостиного двора. В 1869 году примыкающие к башне гостинодворные лавки были перестроены и приспособлены для училища. В училище была открыта столярно-токарная мастерская.

В 1872 году Министерством народного просвещения Российской империи разработан устав городских училищ, и в Новгороде в 1876 году было организовано трёхклассное городское мужское училище, в котором не только давали общее начальное образование детям всех сословий, но и учили их определённому ремеслу. Новгородское училище было с шестилетним сроком обучения,

набор в него осуществлялся одновременно в три класса. В 1879 году в училище впервые организовали распродажу изделий, изготовленных учениками, а на вырученные деньги устроили ещё две мастерские — «рещицкую» и «выпильную». В городах и сёлах Новгородской губернии в то время много строили деревянных домов, украшенных пропиленной резьбой и резными металлическими деталями, что влекло за собой необходимость подготовки специалистов соответствующего профиля.

В 1912 году на основании Закона от 25 июня 1912 года городские училища Новгородской губернии были преобразованы в высшие начальные училища. В этом же году в училищах была учреждена должность учителя графических искусств.

В соответствии с утверждённым в 1872 году Министерством народного просвещения Российской империи уставом реальных училищ 16 сентября 1875 года было открыто Новгородское реальное училище как среднее учебное заведение с профессиональным уклоном, имевшее целью подготовку технически образованных людей. Первоначально было открыто четырёхклассное реальное училище. В 1878 году открыты 5 и 6 классы, а затем 7 класс с механико-техническим и химико-техническими отделениями. По программе реальное училище давало общее среднее образование с углублённым изучением математических, химических, естественных, технологических, коммерческих и прочих прикладных дисциплин. Начиная с 1 класса учащиеся изучали арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику. В 6 классе уже появлялись черчение, начертательная геометрия и механика. Учащиеся реального училища, так же, как и студенты современных высших учебных заведений, «пользовались льготами по отбыванию воинской повинности». Выпускники имели право поступать в технические и экономические высшие учебные заведения (Горный институт, Технологический институт, Рижскую Политехническую школу, Московское техническое училище).

В начале XX века в России была развёрнута борьба с пожарами, для предупреждения которых началось строительство каменных домов, амбаров и прочих зданий, для чего потребовались специалисты по изготовлению черепицы, каменных блоков и прочих огнестойких материалов. С целью подготовки мастеров по огнестойкому, преимущественно сельскому строительству, в мае 1905 года в Новгороде в районе Колмова была открыта первая в России школа огнестойкого строительства, и там же в 1893 году был построен черепичный завод. В школу принимались в основном юноши от 16 лет. Поступающие сдавали экзамены по арифметике, русскому языку,

чтению, физике. В школе изучались следующие предметы: обществознание, геометрия, физика, алгебра, химия, черчение, русский язык, строительные материалы, архитектура. Школа была двухгодичной, в ней имелись два отделения: строительное и печное.

На печном отделении преподавал инженер-технолог Н.И. Кржишталович, известный далеко за пределами Новгородской губернии своими оригинальными усовершенствованными конструкциями печей различного назначения. Его книги с описанием печей, иллюстрированные чертежами, выдержали несколько изданий и разошлись по всей России. Н.И. Кржишталович много сделал для изучения свойств нового строительного материала — бетона — и внедрения его в строительную практику. С 1900 по 1905 гг. Н.И. Кржишталович преподавал в строительной школе под Москвой, где подготовил в 1903 году строителей, которые возвели под его руководством здания мастерских и общежития для учащихся школы огнестойкого строительства в Новгороде. Эти были первые постройки будущего учебного городка, который представлял собой образцово-экспериментальный комплекс различного рода огнестойких строений. Одноэтажный учебный корпус возводили учащиеся и наёмные рабочие. Фундамент выложили из дикого камня, а стены — из известкового бетона. Материалом для таких стен служили известь, песок и кирпичный щебень, которые набивались в специальные щиты, служившие опалубкой. В той же технике, но с добавлением цемента, был построен двухэтажный дом для директора школы. В 1908 году на территории школы появилось здание химической и механической лабораторий, в которой проводились испытания качества полезных ископаемых, добываемых в Новгородской губернии, а также различных строительных материалов: бетона, цементной черепицы и т.д.

Школа являлась не только учебным центром, но и производственной мастерской для изготовления огнестойких материалов, лабораторией для исследования полезных ископаемых, строительной площадкой для экспериментирования, консультационным пунктом для населения в области огнестойкого строительства. В 1930 году школа была реорганизована в техникум областного значения — Новгородский техникум сельскохозяйственного и гражданского строительства с подготовкой техникумов огнестойкого строительства.

В 1920 году образован Новгородский государственный индустриальный механический техникум путём реорганизации технической школы, созданной в 1919 году на базе существовавшей до революции Николаевской женской гимназии. В 1927—1928 гг. он был преобразован в Новгородский дорожно-строительный техникум.

ИСТОЧНИКИ

Высшее техническое образование в России: история, состояние, проблемы развития / В.М. Жураковский, В.М. Приходько, В.Ф. Мануйлов, И.В. Федоров и др. М., 1997; История среднего профессионального образования в России / Анисимов П.Ф., Демин В.М., Зуев В.М. и др. Под рук. В.М. Жураковского. М., 2000.; Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Петровские гардемарины в Новгороде // Новгородский университет. 2001. Март;

Григорьева И.Л. Атрибуты великой державы // Время открытий. 2008. Декабрь; Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1948; Кольбель флота. К 250-летию основания Школы математических и навигацких наук (1701—1951). Париж, 1951; Секретарь Л.А. Дома, события, люди. (Новгород XVIII — начало XX вв.). Великий Новгород, 1999; История образования в Великом Новгороде: [http://museum.novsu.ac.ru].

Об истории технического и художественного образования Новгородской земли в XX в. читайте в следующем номере альманаха «Чело».

Изысканность ювелирного мастерства, яркость и чистота цвета ювелирных эмалей... поражали современников не только на Руси, но и в Европе. Для людей нашего времени это искусство дорого поэтической чистотой своих образов и той гармонией, которая делает небольшой предмет произведением высокого искусства.

Т.М. Разина¹

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА

Ювелирное искусство — один из древнейших видов декоративно-прикладного (в том числе народного) творчества. Изначально ювелирные изделия использовались в качестве амулетов. Но в процессе исторического развития социально-престижное значение драгоценностей постепенно вытесняло связанные с ними религиозно-магические представления. Вплоть до нашего времени ювелирное искусство остаётся одним из средств формирования целостной художественной среды, позволяющим одновременно подчеркнуть и красоту исходного материала, и изысканность его обработки.

К произведениям ювелирного искусства относятся художественные изделия из золота, серебра, платины, некоторых цветных металлов, а также их сплавы, украшенные драгоценными и поделочными камнями.

Уже в эпоху Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха замечательное искусство русских ювелиров поражаало европейских путешественников. За долгие века оно было забыто. Однако усилиями отечественных археологов в XIX—XX столетиях древние творения обрели новую жизнь. Из-под земли были добыты сотни и тысячи украшений, созданных мастерами X — начала XIII века. Выставленные в витринах музеев, они способны зачаровать современную модницу и вызвать глубокое, искреннее восхищение художника.

Археологи находили остатки мастерских древнерусских умельцев золотого и серебряного дела, извлекали из-под земли все необходимые для ювелирного ремесла принадлежности. К сожалению, история не сохранила имён замечательных мастеров: например тех, кто создал «Черниговскую гривну». Абсолютное большинство изделий ювелирного искусства древности анонимны².

Порой сами предметы «проговариваются» о своих творцах. Так, на кратерах — драгоценных серебряных чашах для святой воды, созданных в средневековом Новгороде XII в., — начертаны имена мастеров Косты и Братилы.

Древние люди, защищая себя от непредсказуемых и порой стихийных явлений природы, использовали охранительную символику, покрывая одежду и жилище изображениями-оберегами. Именно таковы уборы древнерусских княгинь времён двоеверия, а также изображения на фасадах русских изб.

Голову княгини венчала диадема с изображением главнейших небесных сил, в центре находился Дажьбог. Чело княгини изображалось височными кольцами, означающими движение солнца по небу. Вниз от венца спускались цепи — рясны, символизирующие воздушное пространство. Они покрывались изображениями либо струй дождя, либо птиц, либо семян, падающих с неба. К ряснам подвешивались колты (подвески) с изображением русалок, крылатых вил, орошающих поля. Эти колты находились на одном уровне с ожерельями, изображающими распустившиеся ростки. На женских браслетах, как правило, были представлены русалии — весенние праздники в честь богинь — подательниц дождя. Наконец, на шею надевалась длинная цепь с двумя головами Ящера, скреплёнными кольцом, символизирующим солнце. Так, в женском костюме, была отражена вся картина мироздания — небо, земля и подземный мир.

Украшения, которые носили женщины в Древней Руси, своеобразны и интересны. На основе исследования материалов раскопок в Старой Рязани Натальей Жилиной были реконструированы женские ювелирные уборы.

Голова женщины украшалась цветами или простыми проволочными уборами, соединявшимися, цеплявшимися друг за друга, как цветы в венке. Формы этих украшений у каждого славянского племени были свои. Северные

спиральные височные кольца в особенности сходны с цветами: кольцевая дужка из проволоки составляет единое целое с орнаментальной спиралью и, как стебель цветка, может отгибаться для крепления как угодно.

В X веке на Руси распространился общеславянский сканозернёный убор из тиснёных украшений, лёгкость и изящество которых обычно противопоставляется

Головной убор девушки, головной убор замужней женщины

всем остальным. Исследователь древнерусских кладов Г.Ф. Корзухина только этот узор и считает единственным филигранным стилистически единым узором, известным в Древней Руси. По сторонам головы располагались наушницы так называемой гроздевидной формы.

В X—XI веках появились более простые по сравнению с гроздевидной наушницей серебряные однобусинные и трёхбусинные кольца. Наряду с бусинными кольцами появились серебряные кистевидные или колоколовидные подвески.

Изделия из ценных материалов предназначались для знатных людей, но творцами их были мастера из народа, именно они

вносили черты народного искусства в форму и орнаментацию вещей, используемых в придворном и церковном обиходе. В мастерских Московского кремля — Государевой, Царицынской, Золотой, Серебряной, Иконописной, Оружейной и прочих палатах — работали лучшие специалисты Москвы, Новгорода, Ярославля, Костромы и других древних художественных центров страны.

История русского ювелирного искусства насчитывает более 1000 лет. Она пережила периоды расцвета и забвения, ученичества и высокого профессионализма. Золотых и серебряных дел мастера владели всеми техническими приёмами обработки драгоценных металлов. Они могли отливать рельефные изображения и скульптуру, вытягивать тончайшую проволоку — скань, из которой делали изысканные ажурные изделия или накладывали сложнейшие узоры, создавали тончайшие гравюры, оттеняя рисунок чернью, украшали драгоценными камнями и цветными эмалями. Произведения мастеров-ювелиров отличались большим разнообразием. Это были и церковные изделия: литургические наборы, оклады икон, складни, кресты, панагии, и светские — украшения (серьги, кулоны, ожерелья, броши и др.), посуда, предметы туалета и быта.

Благородные металлы позволяют веками сохранять первозданную красоту ювелирных изделий. Замечательные природные свойства, такие, как ковкость, мягкость, плавкость, позволяют применять разнообразные технические и художественные приёмы их обработки — чеканка, ковка, гравировка, чернь, скань, эмаль и другие.

Ювелирное наследие Великого Новгорода

Особое место в культуре Древней Руси занимало искусство Новгорода Великого, крупнейшего ремесленного города Северной Европы. На ранних изделиях Новгородского прикладного искусства сказывалось влияние византийского искусства.

Новгородские серебряники упоминаются в летописях. Мастерские ювелиров открыты археологами даже в слоях XI—XII вв.³ Новгородские серебряники делали недорогие украшения, отливавшиеся из серебра, биллона, меди и бронзы, а также серебряную посуду, иконки и, наконец, такие изделия, как оклады книг, икон, церковные сосуды, утварь и многое другое. Столь же разнообразна и техника, в которой работали новгородские торецты (художники по металлу). Наряду с литьем уже с XI—XII вв. ремесленники города знали ковку, чеканку,

тиснение, скань, эмаль по золоту и меди⁴.

О чрезвычайно высоком уровне развития русского декоративно-прикладного искусства в эпоху до татаро-монгольского нашествия рассказывают экспонаты из фондов Новгородского государственного объединённого музея-заповедника.

В раннем прикладном искусстве Новгорода можно выделить два направления — грекофильское, ещё целиком связанное с аристократическими вкусами, и собственно новгородское, ориентирующееся на демократические широкие посадские круги. Эти две ветви пронизывают всё искусство XII в. и сказываются даже в таких изысканных и дорогих произведениях, как изделия с перегородчатой эмалью.

Ещё недавно само бытование и производство эмалей в Новгороде подвергалось сомнению, исследователи словно забыли о существовании перегородчатых эмалей, двух пластин с изображениями Ипатия (на меди) и Георгия (на золоте). Находка эмалевой пластины первой половины XII в. при раскопках в Неверском конце окончательно развеяла сомнения. Это небольшой золотой круглый диск с четырьмя зелёными трилистниками в белых овалах, красным ромбом в центре и красными треугольниками в концах. Орнамент подобного типа характерен для всего древнерусского искусства и широко представлен в новгородских древностях⁵.

Трудно говорить о создании новгородскими эмальерами своей школы, ибо до нас дошло слишком мало памятников. Однако в качестве своеобразных новгородских черт этого искусства можно назвать сочетание цветов — синего, зелёного, красного, голубоватого. В целом же новгородские эмальеры послушно следовали за живописью — фреской и иконой, воспроизводя её образцы соответственно заказу и вкусу, ориентируясь либо на грекофильскую культуру, либо на произведения, более связанные с народной линией в новгородском искусстве⁶.

Орнамент выющейся лозы с крупными цветами был воспринят в Киевской Руси и также широко применялся на серебряных басменных окладах икон Софийского собора. В 1336 г. новгородские мастера создали такой замечательный памятник, как «Золотые Васильевские врата» для храма Софии Новгородской, по заказу архиепископа Василия Калики, позднее увезённые Иваном IV в Александровскую слободу. Эти врата были выполнены в технике золотой наводки по красной меди. В 1329 г. по заказу новгородского архиепископа Моисея был сделан массивный потир из красной яшмы в серебряной оправе. Он прекрасен своей несколько суровой строгостью, лаконизмом формы, тяжёловатыми пропорциями и сдержанной гаммой красок.

В XIV в. в Новгороде родилась новая форма драгоценной посуды, завоевавшая значительную нишу в русском ювелирном искусстве, — золотые и серебряные ладьевидные ковши. О высоком уровне художественной культуры Новгорода XV в., о тонкости и высоком качестве художественного мастерства его серебрянников свидетельствует резное изображение «Знамение» на серебряной панагии 1435 г.

Широкое распространение и развитие получили в Новгороде серебряная скань с её сердцевидными узорами, эмаль по сканному узору, с мелким зерном, живописная эмаль.

Высокий уровень мастерства серебряников Новгорода повлиял на развитие ювелирного дела в Москве, на Русском Севере и других областях государства Российского⁷.

Особенности филигранного и эмальерного искусств Новгорода Великого XI–XVII вв.

Прекрасные произведения искусства, исполненные на высоком художественном уровне, знакомят нас с различными видами ювелирной техники. Умельцы серебряных и золотых дел владели множеством тонких и сложных приёмов: чернь, золочение, гравировка, скань, зернь и т. д. В этих труднейших технологиях они достигли вершины мастерства, были первоклассными резчиками и чеканщиками.

Техникой скани — ажурного узора из тонкой золотой или серебряной проволоочки, скрученной в виде верёвочек, владели новгородские мастера уже в XI веке. Об этом свидетельствуют золотые височные кольца или серьги XI в., найденные археологами: одни — на деревянной мостовой Неревского раскопа, другие — на Городище, близ Новгорода. Первая пара орнаментирована петлеобразной сканью, вторая — зернью (мелкими гладкими золотыми шариками).

Особенной тонкости в исполнении требовало эмальерное искусство. Эмаль появилась в ювелирном деле как заменитель драгоценного камня и в XII–XIII веках неоднократно упомянута в летописи под названием «финифть».

В экспозиции Владычной или Грановитой палаты Новгородского кремля представлены 12 пластин, выполненных в технике перегородчатой эмали.

На иконе «Богоматерь Знамение» (новгородский мастер Калина Рябов, 1854 г.), — 10 образков, которые относят к XII веку. Обрывистая, неряшливая линия, трудно читаемые надписи, перетекающие из цвета в цвет, не удержанная перегородочками эмаль, неуклюжие жесты, грубые черты ликов. Но всё это искупается эмоциональной выразительностью. Тем самым художник сумел наделить образы святых острыми, точными, индивидуальными характеристиками. По технике исполнения и по общему тёмно-синему колориту образки очень близки к перегородчатым эмалям с изображением Георгия и Ипатия⁸.

Дробница из золота с изображением святого Георгия XII в. уникальна. Её нашли на Городище, месте княжеской резиденции, неподалёку от Новгорода в начале 1930-х годов. Миниатюрная пластина (длиной 2,6 см, толщиной 1 мм) представляет святого воина в рост фронтально, в доспехах, с копьём в правой руке. Слева колончатая надпись, залитая голубовато-белой эмалью, «ЮОРГИ». Золотые перегородки тонкие, эмаль семи цветов.

Святой Георгий одет в плащ красно-коричневого (кирпичного цвета) и облачён в тёмно-синие доспехи.

Тёмно-синие штаны и трёхцветные сапоги (зелёные голенища, синие и красно-коричневые головки) украшены золочёным орнаментом. В фигуре Георгия цвет и рисунок более обобщены. Ячейки перегородок образуют сравнительно большие плоскости, залитые плотными эмалями чистых, открытых цветов⁹.

Назначение пластины неизвестно, следов крепления на ней нет. Может быть, это часть украшения какой-нибудь иконы или другого культового предмета.

Перегородчатая эмаль украшает мощевик с изображением святого Ипатия XIII в. Это небольшой деревянный ковчег для мощей, в серебряном окладе. Его крышкой является прямоугольная пластина из меди, на которой перегородчатой эмалью изображён в рост епископ гангрский Ипатий. Святой с асимметричной короткой фигурой правой рукой благословляет, левая покровенная держит Евангелие. Исполненная эмаль неяркая, пяти оттенков, перегородки живописные, мягкие. Под медной крышкой с изображением, в углублении, хранится часть косточки.

В медной пластине с изображением Ипатия явно проступают народные вкусы. Мощевик поступил в музей в 1920-е годы из Софийского собора в Новгороде.

Уже в XI–XII вв. в Новгороде Великом развивалось филигранное и эмальерное искусство. Для изготовления ювелирных украшений, церковной утвари использовались техника петлеобразной скани, перегородчатой эмали, зернь. Для эмальерного искусства своеобразными чертами является сочетание цветов — синего, зеленого, красно-коричневого (кирпичного), голубоватого. Новгородские мастера производили свои изделия согласно заказу и вкусу, ориентируясь либо на круг грекофильских памятников (пластина с изображением

Пластина.
Святой Георгий

Мощевик.
Святой Ипатий

Святого Георгия), либо на произведения, более связанные с народной линией в новгородском искусстве (мощевик Ипатия).

Новгород меньше других городов подвергся бедствиям в тяжёлые годы, когда на Русь обрушилось монголо-татарское нашествие. Благодаря тому, что вражеские войска не дошли до Новгорода, он лучше многих других художественных центров сохранил своё культурное наследие.

В 1329 году по заказу новгородского архиепископа Моисея был сделан массивный потир из красной яшмы в серебряной оправе — самый ранний памятник после-монгольского периода, украшенный сканью.

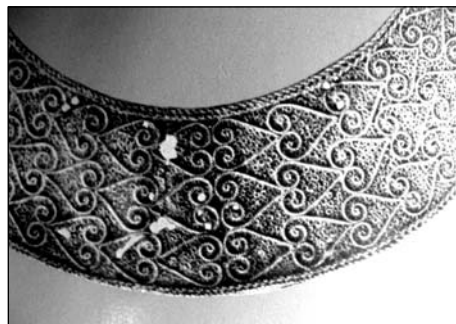
Потир этот прекрасен типичными для Новгорода лаконизмом, несколько суровой строгостью формы и сдержанной гаммой красок. Несмотря на крупные S-образные завитки из двух нитей довольно толстой крученой скани чередуются на оправе с камнями-кабошонами в гнездах. Завитки подобны известным на древнейших из сохранившихся русских сканых изделий, но на потире

архиепископа Моисея они несколько усложнены.

Новгородские серебряники широко применяли скань в XV и XVI столетиях. С конца XV века и на протяжении всего XVI века в Новгороде особенно распространён сканый орнамент крупных сердец, образованных соединёнными по два спиральными завитками, равномерно расположенными на фоне, сплошь покрытым мелкими скаными кружками. Новгородские сердцевидные завитки возвышаются над фоном, они выполнены из более

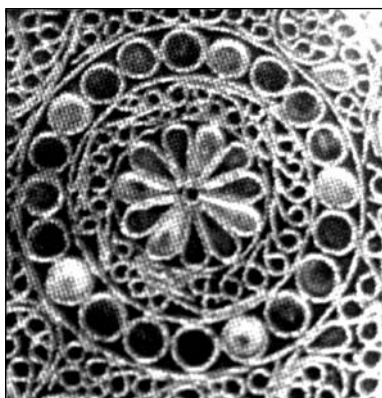
Потир из красной яшмы в серебряной оправе. XIV век

Венец со сканым орнаментом крупных сердец. XV в.

толстой сканой верёвочки или гладкой проволоки, чем покрывающие сплошным ковром фон мелкие кружочки из тонкой сканой верёвочки.

Новгородские сканых дел мастера XV и XVI применяли иногда и совсем особый приём, дающий возможность выделить некоторые части узоров широкой, мягкой, как бы кистью проведённой полосой, образованной тремя нитями — тонкой верёвочкой, положенной между двумя гладкими проволоками. Основной рисунок при этом обычно располагается на фоне

Фрагмент оклада Мстиславова Евангелия. XVI в.

Панагия архиепископа Пимена. XVI в.

мелких сканых кружков. Отдельные детали, выполненные таким приёмом, встречаются на многих серебряных предметах новгородской работы. Часто это колечки из трёх нитей скани, через которые пропущены стебли.

В XVI веке сканый орнамент иногда расцвечивался в Новгороде «холодной эмалью», то есть наложенной без обжига цветной мастикой с лаком. На окладе

Мстиславова Евангелия, переделанном в 1551 году в Новгороде, в небольших лепестках и кружках из тонких ленточек плющеной скани прекрасно сохранилась мастика белого, красного и синего цвета.

Киноварная и бледно-зелёная мастика заполняет мелкие кружки, образующие четыре больших круга, крест, цветы, розетку и отдельные лепестки грушевидной формы на другом окладе Евангелия, также новгородской работы XVI века.

Эмаль по сканому орнаменту сменила во второй половине XVI века «холодную эмаль». В противоположность светлой, богатой оттенками московской эмали, новгородская эмаль отличается сдержанной гаммой тёмных тонов — синего, зеленого и чёрного. Этот приём применялся новгородскими ювелирами при изготовлении венцов, цаты, оправ образков. Известным памятником XVI века, в котором он использован, является панагия архиепископа Пимена. Традиционный для новгородцев рисунок скани с сердцевидными клеймами на фоне витых колечек оживляет эмаль (синий, зелёный, бирюзовый цвет).

В новгородском искусстве XV, XVI и XVII столетий встречается несколько вариантов очень изящного

сканого орнамента растительного характера, иногда с эмалью, на матовом канфаренном фоне или на фоне, покрытом мельчайшими скаными кружками: стилизованные цветы и травы поднимаются из кольца как бы из устья вазы или из цветка лилии; иногда стебли образуют круги, внутри которых свободно раскинулись побеги из двух рядов сканой верёвочки, выходящие в разных направлениях из кольца, с растущими на них синими и бледно-бирюзовыми листьями¹⁰.

Такой же лёгкий и изящный сканый орнамент растительного характера имеется на серебряном с эмалью окладе иконы Спаса XVI века из собрания Государственного Исторического музея. Орнамент этот выдерживает сравнение с лучшими скаными изделиями мастеров Оружейной палаты. В то же время особенности новгородского искусства в нём явно выражены.

Изделия русского прикладного искусства XVII века отличаются от изысканно благородного, строгого и лаконичного искусства предшествующего столетия. Декоративно-прикладное искусство становится нарядным и жизнерадостным. В то же время изделия новгородских умельцев сохраняют некоторые традиционные черты. Так,

по-прежнему излюбленными цветами эмали остаются тёмно-синий и зелёный, но, как и московские мастера, новгородцы применяют эмаль в изобилии, заполняя ею ячейки между скаными узорами¹¹. Характерен в этом отношении золотой напрестольный крест с трёхлопастными завершениями концов 1600 г. Лицевая сторона креста украшена литыми накладными традиционными

фигурами. Вся поверхность предмета покрыта филигранными травами и цветами с зелёной, синей, белой, бирюзовой эмалью.

Евангелие. 1654 г.

сканью, побеги и цветы которой залиты разноцветной эмалью. Отметим устойчивые для Новгорода оттенки

В первой половине XVII в. было напечатано Евангелие — апракос, в 1654 г. вложенное в Софийский собор. Доски Евангелия покрыты турецким бархатом и золочёным серебром. На верхней — традиционные, искусно исполненные композиции «Распятие с предстоящими» в среднике — евангелисты в наугольниках. Фон орнаментирован кружевной

эмали, гармонирующие с многочисленными драгоценными камнями (сапфиры, халцедоны, рубины, изумруды, шпинель, гранаты).

В XVII веке новгородские серебряники украшали лепестки и листья сканого орнамента сотнями мелких рельефных чеканных бусинок, которые блестящими каплями выступали над слоем эмали, создавая тесную связь оправы с цветной эмалью. В конце XVII и начале XVIII столетия встречается и иной подход к той же задаче: каждый шарик зерни припаивался в специально вычеканенное для него углубление, после чего предмет покрывался тонким слоем эмали. Подобные работы были возможны благодаря высокому мастерству новгородских чеканщиков. К концу XVII века эмаль приобрела более яркую окраску, но большей частью не выходящую за пределы синей, зелёной, голубой¹².

Современные технологии и промышленные способы производства изделий заменили многие ручные приёмы обработки металла. Но для создания уникальных и малосерийных художественных изделий секреты ручной работы сохраняются и передаются новым поколениям мастеров. Современное ювелирное искусство развивается в русле исторически сложившихся традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народные художественные промыслы. Под ред. О.С. Поповой. М., 1984. С. 126.

² Константинов С.С. История декоративно-прикладного искусства. Конспект лекций. Ростов-на-Дону, 2004. С. 61–62.

³ Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода. МИА СССР. № 55. М., 1956. С. 23; Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров. МИА СССР. № 117. М., 1963. С. 225–227.

⁴ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 282, 294–300, 318–320.

⁵ Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 10–11.

⁶ Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода... С. 18.

⁷ Никифоров Б.Т., Чернова В.В. Ювелирное искусство. Ростов-на-Дону, 2006. С. 171–173.

⁸ Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 92.

⁹ Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода... С. 13–14.

¹⁰ Постникова-Лосева М.М. Русская золотая и серебряная скань. М., 1981. С. 22.

¹¹ Гормин В.В. Грановитая палата. Л., 1980. С. 43.

¹² Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство его центры и мастера XVI–XIX вв. М., 1974. С. 50.

В.И. Ярыш

РЕМЕСЛЕННОЕ УЧЕНИЧЕСТВО В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

В начале XIV века бытовое народное искусство, как пишет Б.А. Колчин, укореняется в деревне с натуральным хозяйством и малоподвижным укладом жизни и сохраняется там вплоть до XX века¹.

На протяжении XV века в новгородских вотчинах происходит разделение труда на ремёсла и сельскохозяйственный процесс. Некоторые крестьяне зарабатывают на хлеб уже не земледелием, а исключительно ремеслом, появляются семейные мастерские: *«Так, на погосте Березском, Юрьева монастыря, кроме пашенных крестьян, насчитывалось непашенных 9 дворов, 10 человек, в том числе: 1 дегтарь, 2 швеца-портные, 1 сапожник, 1 плотник <...>. Среди непашенных ремесленников, живших в крупных вотчинах, встречаем: плотников, швецов, шерстников, гончаров, кузнецов, овчинников, колпачников, сапожников <...> Среди различных типов сельских поселений появились рядки — поселения непашенных торговых людей»*². Поселения торговых людей появились как следствие выделения ремесленников из крестьянской среды, что дало толчок экономическому развитию деревни.

К началу XIX века продолжался активный процесс расслоения крестьянства, что дало толчок к экономическому развитию деревни и, как следствие, появились поселения торговых людей. М.М. Громыко приводит слова министра финансов Д.А. Гурьева, писавшего в 1811 г. о размахе крестьянской предприимчивости: *«Они занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, поставки и откупа, содержат заводы и фабрики, трактиры, постоянные дворы и торговые бани, имеют речные суда и производят рукоделия и ремёсла наемными людьми»*³.

Торговая ветвь ремесленного развития приобретает профессиональные черты со всеми присущими ей особенностями и сформированной системой обучения новых мастеров. Остановимся подробнее на опыте передачи ремесленных знаний в непроизводственной сфере, в мелком товарном производстве крестьянских хозяйств, кустарных ремесленных мастерских, который отчасти актуален и в настоящее время.

Многие этнографические источники указывают на то, что передача ремесленных навыков в крестьянской среде происходила, в основном, именно внутри семьи: от родителей к детям, от дедов к внукам. Насущная необходимость заставляла крестьян владеть всеми основными видами ремёсел: *«...в России любые ремёсла „всяк волен делать“, а обучение ведётся в семье так, что мастерство передаётся от отца к сыну»*⁴.

Вероятно, процесс обучения происходил и при усадьбах помещиков: *«Редкий помещик, а особенно живущий в деревне, который бы не имел в доме своём всех нужных ему ремесленников, яко столяров, живописцев. Излишние из них отпусаются в города для работы и берут с них оброк»*⁵.

ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

В тех местностях России, где земли были не особенно плодородными, крестьянам приходилось специально обучаться одному из ремёсел и уходить зарабатывать средства на жизнь, оказывая тот или иной вид ремесленных услуг в других деревнях и губерниях. Такие работы на стороне назывались «отхожими промыслами», то есть временной сезонной работой мастеров вне своей деревни⁶.

Отхожие промыслы существовали в России издавна, достигнув наибольшего расцвета в XVIII—XIX столетиях⁷. Особенно активно они стали развиваться после реформы 1861 года. Так, в 1884 году в европейской России в них было занято 4,6 млн. человек, а в 1897 году уже 9,3 млн.⁸ Не от хорошей жизни крестьяне шли на отхожие промыслы, невольно распространяя местные ремесленные и художественные традиции.

В некоторых губерниях развитие ремёсел приобрело грандиозный размах. В Вятской губернии в конце XIX века в кустарных промыслах разных специальностей было занято более полумиллиона человек (около 58 % населения рабочего возраста). Из них в отхожих промыслах было около четверти миллиона (приблизительно 32 %)⁹.

Мастера уходили на отхожие промыслы группами и работали артелями¹⁰.

Как же передавались ремесленные навыки в коллективе мастеров, работающих на отхожих промыслах? Вот, например, как описывает этот процесс В.А. Барадурлин — автор исследования по народным росписям Урала: *«Красильному делу учили сызмала, в поездки брали мальчиков девяти—одиннадцати лет. Научиться приёмам кистевой росписи считалось делом несложным: для этого достаточно было поработать один сезон. Сложнее приобретались ремесленные навыки: умение варить олифу, окрашивать большие поверхности, растирать краски. К шестнадцати—семнадцати годам осваивали все тонкости ремесла»*¹¹.

Таким образом, учёба в артели «красильной» проходила в течение пяти—шести лет.

Внутри такой артели художников по расписыванию домов обязанности распределялись в соответствии со способностями мастера и его квалификацией. «Первой руки мастер» мог выполнять все работы. «Второй руки мастер» работал с первым внутри домов. «Мастер третьей руки» занимался простыми малярными работами:

грунтовал стены и потолки под роспись, а также красил дом снаружи, ворота, крыши. Мастерам высокой квалификации всегда помогали подмастерья¹².

В 80-х годах XIX века в Тамбовской губернии получили большое развитие крестьянские артели по обработке овчин: «Артели овчинников состояли обычно из 3–5 человек. Глава — артельщик (атаман) был и главным мастером, то есть руководил технической стороной производства, и был организатором всего хозяйства артели, и вел всю приходно-расходную бухгалтерию. Товарищества овчинников были здесь разных типов. В одних — артельщик покупал сырье на свои средства, в других — овчины закупало товарищество на паях, в третьих — артель работала на заказчика. Иногда одна и та же артель меняла формы своей деятельности. Члены артели получали по окончании работ разные доли дохода в зависимости от знания овчинного дела или личного вклада в первоначальные расходы. Такие артели уходили на работу в другие губернии, туда, где возможен был спрос на овчинников. По прибытии в ту или иную деревню иногда заключалось соглашение с общиной в целом: приходила артель брала подряд на выделку овчин для всех домохозяев, устанавливалась цена. В других случаях выполнялись индивидуальные заказы»¹³.

Деревенских ребятшек часто отправляли в город на обучение в ремесленную мастерскую, где учение такое бывало нелёгким. «...А живучи тому моему сыну Анисиму в том учебном промыслу у него Фадея, быть во всем послушину и покорну и безответну; делати в те восемь лет безотступно и быть в послушании и в покорении...» — из документа середины XIX века видно, каково приходилось мальчику в обучении, отданному на 8 лет в мастерскую к мастеру-серебрянику¹⁴.

Об угнетённом положении учеников, отданных в обучение к мастеру, длительное, но плохое, применительно к XVII в. пишет С.В. Бахрушин: «...к нему, Якушке, домой не пошел, также и к отцу своему не пришел, не хотя у него, Якушки, жить, для того, что он, Якушка, и жена его беспрестанно его, Мишку, били и увечили и против записи одежи и обуви на него не клали... а как де он у него жил, и он, Якушка, мастерству его, Мишку, никому не учил, только его заставлял у себя работать... и жить у него он и ныне не хочет, для того, что он бил его напрасно смертным боем»¹⁵. Бахрушин указывает, что такая ситуация с обучением сохраняется вплоть до начала XX века. А Б.А. Рыбаков добавляет, что «без больших натяжек мы можем расширить это наблюдение и на предшествующие столетия, вплоть до времени составления Псковской Судной грамоты»¹⁶, то есть до начала XV века. Это же подтверждает и Бахрушин в другой своей записи: «В 1594 г. мальчуган 12 лет Кирилло Офромеев сын Горончаров говорил в Новгороде, что „наперед сего... жил на Москве и учился портного мастерства у портного мастера у Филипка у Деменьева и от него сбежал, а не снёс от него ничего”»¹⁷.

Получается, что и в XV веке вполне могло происходить то, что Антон Павлович Чехов описывает в рассказе 1886 года «Ванька», в котором девятилетнего мальчика из деревни отдали в обучение к московскому сапожнику Аляхину на три месяца: «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволоч меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльку и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела

мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя, а еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребятёнок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку... А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что утал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой...»¹⁸.

Судя по этим записям, жизнь в ученичестве на протяжении столетий не многим различалась от века к веку и часто была не сладкой.

Интересны способы передачи ремесленных знаний в данный исторический период. Если в древнерусских городах ремесленные навыки можно было получить, в основном, в специализированных мастерских под руководством опытного мастера и за деньги или, работая на него (обучение в семье, видимо, было развито незначительно), то в крестьянской среде опыт, в основном, передавался от отца или деда в кругу семейства. На отхожих промыслах внутри артели новичок погружался в творческий коллектив, выполняя сначала несложные виды работ и вырастая до уровня мастера.

Механизм передачи ремесленных навыков выглядел следующим образом:

- Мастер работал один, предварительно обучившись ремеслу в семье, в специализированной мастерской, на отхожем промысле, далее продолжая совершенствовать мастерство самообразованием.
- Мастер работал с учеником в специализированной мастерской.
- Мастер работал с подмастерьем в специализированной мастерской.
- Мастер работал с учеником и подмастерьем в специализированной мастерской.
- С ученика бралась плата.
- Ученичество занимало до восьми и более лет. Ученик попадал в мастерскую в возрасте 9–10 лет и был дармовой силой для мастера.
- Процесс обучения происходил в практике совместной работы учителя и ученика;
- Присутствовала артельная (3–5 человек) форма работы. Возможно, и больше, если дело касалось строительных артелей. Ученичество в артели происходило при совместной работе в постижении учеником 9–11 лет мастерства от простого к сложному и занимало до 5–6 лет;
- Работали из своего материала или материала заказчика.
- Работали на заказ и на свободный рынок.

ЗЕМСТВА

После отмены крепостного права земства создавали ремесленные школы, организовывали кооперативы и специальные склады изделий мастеров в больших городах для последующей продажи изделий художественного ремесленного творчества. Земства также способствовали организации музеев, боролись с перекупщиками. В 1872 году при Совете и мануфактуре Министерства финансов была создана специальная комиссия для исследования кустарных промыслов. Ею опубликовано 16 томов

«Трудов», в которые вошли исследования многих промыслов в различных местностях России. В 1888 году Министерство Государственных Имуществ организовало специальную комиссию, которая выработала меры по поддержке промыслов:

1. Распространение и улучшение обучения ремёслам в сельских школах ведомства.
2. Учреждение спецшкол для некоторых видов кустарного производства.
3. Распространение полезных для кустарей сведений через печать.
4. Устройство специальных кустарных выставок.
5. Устройство центрального кустарного музея при Императорском сельскохозяйственном музее.
6. Содействие устройству провинциальных кустарных музеев и складов для продажи кустарных изделий.
7. Образование кустарных комитетов и привлечение местных деятелей.
8. Разъяснение указаний, касательно кустарной промышленности¹⁹.

Активная работа земств прослеживается вплоть до революции. Была разработана целая система по поддержке и развитию кустарных промыслов. В момент бурного роста промышленности и капитализации общества, кустарные производства без поддержки со стороны государства не смогли бы существовать. С другой стороны, крестьяне, которые не могли заработать достаточно средств летними работами и вынуждены были заниматься кустарными промыслами в зимний период, нуждались в такой поддержке тоже. Таким образом, в Новгородской губернии земства способствовали учреждению нескольких школ ткачества для крестьянских девушек. Обучение в таких школах продолжалось от двух месяцев до двух лет и обходилось казне сравнительно недорого²⁰.

В начале XX века в Бронницкой и примыкающей Никольской волостях Новгородского уезда значительное распространение получил промысел изготовления корзин грубой выделки. Этой работой были заняты 1400 человек в 600 дворах. Материалом для производства корзин служили ивовые прутья. Местность была настолько богата ивовыми кустарниками, что избыток сырья приходилось вывозить в другие населённые пункты. В докладе Новгородскому губернскому земскому собранию сессии 1912 года по кустарной промышленности говорится: «*Устройство учебно-показательной мастерской в этом районе принесёт несомненную пользу для повышения заработка кустарей... губернская управа признаёт желательным удовлетворить ходатайство Новгородского уездного земства единовременным финансированием 75 рублей на устройство мастерской*»²¹. Просили деньги на поиск и приглашение для работы такой мастерской мастера-педагога и на его содержание.

Земства внесли существенные изменения в процесс организации промыслов и ремёсел. Действенное регулирование этой сферы производства теперь стало функциональной обязанностью Государства.

Можно выделить следующие способы передачи ремесленных знаний в этот период:

- улучшение обучения ремёслам в обычных школах и создание ремесленных спецшкол, в том числе и в сельской местности;
- привлечение специалистов из городов для обучения крестьян ремеслу;

- организация ремесленных кооперативов;
- создание в больших городах специальных складов для изделий художественного ремесленного производства с последующей их продажей населению;
- организация кустарных выставок и музеев;
- борьба с перекупщиками;
- научное исследование кустарных промыслов с последующей выработкой мер по их поддержке;
- распространение ремесленных сведений через печать;
- привлечение внимания общественных деятелей к ремесленному производству;
- популяризация решений правительства по данной сфере деятельности.

Решения земств по проблеме традиционного ремесла поражают всеобъемлемостью, но преобразования были прерваны революцией в 1917 году и стали вновь актуальны только в конце XX века. Ситуация с промыслами и ремёслами вековой давности очень схожа с настоящей. Изучая её, мы многое можем узнать о том, что уже тогда было осмыслено и сделано в этом направлении. По крайней мере, программа специальной комиссии при Министерстве Государственных Имуществ, состоящая из восьми пунктов, вновь актуальна и без особых изменений может быть перенесена в современную действительность.

РЕМЕСЛЕННЫЕ ШКОЛЫ

В конце XIX века возникли две ремесленные школы, заслуживающие особого внимания: Абрамцево под Москвой (в поместье Саввы Мамонтова) и Талашкино под Смоленском (в поместье князя Вячеслава Тенишева), где учили традиционным ремёслам крестьянских детей и взрослых. Ситуация, когда просвещённые городские мастера учили простых крестьян, успешно реализовалась в этих двух ремесленных школах. Ремесленные школы в Абрамцево и Талашкине, хоть и возникли благодаря инициативе отдельных личностей, но невольно явились закономерным и законченным выражением многогранной и деятельной политики государства в данном направлении в лице земств. Эти школы, правда, подвергались критике за то, что на основе крестьянских образцов производили вещи с новым эстетическим вкусом. Также за то, что отходили в этом деле от вековой традиции крестьянского ремесла. Тем не менее, во-первых, они создали значительные образцы прикладного творчества, которые в цене и по сей день, во-вторых, через сотню лет после их уникального опыта — после перестройки 1980-х — наше поколение, похоже, движется вновь по тому же пути. И если сопоставить то, что делают сейчас городские, да и не только, мастера, с тем, что донесла до нас народная традиция, можно прийти к выводу, что не только повторяется опыт столетней давности, но и «усугубляется» в самых существенных моментах.

ТАЛАШКИНО

В середине 90-х годов в своём имении Талашкино под Смоленском княгиня М.К. Тенишева, певица, художница, археолог и учёный, приступила к созданию учебных художественных мастерских по резьбе и росписи по дереву, чеканке по металлу, окраске тканей, вышивке, керамике. Тенишева была одержима идеей приобщения деревенской молодёжи к творчеству, помогая крестьянским семьям в дополнительном заработке. И уже вскоре

в Талашкинских мастерских и на дому только женщин-крестьянок работало более двух тысяч, приблизительно из пятидесяти смоленских деревень, занимаясь шитьём, крашением и набойкой²². Тенишева предполагала открыть в Москве небольшой магазин для сбыта вышивок, произведений столяров, резчиков и керамистов, работавших в мастерских. Её идеи были созвучны с тем, что делала земства по поддержанию крестьян-мастеров.

Княгиня Тенишева писала, каким должен быть преподаватель в её школе: *«Я всегда думала, что деревенский учитель должен быть не только преподавателем в узком смысле слова, т. е. от такого-то до такого-то часа давать уроки в классе; но он должен быть и руководителем, воспитателем. Должен сам быть сельским деятелем, всеми интересами своими принадлежащим к деревенской среде; знать сельское хозяйство, хотя бы в какой-нибудь маленькой отрасли его, быть если не специалистом, то любителем, например, огородничества, садоводства или пчеловодства, чтобы подавать пример своим ученикам, приучать их к труду; пробудить сознательное отношение и любовь к природе; а кроме того, он должен был быть и их первым учителем нравственных правил, чистоплотности, порядочности, уважения к чужой собственности. Деревенская обстановка темна, дети видят иногда дурные примеры, пьянство. Драки, воровство. Где же, как не в школе, должны они получить первые примеры для жизни? Всё это лежит на учителе. Ему надо заронить в душу своих питомцев искру Божию»*²³. Всё это перекликается с опытом у В.А. Сухомлинского в его сельской школе.

Княгиню Тенишеву можно назвать мастерицей организации средового подхода в отдельно взятой школе — мастерицей организации «культурно-развивающей среды». Идя на ощупь, не имея специального педагогического образования, княгиня Тенишева создала оригинальную педагогическую систему, успешно справлявшуюся с теми нелёгкими задачами, которые были в крестьянской среде того времени. Она создала систему, к которой сохраняется интерес педагогов и через сто лет. Кажущаяся ошибочность во взглядах на возрождение и развитие народного прикладного искусства, за которую критиковали эту школу, находит выражение в следующем высказывании самой же княгини и является вполне объективным обстоятельством того времени, в котором приходилось работать самой княгине и её школе: *«Мне давно хотелось осуществить в Талашкине ещё один замысел. Русский стиль, как его до сих пор трактовали, был совершенно забыт. Все смотрели на него, как на что-то устарелое, мёртвое, неспособное возродиться и занять место в современном искусстве. Наши деды сидели на деревянных скамьях, спали на пуховиках, и, конечно, эта обстановка уже перестала удовлетворять современников, но почему же нельзя было построить все наши кресла, диваны, ширмы и трюмо в русском духе, не копируя старины, а только вдохновляясь ею? Мне хотелось попробовать, попытать мои силы в этом направлении, призвав к себе в помощь художника с большой фантазией, работающего тоже над этим старинным русским, сказочным прошлым, найти лицо, с которым могла бы создать художественную атмосферу, которой мне не доставало»*²⁴. Этим художником оказался С.В. Малютин. Как сходны эти слова княгини с проблемами, над которыми бьётся общественность спустя столетие, возрождая народное искусство, народную культуру.

АБРАМЦЕВО

Подобная ситуация получилась и в Абрамцеве, где была организована школа с мастерскими, о чём можно узнать из письма Елизаветы Григорьевны Мамонтовой 1886 года: *«Школа эта самая обыкновенная, народная, учеников в ней 70 человек, преподают две учительницы и законоучитель. Существует она 12-й год. Лет восемь тому назад я устроила при школе столярную мастерскую, в которую поступают ученики, окончившие курс в школе. Устроена мастерская на десять человек. Мальчики в ней остаются от трёх до четырёх лет. <...> Окончательная цель мастерской — подготовить мастеров-кустарей с более развитым вкусом, имеющих всегда под рукой музей (музейную коллекцию собрали Мамонтовы — В.Я.) с готовыми художественными образцами и мастерскую, готовую во всякое время дать помощь советом, так и в деле сбыта товара»*²⁵.

Ещё в 1885 году Е.Д. Поленова — художественный руководитель столярной мастерской, говорила: «Цель наша подхватить ещё живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться»²⁶.

Сходные идеи по созданию мастерских в Талашкине и Абрамцеве, полное соответствие с государственными задачами в виде земских рекомендаций, аналогичные стимулы, похожая организация процесса, одинаковая результативность показывают объективную закономерность и логику развития народного искусства той поры, а также стимулы в создании самих школ и их показатели.

Принципы обучения в этих двух мастерских как раз и отражают основную идею земств: приглашение специалистов для обучения конкретной группы деревенских жителей. В данном случае специалистами часто выступали выдающиеся деятели художественной элиты русского общества.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ МАСТЕРА

В советский период так и не произошло слияния города с деревней. По крайней мере, в России. Крестьянский быт, в динамике внутреннего развития, всё ещё сохраняет некоторые черты былой жизни. Это видно и по тем песням, которые находят фольклористы, и по тем изделиям ремесленного творчества, которые обнаруживают в экспедициях этнографы. В здоровом консерватизме крестьянской жизни кроется залог возможности возрождения традиционных народных ремёсел на современном этапе.

Истинная культура способна выдерживать серьёзные испытания социально-историческими преобразованиями. В конце XIX века фольклористы утверждали, что уходят последние носители фольклора, и если не записать эту информацию, многое будет потеряно безвозвратно. Так ли это на самом деле? Тридцать лет назад специалисты Новгородского музея утверждали, что берестяное творчество как вид традиционной культуры «просуществовало в Новгородской области до 50-х годов нашего столетия», и сожалели, что оно не получило развития в городской среде хотя бы в виде сувениров²⁷. Но жизнь опровергает прогнозы специалистов. Современные крестьянские мастера многое могут поведать о ремесленном творчестве настоящего и прошлого.

За последние годы автору удалось найти в Новгородской области шесть мастеров-крестьян, работающих с берестой. Все они берестяному творчеству обучались

в детстве от дедов или других родственников, и это подтверждает естественный механизм передачи ремесленных знаний в крестьянстве на протяжении веков. В течение жизни эти мастера плетением занимались нерегулярно, но длительных перерывов не было. Способы заготовки, хранения бересты, работы с ней, а также формы изделий, выработанные мастерами, не выходили за рамки общего русла развития берестяного ремесла у крестьян Северо-Запада России.

Алексей Никифорович Алексеев родился в 1914 году в деревне Марково Новгородского района²⁸. Начал плести с двенадцати лет. Учился у своего деда Егора Кондратьева, который в то время жил в деревне Иванково в четырёх километрах от Марково (деревня не сохранилась). Два других мастера — **Петухов Иван Андреевич** (1906 г. р.) из села Уторгош Шимского района²⁹ и **Баршников Михаил Дмитриевич** (1927 г. р.) из деревни Кожевниково

до колена. Заготовка бересты осуществлялась только ленточным способом, а материал хранился в клубках. Кроме ножа, костыга (инструмента для плетения в виде изогнутой отвёртки) и щемялок (самодельных прищепок), в плетении он ничего не использовал. Берестяная лента для улучшения скольжения протиралась кусочком мыла с водой. При плетении мастер непременно держал свободную от работы в данный момент щемялку во рту, как и остальные мастера, что подчёркивает наличие традиции, ведь деревни этих трёх мастеров находятся в разных концах области. Иван Андреевич Петухов, например, по поводу щемялки во рту во время плетения говорил следующее: «Чем положить (на стол), так я в рот. Я быстрее и найду... И она уже никуда не девается»³¹.

Круг плетёных изделий у Алексея Никифоровича невелик и ограничен строго функциональными вещами, применимыми в хозяйстве. Это, прежде всего, корзинки (кузовки) и лукошки. Ступни, лапти, заплечные короба и горлатки. Но плелись ещё по заказам рыбаков и кошельки для червей. Такое положение вещей поясняет «принцип утилитарности» крестьянского ремесла, когда всё, что изготавливается, должно быть применимо в хозяйстве.

Два из шести опрошенных мастеров сообщили, что при заготовке использовали специальные деревянные лопатки, которыми помогали винтовому движению ленты, «чтобы лучше вести, откалывать бересту», как пояснил нам **Баршников Михаил Дмитриевич**, мастер из Демянского района Новгородской области³².

Алексеев Алексей Никифорович рассказал нам о якобы порче дерева во

Алексей Андреевич Чусов, мастер по бересте, 1909 г. р. Деревня Морозово Мошенского района, 1993 г.

Алексей Никифорович Алексеев, мастер по бересте, 1914 г. р. Деревня Марково Новгородского района, 1995 г.

Демянского района³⁰ — тоже учились плести у своих родных дедов. Всю свою жизнь они прожили или в своих деревнях, или в соседних. Именно это обстоятельство в большей степени позволяет судить о преемственности и сохранении локальной традиции. К сожалению, мастера не передали знания и умения своим внукам, т.к. потребности в обучении, исходящей из семьи, почти весь советский период не было. Поэтому обучаться у современных деревенских мастеров приходится городским специалистам, что является, пожалуй, одним из немногих способов сохранения традиционной ремесленной культуры в настоящее время.

Но вернёмся к Алексею Никифоровичу Алексееву. Его творчество может служить образцом крестьянского ремесла. Например, человеческое тело как мерило всех вещей: берестяные ленты, необходимые для плетения лукошка, Алексеев отмерял расстоянием от носка ноги

время заготовки бересты: «Раньше-то как же, все в лаптях и ступнях ходили. Если бы гибло, то давно бы всю берёзу истребили. Берёза, как сорняк: сколько её ни руби, она всё растёт и растёт»³³. Приводим на эту же тему слова Ивана Андреевича Петухова: «А вот у меня, это уже в июне, берёза вот тут на водокачке ободрана, и ей хоть бы что. Кору-то я снял, а мясо-то оно зарастает дичью такой, как бы сказать, тоже такая берёста, но она как берёста, но уже драть её, не надерёшь ничего»³⁴.

О заготовке бересты А.Н. Алексеев говорит следующее: «Если, которая хорошая, до самой, как говорят, пока не замёрзнет (можно драть)». Ему вторит **Чусов Алексей Андреевич** (1909 г. р.), мастер из деревни Морозово Мошенского района Новгородской области, который начал плести из бересты с двенадцати лет: «Май, июнь, июль и до морозов в любой месяц заготавливать было можно. Но во время сока лучше»³⁵.

Представители мастеров-крестьян конца XX века, которых автор обнаружил в Новгородской области, красноречиво свидетельствуют о сохранности древнего берестяного ремесла в том виде, в каком он существовал в веках. Основные принципы, которые можно выделить из их творчества, соотносятся с выводами современных теоретиков народного искусства: «повтор, вариация, импровизация» (на начальном этапе мастер копирует, потом вносит какие-то свои дополнения к известной форме, а затем на основе изученных форм импровизирует, создаёт какой-то новый вариант формы, далеко не уходя от первоначального образца); «утилитарность изготавливаемых изделий» (всё, что мастер делает, может быть применено в быту); человек — мера всех вещей (мастер не делает слишком большие или слишком маленькие изделия, так как для народной традиции это бесполезные вещи, но делает, руководствуясь как своим разумением,

так и необходимостью соизмерения сотворённого без специальных приспособлений — «своим телом» в гармонии с возможностями самого материала, да и отмеряет он этот материал не при помощи линейки, но расстоянием от пятки до колена); соответствие традиции (ни один из этих деревенских умельцев не делал украшений и лёгковесных сувениров из бересты).

Слушая рассказы современных мастеров-крестьян, которых всё же можно ещё встретить в деревнях, мы много узнаём о ремёслах и принципах передачи ремесленных знаний из поколения в поколение. Консервативная крестьянская среда сохраняла их на протяжении столетий и без изменений донесла до нас. Серьёзная культура, по сути, никогда не умирает, она сохраняется в различных формах и видах, и наша задача только уметь распознать и использовать её для дальнейшего развития традиционного народного ремесла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М. Наука, 1971. С. 61.

² С.А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М. Издание Государственного исторического музея, 1939. С. 65.

³ М.М. Громыко. Мир русской деревни. М. Мол. гвардия, 1991. С. 57.

⁴ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. Л. Художник РСФСР, 1988. С. 55.

⁵ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 55.

⁶ Словарь русского языка в четырёх томах // Т. 2. Под ред. А.П. Евгеньева. М. Русский язык, 1982. С. 720.

⁷ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 54.

⁸ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 55.

⁹ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 57.

¹⁰ Артель — объединение лиц той или иной профессии (ремесла) для совместной работы с определённым по договору участием в доходах и общей ответственностью (Словарь русского языка в четырёх томах // Т. 2. Под ред. А.П. Евгеньева. М. Русский язык, 1982. С. 46).

¹¹ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 66.

¹² В.А. Барадулин. Народные росписи Урала... С. 65.

¹³ М.М. Громыко. Мир русской деревни... С. 63.

¹⁴ Б.А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. Академия наук СССР, 1948. С. 705.

¹⁵ Б.А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси... С. 706.

¹⁶ Б.А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси... С. 706.

¹⁷ С.В. Бахрушин. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в. // Научные труды в трёх томах. Том I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М. Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 166.

¹⁸ А.П. Чехов. Ванька // Сочинения в двух томах. Том 1. Повести и рассказы. М. Художественная литература 1982. С. 93—94.

¹⁹ Доклад Новгородской губернской земской управы губернскому земскому собранию очередной сессии 1892 года. О кустарной промышленности // Государственный архив Новгородской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 2399. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Доклад Новгородскому губернскому земскому собранию сессии 1912 года по кустарной промышленности с приложением [Текст] // ГАОО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2440. Л. 18.

²² Талашкино / Авторы-составители: Б.Ф. Рыбченков, А.П. Чаплин. М. Изобразительное искусство, 1973. С. 11.

²³ М.К. Тенишева. Впечатления моей жизни. Л. Искусство, 1991. С. 140.

²⁴ М.К. Тенишева. Впечатления моей жизни... С. 153.

²⁵ О.И. Арзуманова, А.Г. Кузнецова, Т.Н. Макарова, В.А. Невский. Музей-заповедник «Абрамцево»: Очерк-путеводитель / Издание 2-е, исправленное. М. Изобразительное искусство, 1988. С. 80.

²⁶ О.И. Арзуманова, А.Г. Кузнецова, Т.Н. Макарова, В.А. Невский. Музей-заповедник «Абрамцево»... С. 220.

²⁷ Л.А. Секретарь, Л.А. Филиппова. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского государственного объединённого музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия (ежегодник). Л. Наука, 1981. С. 425.

²⁸ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Новгородский район Новгородской области по поиску мастеров-крестьян. Запись от 06.01.2000.

²⁹ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Шимский район Новгородской области по поиску мастеров-крестьян. Запись от 05.07.1995.

³⁰ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Демянский район Новгородской области по поиску мастеров-крестьян. Запись от 28.09.1995.

³¹ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Шимский район...

³² В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Демянский район...

³³ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Новгородский район Новгородской области по поиску мастеров-крестьян. Запись от 06.01.2000.

³⁴ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Шимский район...

³⁵ В.И. Ярыш. Материалы экспедиции в Мошенской район Новгородской области по поиску мастеров-крестьян. Запись от 27.01.1993.

М.К. Кулиничева

СЕРЕБРЯНЫЙ ОГОНЬ

Жила-была девочка на серебряном острове. В центре острова источался фонтан нежгучего серебряного огня. Сверкающие огненные воды питали почти прозрачные, словно сотворённые из хрусталя деревья, струились ручьями по всему острову и растворялись в океане. Радужные искры застывали блестящим кружевом на прибрежных камнях. Живительной целебной силой обладал пропитанный серебряным пламенем воздух. От любых болезней мог исцелить, от любой скверны очистить. В солнечных лучах всё мерцало и переливалось, сверкая неизъяснимым сиянием. Там было невероятно красиво, кристально чисто и всегда холодно. Но совсем не росли цветы, не летали певчие птицы, не водились звери. И однажды ночью, когда звёздный ветер особенно сильно дул в сторону лесных земель, девочка покинула серебряный остров.

Проснулась она в густой траве, окутанная ароматом полевых цветов. Встала и пошла по тропинке, дивясь пению птиц и стрёкоту кузнечиков. И попала в деревню. Странная гостья привлекла внимание местных жителей. Они стали расспрашивать девочку, почему она одна да как оказалась в их краях. Но девочка не понимала их языка и только молчаливо заглядывала в глаза. Люди решили, что

с девочкой произошло какое-то несчастье. Добрая семья приютила её у себя. Какое-то время длились пересуды, строились различные версии, да ожидали, не появится ли в деревне родня, разыскивающая пропажу. Но время шло, ничего не происходило, и постепенно история с загадочным появлением девочки забылась. Ребёнком больше в деревне, меньше — какая разница? Она быстро осваивала местный язык. Девочка видела людские болезни и понимала, что серебряный огонь многое бы мог изменить. Когда она научилась объясняться — стала рассказывать о серебряном острове. Но в этих краях про него ничего не слышали. Некоторые отмахивались от её рассказов, считая глупой фантазёркой, а некоторые просто считали её лгуньей, которая хочет привлечь к себе внимание и даже насмехались, предлагая слетать за огнём на метле. Но в эти края не залетал звёздный ветер. И со временем она и сама стала сомневаться: а был ли остров? Так выросла, ничем не отличаясь от деревенских детей. Когда наступила прекрасная пора первой любви и на двор стали заглядывать женихи — неожиданно на деревню обрушилась беда. Странный мор начался в селении. Люди болели и чахли. Унылая тоска поселилась в уютных избах. Никакие средства не помогали против

загадочной болезни. И в одну из лунных ночей девушке приснился сон, что на лесных землях тоже есть серебряный огонь. Только сокрыт он глубоко под землёй, и надо разыскать место, где можно раскопать источник.

— Я принесу серебряный огонь людям, — решила она утром. И покинула деревню той же самой тропинкой, которая много лет назад привела её к ставшей родной избе.

Много дней бродила она по дремучим лесам, постепенно забывая людскую речь, шелестела с деревьями, журчала с ручьями, выла с волками, собирала грибы с ёжиками. Ночами девушка засыпала на мягком мху, и снилось ей, как она выходит из леса, неся людям серебряное пламя. Однажды она проснулась и поняла, что давно потеряла дорогу домой, а к серебряному огню не приблизилась ни на шаг. Страшные сомнения одолевали её. Ей стало казаться, что это был всего лишь глупый сон и никакого источника вовсе не существует. Она сидела на большом камне и не знала, как быть. И тут мимо камня проходил задумчивый юноша. Оказывается, в своих скитаниях девушка далеко зашла в чужие края и находилась рядом с селением. Юноша увидел девушку на камне и залюбовался её красотой. Когда она подняла на него глаза, ему показалось, что он увидел в них какой-то особенный таинственный свет. Они познакомились, и девушка рассказала ему, что ищет серебряный огонь, но заблудилась и теперь не знает, что ей делать. Она ожидала, что юноша тоже станет насмехаться над ней, как деревенские мальчишки. Но неожиданно незнакомец поверил ей, сказал, что и сам давно хочет найти что-то подобное, но только не знал, что ему точно нужно искать. Юноша был алхимиком и травником. Изобретал разные лекарства и помогал людям. Но его средства действовали не всегда, и не на каждую напасть он мог найти лекарство. Лекарь давно мечтал найти такое средство, которое бы послужило панацеей и от любых телесных язв, и от душевных мук. Юноша благодарил небо за то, что оно послало ему эту лесную встречу. Он пообещал, что будет защищать, оберегать и сопровождать её в скитаниях до тех пор, пока они вместе не разыщут серебряный огонь. Лекарь предложил девушке пойти вместе в его деревню и рассказать всем об

этом, обещая непременно отправиться с рассветом на поиски. Девушка так была рада тому, что она теперь не одинока, что есть человек, который разделит с ней и тяготы поисков, и радость находки, что она принесла в его жизнь надежду на осуществление мечты, что безмерно доверилась ему и не только поведала все свои тайны, но и подарила сердце. Они пообещали друг другу никогда не расставаться и лечить людей вместе после того, как найдут серебряный огонь. Больше у девушки не было никаких сомнений в том, не зря ли она покинула свою деревню и столько времени скиталась по лесам. Теперь открытие источника было лишь делом времени. В дом лекаря она вошла уже невестой. Но утром он с ней не ушёл. Ласково и хлебосольно встретили её в доме жениха. Старались получше угостить да поудобней усадить. Да только не знала ещё девушка, что мать жениха была ведьмой. Вампиром-оборотнем. Об этом знал только лишь очень узкий круг избранных. Впрочем, полезные снадобья она тоже делать умела, за что и пользовалась почётом у местного населения. А сыну да людям она представляла в добром и ласковом образе. Ведьма совершенно искренне радовалась появлению девушки, только никто не подозревал, что радуется она, представляя, как выпьет из бедняжки кровь по капле, лишит её красоты и жизненной силы, заберёт энергию, радость и любовь. Да вот только девушка почувствовала неладное. И началась длинная печальная история, которая надолго отсрочила поиски серебряного огня.

Минули годы. Девушка сидела на том же камне и снова не знала — как ей быть? Ей больше ничего не хотелось дарить людям. Людям, которые ей никогда не верили и не понимали. А может быть, ей отправиться вновь на поиски, найти серебряный огонь и никуда его не носить? Построить в глухой чаще храм серебряного огня. Если кому-то это будет очень нужно — страждущие найдут туда дорогу. А может, набрать семян цветов лесных земель и вернуться на серебряный остров? А можно выбрать иной путь — и стать чёрной жрицей. Долго девушка сидела в терзаниях. Но время выбора пришло. Она встала с камня. В её волосах играл звёздный ветер...

НЕРАЗГАДАДАННЫЕ ЗАГАДКИ

Занявшись историей своей семьи и дойдя до поколения прадедов, я сразу же столкнулась с вопросом: кто был отец моей бабки, Веры Владимировны Любарской, урождённой Ахочинской? На первый взгляд, вопрос звучит по меньшей мере странно. Казалось бы, что тут может быть неясного — её отец Владимир Ахочинский, потомственный дворянин. Но на самом деле всё не так просто, и тут присутствует некая семейная тайна, о которой я слышала в детстве, но которая меня тогда не занимала.

Из рассказов бабушки Веры Владимировны я довольно хорошо представляла себе её мать и деда, об отце же речь никогда не шла. С матерью, чей портрет висел в комнате, всё было ясно — Зинаида Алексеевна Ахочинская, урождённая Обернибесова. Её отец Алексей Степанович Обернибесов, довольно богатый и родовитый тихвинский помещик, происходил из старинного рода дворян, помещенных в Новгородскую землю из Москвы ещё при Иване III и получивших земли в Новгородских пятинах. Окончив военное училище и отслужив в гвардии, Алексей Степанович вышел в отставку в 1850-х годах и поселился в Купецком, родовом поместье, расположенном на реке Паше, в 42 верстах от Тихвина. Он занимался хозяйством, завёл псовую охоту и в Петербург почти не наведывался.

Зинаида Алексеевна была дочерью от второго брака Алексея Степановича, который после смерти первой жены, оставившей ему двоих сыновей, через несколько лет женился на крестьянке Наталье Богдановой, которую выиграл в карты у своего соседа по имению барона Швахгейма (дело было ещё до отмены крепостного права). Алексей Степанович, имея крутой нрав, сурово обращался с младшими детьми и особо не заботился о том, чтобы они получили хорошее образование. Двое же старших сыновей, выучившись в Петербурге, служили судебными приставами в Тихвине и наезжали к отцу только летом. По семейному преданию Зина, прожив всё детство и юность в Купецком, отправилась в Петербург и поступила компаньонкой к одной богатой столичной барышне, которая была помолвлена с молодым и состоятельным чиновником хорошей фамилии. В качестве жениха он ходил в дом к невесте, но вскоре дело кончилось тем, что их свадьба расстроилась. Причиной тому была Зина, ради которой жених порвал со своей невестой и соединил свою жизнь с Зиной.

Далее в этой истории начинаются сплошные загадки. Доподлинно известно лишь то, что в течение нескольких лет Зина родила трёх дочерей — Марию, Зинаиду и Веру, мою бабушку, самую младшую, родившуюся в 1902 году.

Дети получили фамилию Ахочинских (они были записаны на чужое имя), фамилия же их настоящего отца, который по какой-то причине не мог вступить в законный брак с матерью своих детей, осталась тайной.

Известно, что Зинаида Алексеевна венчалась с новгородским дворянином, отставным артиллерийским поручиком Владимиром Ахочинским, уже имея на руках дочь. Вероятно, это было сделано для того, чтобы ребёнок получил законное дворянство. Венчание проходило без посторонних глаз, а невеста была не в фате, а в чёрной вуали, закрывавшей лицо. Говорят, что настоящий отец Зининой дочери заплатил Ахочинскому немалые деньги за этот фиктивный брак, и дети, естественно, были потом записаны Ахочинскими. Почему отец детей Зинаиды Алексеевны, бывший фактически её мужем, не мог на ней жениться — неизвестно. То, что он не был женат — это факт, так как его свадьба с невестой, в доме которой он и познакомился с Зиной, не состоялась, и с Зиной они прожили вместе до самой его смерти в 1904 году. Весьма вероятно, что в этой истории сыграла свою роль его мать, категорически не желавшая признавать не только невестку, но и внука.

Тайна эта, связанная с отцом, всегда присутствовала в семье, в разговорах этой темы не касались, а всякие попытки прояснить дело ничем не заканчивались.

Племянница Зинаиды Алексеевны Мария Николаевна Обернибесова, Мариша, со слов которой и известно о странном венчании в чёрной вуали, безусловно, не могла не знать имени таинственного мужа своей тётки. Ведь, оставшись без матери, она с детства и до своего замужества жила в её семье. Но даже в глубокой старости, когда уже не было в живых никого из действующих лиц той давней истории, отказывалась отвечать на расспросы. Все разговоры на эту тему неизменно пресекались. «Это не моя тайна», — говорила она, и никакие доводы и уговоры на неё подействовать не могли, она была непреклонна, вероятно, помня о том, что в семье существовало негласное правило не произносить эту фамилию.

При этом Мариша рассказывала, например, о том, как однажды, выбирая новый наряд, тётка заказала палантин

Зинаида Алексеевна Обернибесова
с сестрой Марией Алексеевной.
1890-е гг.

из куницы. Муж же, как бы не слыша её, тут же отдал приказание портнихе брать соболей. Это вызвало гнев Зины, унаследовавшей отцовский строгий и вспыльчивый характер. Её негодование было вызвано тем, что, как ей казалось, таким образом ей, провинциалке, давали понять, как должна выглядеть дама из столичного общества. Последовала бурная сцена с выяснением отношений, но впоследствии история не раз повторялась примерно по тому же сценарию. То Зина заказывала кружева попроще, а получала настоящие Брюссельские, то указывала в магазине на понравившееся украшение, а вместо выбранного ею ей тут же покупалось что-то гораздо более ценное.

Между тем рассказ Мариши о том, что Зинаида Алексеевна венчалась с Ахочинским, уже имея дочку, неожиданно подтвердился документом, сохранившимся в архиве Новгородской Духовной консистории.

В саду у дома. З.А. Ахочинская с дочерьми, племянницей Маришей и её ребёнком. Лето 1916 г.

В метрической книге Мало-Шугозерской церкви Тихвинского уезда за 1897 год есть запись о рождении и крещении младенца Анны, родителями которой были крестьяне деревни Давыдовщина Иван Аммосов и законная жена его Анна Сергеева. В качестве восприемницы значится «Тихвинского уезда усадьбы Купецка дворянка девица Зинаида Алексеева Обернибесова».

Деревня Давыдовщина находилась в двух верстах от Купецкого, а её жители были прихожанами той же церкви, что и обитатели имения. Вероятно, в этой деревне, насчитывавшей около 40 дворов, жили бывшие крепостные Обернибесовых, по старой памяти попросившие дочь своего барина быть восприемницей на крестинах, и в этом нет ничего странного. Интересно другое — Зинаида Алексеевна записана в метрической книге под своей девичьей фамилией, в то время как её старшей дочери было уже лет семь. Получается, что в 1897 году Зинаида Алексеевна не была официально замужем.

И это не единственная загадка, которую преподнесла метрическая книга Мало-Шугозерской церкви. Например, среди записей за 1899 год есть следующая: «3 декабря родился, 6 декабря крещен младенец Николай — незаконнорожденный. Мать — Тихвинского уезда Кузьминской волости деревни Большой Палуи крестьянская дочь девица Евдокия Захарова. Восприемник — той же волости деревни Новинки крестьянин Григорий Алексеевич Обернибесов».

Григорий Алексеевич — родной брат Зинаиды Алексеевны, сын Алексея Степановича и Натальи Богдановны, бывшей крепостной барона Швахгейма. Вероятно, отец по какой-то причине не счёл нужным дать дворянство своему сыну. Может быть, Григорий родился до того, как Алексей Степанович обвенчался с его матерью, крестьянкой, и сын был записан в крестьянское сословие. Но тогда почему он носил отцовскую фамилию? Выходит, Григорий был законным сыном, рождённым в браке.

Ведь для того, чтобы дать незаконнорожденному ребёнку свою фамилию, требовалось подавать прошение на Высочайшее имя. В случае положительного ответа министр юстиции, ссылаясь на Высочайшее повеление, предлагал Правительствующему Сенату его исполнить. Далее Министерство юстиции сообщало об этом герольдмейстеру. Потом документы направлялись для исполнения губернатору, и уже из губернского Правления в Сенат рапортовали об объявлении просителю содержания указа, с пометкой о том, что этот указ «не подлежит распубликованию».

Как видим, процедура была не из простых и, как правило, занимала не меньше года. Трудно предположить, что, подав прошение царю, Алексей Степанович записал бы своего сына в крестьяне.

Скорее всего, «злой дедушка», как называла его моя бабушка Вера Владимировна, за что-то осерчев на сына, не внёс его имя в списки, подаваемые для регистрации в Губернское Дворянское депутатское собрание. То, что он мог просто забыть это сделать — весьма сомнительно, ведь подал же он документы Зины и Николая (отца Мариши), и они, как и их отец, были также вписаны в шестую часть родословной дворянской книги, в которую записывались «древние благородные роды».

Григорий Алексеевич жил в деревне Новинка, с конца 17 в. принадлежавшей Обернибесовым. По плану специального межевания за 1783 год она числилась за его дедом, Степаном Марковичем, а в 1850 вместе с пустошью Кирилловой (всего 200 десятин земли) — за Алексеем Степановичем, который, вероятно, её и продал, так как в 1911 году деревня уже числилась за Зареченским обще-

Вера Ахочинская в доме на Малоандреевской ул. 1924 г.

ством. После отмены крепостного права, чтобы содержать имение площадью около 600 десятин и большую семью, Алексей Степанович продавал не только строевой лес, которым славился Тихвинский уезд, но и свои угодья, или «лесные дачи».

Но вернёмся снова к Зине. Вскоре после смерти отца семейства, скоропостижно скончавшегося в 1904 году,

она предприняла попытку наладить отношения с бабушкой своих дочерей, надеясь, что сердце старой дамы, потерявшей сына, дрогнет при виде внушек. Посадив девочек в карету, она отправилась к её дому на Фурштатской улице, но лакей, которому было поручено доложить, вернувшись, сообщил, что «барыня принять не могут». Чем объяснялось такое жестокосердие — осталось загадкой, равно как и фамилия настоящего отца моей бабки.

З.А. Ахочинская с дочерьми. Новгород. 1910 г.

Потеряв мужа и лишившись поддержки, Зине, оставшейся с тремя дочерьми, было трудно вести прежнюю жизнь, и для начала она переехала на другую квартиру, на 1-ю Рождественскую улицу. Прежняя, 12-комнатная, расположенная в доме у Исаакиевской площади, была ей уже не по средствам. Прожив какое-то время на новой квартире, она в конце концов решила перебраться из Петербурга в Новгород, где жизнь была гораздо дешевле, чем в столице. По семейному преданию, Зинаида Алексеевна получила пенсию за умершего кормильца, причём предпочла взять сразу всю сумму, которой вполне хватило на то, чтобы купить дом в Новгороде. Дом этот на Мало-Андреевской улице Торговой стороны был довольно большой, в два этажа.

Еще живя в Петербурге, Зинаида Алексеевна определила среднюю дочь Зину в Ксениинский институт благородных девиц, который к тому времени уже успела окончить старшая — Маша. Институт располагался в бывшем дворце великого князя Николая Николаевича на Благовещенской площади (после революции — площадь Труда). Зину приняли на казённый счёт как сироту, значит, В. Ахочинского, считавшегося её законным отцом, к тому времени уже не было в живых. В марте 1910 г., перед самым отъездом в Новгород, Зинаида Алексеевна подала прошение в тот же институт о приёме на учёбу младшей дочери — Веры. В ожидании ответа, уже в Новгороде, Зинаида Алексеевна стала молить Бога, чтобы из института пришёл отказ — ей очень не хотелось оставаться

одной в большом доме, ведь Маша, работавшая учительницей, жила отдельно, а Мариша готовилась к свадьбе и собиралась уезжать из новгородского дома назад, в Петербург.

Чтобы учиться в Ксениинском институте, нужно было пройти так называемую баллотировку, иначе говоря, в это учебное заведение был конкурс. Вероятно, Бог услышал молитвы матери, и Верочку не приняли ни в

Дом в Новгороде на Малоандреевской улице

Зина, Мария и Вера Ахочинские

1910, ни 1911, ни в следующем году (прошение действовало несколько лет). Как было написано в официальном ответе, «при баллотировке она не была очастливлена жребием». Ко всеобщей радости, она осталась с матерью в Новгороде и поступила там в гимназию.

В прошении Зинаиды Алексеевны, сохранившемся в архиве фонда Ксениинского института, написано, что она — вдова, не получающая никакой пенсии. И тут возникает ещё один вопрос: на какие деньги был куплен новгородский дом, если вдова осталась без средств? Скорее всего, деньги ей оставил отец семейства, зная, что Зине с детьми больше рассчитывать не на кого. Купив дом, Зинаида Алексеевна, по крайней мере, была уверена в том, что её дети не останутся на улице, а деньги, получаемые от жильцов, не дадут им умереть с голоду.

В этом доме Зинаида Алексеевна с двумя младшими дочерьми жила до середины 1920-х годов, когда дом у неё отобрали, а саму её как дворянку лишили гражданских прав.

Тогда ей пришлось переехать к старшей дочери, жившей с семьёй в Демянске. Никакого источника к существованию у неё не было, и она, чтобы помочь дочери, подрабатывала тем, что вязала на продажу носки. От грубой домашней шерсти её пальцы были стерты до крови, но сидеть без дела она не могла.

Последние свои годы Зинаида Алексеевна прожила безвыездно в Демянске, где и скончалась в 1932 году.

Стелла Севандер

ПОДАРОК СУДЬБЫ

С Наталией Никитичной Толстой я впервые встретилась в 1968 году на филологическом факультете Ленинградского университета. Она тогда начинала свою педагогическую карьеру, а я была новоиспечённым студентом в группе скандинавистов, которые стали её первыми студентами. Тогда мне ещё не дано было понять, что судьба подарила мне встречу с человеком, дружбу с которым я бережно пронесу по жизни, храня и необычайно дорожа ею. С годами, как это часто бывает, небольшая разница в возрасте как бы стёрлась, а следовательно, мы общались уже на ты.

Родилась Наталия 2 мая 1943 года в печально известном русскому человеку городе Елабуга, куда была эвакуирована семья Никиты Алексеевича Толстого, тогда доцента ЛГУ. Все младшие братья и сёстры Наталии в этой известной в Петербурге семье — Татьяна, Александра, Иван и Ольга были уже детьми послевоенного поколения, а старшие — Михаил и Екатерина, родились ещё до войны. Наталии так хотелось когда-нибудь вновь вернуться в Елабугу, но не пришлось. Вероятно, поэтому она с нежностью вспоминала рассказ своей любимой няни о том, как они возвращались всей семьёй из эвакуации, как плыли по реке Каме. В рассказе «Чужие дети» в образе няни Груши Наталия с любовью воссоздаёт портрет этой «маленькой и уютной» женщины, которую в семье считали «народным академиком», женщины, нянчившей три поколения детей этой семьи. Старшего сына Наталии Никиту она тоже успела понынчить в младенчестве.

Пока мы учились, Наталия Никитична успешно сочетала преподавание с учёбой в аспирантуре, а в 1974 году, через год после нашего выпуска, защитила кандидатскую диссертацию, в которой рассматривала проблемы современной стилистики шведского языка.

Её научным руководителем был наш заведующий кафедрой, профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, основоположник советской скандинавистики, проработавший на кафедре с 1940-х до начала 1980-х годов. Михаил Иванович был не только настоящим учёным, но и необычайно демократичным и обаятельным человеком. Его лучшие ученики старались хоть в чём-то быть похожими на него. И Наталия Никитична была воистину талантливым учеником. Она всегда уважительно, с пониманием относилась к своим студентам, видя в них будущих коллег. Такова была атмосфера кафедры Скандинавской филологии, где мне посчастливилось учиться пять лет. Помню, как под руководством заведующего кафедрой, собирались все преподаватели и приезжали к нам, в общежитие на Ново-Измайловском, где жили мы — студенты

младших курсов, приезжали, чтобы просто поговорить о жизни, попить вместе чайку.

1981 год — особый этап в карьере Наталии Никитичны. В этом году вышел учебник шведского языка, который она написала в соавторстве со своим старшим коллегой, доцентом Сарой Семёновной Масловой-Лашанской. Учебник был отмечен наградой Министерства Высшего образования РСФСР как лучшее учебное пособие высшей школы в 1981 г. С тех пор этот учебник выдержал несколько изданий, и по-прежнему, насколько мне известно, им пользуются студенты при изучении грамматики шведского языка. Если в памяти нашей вернуться к началу восьмидесятых годов, когда страна по-прежнему ещё оставалась закрытой, а Шведский институт был ещё малоизвестной в России организацией, то нетрудно представить, сколь велико было значение этого учебника для скандинавистов Советского Союза.

Наталия Никитична была преподавателем от Бога, не мыслила своей жизни без преподавания. Когда здоровье совсем стало сдавать, казалось, могла бы полностью посвятить себя писательству, ан нет. «Пилила» (её любимый глагол) через весь город, чтобы добраться до факультета, не опоздав на занятия. Зная, что преподаванием в России выжить трудно, я неоднократно спрашивала её, зачем же подвергать себя таким мучениям, ответ был один: «Такой материал с годами накоплен, так многому могу научить, жаль, если пропадёт».

И даже в больнице, где она провела последние месяцы, не переставала беспокоиться о том, как же она, такая слабая, сможет теперь добираться на работу.

За годы своей преподавательской карьеры она вела самые разные курсы: грамматику, перевод, стилистику и в последние годы ставший любимым спецкурс по культурным и историческим связям между Россией и Швецией. В этом курсе в центре внимания были культурные особенности российского православия и сложности их толкования на шведском. Огромный материал для этого курса был накоплен Наталией за долгие годы, как она в шутку говорила, её «гидства», т.е. работы гидом со шведскими туристами в Петербурге, Новгороде, Пскове и других российских городах. Работа, порой изнурительная, требующая не только колоссальных знаний, но и прежде всего любви и внимания к людям. И умные туристы платили ей тем же. Много лет из Швеции организовывались туры, на которых Наталия работала гидом. Шведские группы ехали в Россию на Толстую. Внимали её рассказам, удивлялись знаниям и опыту, восхищались её человеческим обаянием.

Н. Н. Толстая
Фото М. Агеевой (ноябрь 2009 г.)

К своей научной продукции она предъявляла высокие требования. Наиболее удачными работами она сама считала статьи, посвящённые анализу шведских переводов российской поэзии. К числу таких статей относятся её работы по сопоставительному анализу различных переводов произведений Анны Ахматовой и поэмы Александра Блока «Двенадцать», написанные в 1990-е годы.

Наталия Никитична сделала многое, чтобы приобщить шведов к российским культуре и литературе, а россиян к шведской. Конкретным вкладом в этой области стали её публикации: *S:t Petersburg: de vita ndtternas land*, (Stockholm, 2001); Страна, которой нет. Стихи Эдит Сёдергран в переводах Наталии Толстой, (Санкт-Петербург, 2001). Огромную поддержку она оказывала своему мужу, талантливому переводчику поэзии Игнатию Ивановскому в работе по переводу шведского классика Карла Микаэля Бельмана — Послания Фредмана. Песни Фредмана (Санкт-Петербург, 2005). Её заслуги были высоко оценены в Швеции: в 2004 году ей был вручён Орден Северной Звезды, а в 2005 она получила награду Шведской академии за распространение шведской культуры за рубежом.

В конце 70-х и в 80-е годы, когда Интернет и электронная почта ещё не вошли в нашу жизнь, наше общение было довольно спорадическим: встречались на конференциях, на филфаке во время моих наездов из Петрозаводска, где я работала в университете, бывала у неё в гостях, общалась с её семьёй, мужем и младшим сыном Николаем. С 1991 года я живу и работаю в Швеции, в университете Умео, где преподаю русский язык. В 1992 году осенью наше отделение пригласило Наталию Никитичну прочитать курс по российской истории и культуре, и в то же самое время ей была предложена должность инспектора русского языка в гимназиях Швеции. Это означало, что целый год Наталия Никитична будет жить в Умео, а отсюда будет выезжать по городам и весям страны и снова возвращаться сюда. Какое счастье — предстоял целый год общения с Наталией. Нагрузка в Швеции не могла идти ни в какое сравнение с той, что была у неё дома, в родном университете. Впервые, как мне помнится, у неё появилось время, чтобы взяться за перо. И здесь тёмными, долгими осенними вечерами стали рождаться её первые рассказы. Иногда она писала их по-шведски и тут же отправляла в местную газету «*Västerbottenskurirern*», где они публиковались под рубрикой «Письма из Петербурга». Главный редактор газеты Улоф Клеберг, истинный знаток русского языка, торопил Наталию с новыми публикациями и частенько брал на себя роль переводчика.

Где бы ни побывала Наталия, она отовсюду возвращалась с сюжетами для новых рассказов. Из путешествия в Новгород—Старую Руссу—Печоры в 2000 году она привезла рассказ «У себя дома». Действие этого рассказа происходит в Новгороде, и по многим, чётко подмеченным автором деталям, внимательный новгородский читатель, узнает свой город.

Из Умео Наталия уезжала с памятным подарком. Мы, аккуратно собрав все ею написанные здесь рассказы, тогда ещё замороженные доступом к ксерксу и прочей технике, выпустили в нескольких экземплярах сборник «Хочу за

границу» по названию одного из рассказов. Через полгода все эти рассказы по-настоящему увидели свет в шестом номере журнала «Звезда» за 1993 год. А ещё чуть позже Наталия Толстая была удостоена литературной премии имени Сергея Довлатова, вручаемой этим журналом.

Так бывает нечасто, чтобы литературная премия носила имя ровесника. Довлатов был всего на два года старше Наталии. И он, и Наталия — оба родились в эвакуации, оба выросли в послевоенном Ленинграде, оба поступили на филологический факультет ЛГУ. Можно лишь предположить, как часто их пути пересекались. Но не только это роднит их. У обоих писателей рассказы часто строятся на автобиографическом материале, оба дают прекрасные психологические портреты своих соотечественников, зажатых в тиски своего времени. У Сергея Довлатова — советского, застойного, у Наталии Толстой — постперестроечного и постсоветского. Не говоря уже о стилистическом родстве, а главное — юморе.

Сегодня Наталия Толстая известна российскому читателю как один из авторов книг «Сёстры» (1998) и «Двое» (2001), где произведения сестёр Наталии и Татьяны Толстых, написанные в разных жанрах, изданы в одной книге. В 2004 году выходит сборник новелл Наталии Толстой «Одна».

Помню, как сложно было для Наталии принять решение, кто же станет переводчиком этого сборника на шведский. Хотя, казалось бы, что она, прекрасный стилист шведского языка, могла бы успешно справиться с этой задачей сама. Но, будучи языковедом, она понимала, что лишь человеку, по-настоящему владеющему родным языком и имеющему особый талант — переводчика, под силу такая задача. Перевод Наталия доверила Антону Бьорке, проживающему тогда в Петербурге, что предполагало возможность сотрудничества автора и переводчика.

Наталия радовалась, как ребёнок, став пользователем Интернета и электронной почты. Общение со многими друзьями и коллегами, разбросанными по всему миру, перешло теперь на постоянную основу. Нашу переписку особенно украшали ещё и встречи в Питере, куда я частенько приезжала со шведскими студенческими группами.

Сборник новелл «*Ensam*» вышел в 2008 году в издательстве «*Ord och Visor*» в городе Шеллефтео, на севере Швеции. Презентация книги должна обязательно состояться в Умео, в нашем университете, ведь первые рассказы рождались именно здесь, решили мы. И пригласили Наталию в январе на это торжественное мероприятие, ставшее настоящим праздником для нас.

Ни слова о болезни, которая к тому времени уже сильно подкосила её здоровье. Та же радость в глазах, то же тепло, которое она излучала всегда, та же улыбка на лице. Она остроумно отвечает на вопросы читателей, часто шутит, на что аудитория тут же реагирует смехом.

Тогда, общаясь с ней, мы гнали от себя мысль, что это может быть её последний приезд к нам. Трудно до конца постичь, что Наталии Никитичны больше нет с нами. Нам, её ученикам, коллегам и друзьям, судьба подарила праздник встречи с этим светлым человеком. И он будет с нами навсегда.

А.А. Ляшко

Ушли далеко километры войны,
Не меркнут их бури и грозы,
Сменились границы великой страны
И высохли горькие слёзы.

И многих уж нет ветеранов войны,
Забвенья нет мукам и бедам,
Но вновь воскресает для нашей страны
День светлый Великой Победы.

Пытались забыть этот памятный день
Историки, «люди мирские»,
Но эхо войны, её чёрная тень
Прошли через души людские.

Меняется к лучшему недругов тон,
Всё меньше никчёмного бреда,
Всю правду признали: Берлин, Вашингтон...
Что значила наша Победа!

Кому-то не нравится свет этих дней,
Их в ложь облачают складно.
Запятнаны души у этих людей
Иль с совестью что-то неладно.

На старом забытом погосте
Стою я, как в центре Земли,
Родные и добрые гости
Пожили и снова ушли.

Родились, жили, трудились...
О, сколько здесь пота и слёз!
Здесь ненависть люто копилась,
В годину ненастья и гроз...

И где бы нас жизнь не носила,
Средь сложных путей и дорог,
Неведома разуму сила,
Влечёт на родимый порог.

«МАЛЕНЬКОЕ» ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Военное детство далёко...
Но в памяти горько всплывёт.
Ох, как оно было жестоко,
Теперь молодёжь не поймёт.

Где матери наши — Полины и Паши —
И сеют и пашут — война ведь идёт,
А зимы всё снежны,
Одна лишь надежда,
Всё будет, как прежде, —
Коль батя придёт.

Мы помним их лица, их строгие лица,
Слеза на ресницах и скорбь на устах,
Порою им снится,
Что всё — «небылица»,
Забвенья проходит, и слёзы в глазах.

Военное детство, печальное детство,
Короткое детство — Победа пришла,
А души всё снежны,
Исчезла надежда,
Ведь наших родимых война унесла...

ЛЕОНИДУ АЛЕКСЕЕВИЧУ БАХТИНОВУ

Я вспоминал о Вас не раз,
Когда-то Вы в шинели серой,
Пришли к нам в школьный 3-й класс,
С теплом в душе и светлой верой.

Нам были знакомы печали,
Мы были к невзгодам готовы,
Но только от Вас мы впервые узнали:
Красивую песню и русское слово.

Приятный нам оставив след,
В мир указали нам дорогу,
Что скоро все уйдём от бед,
От жизни нищей и убогой.

Немного я прошёл дорог,
Давно нашёл свою обитель,
Но помню свой родной порог
И Вас — хороший наш учитель.

Посещаю порою «пенаты»,
Где домашний, неброский уют,
Тёплый свет нашей низенькой хаты,
Звёзды, небо и синий пруд.

Нет уж школы, ни крика, ни звона,
Опустело и всё заросло,
Только наши ровесники-клёны,
С тихой грустью глядят на село.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я помню этот день — святой,
В тревоге ждали все «известий».
Не все отцы пришли домой,
И мой навек «пропал без вести».
О, сколько пота, горьких слёз
Пролили вдовы — наши мамы,
А их родименький колхоз
Их труд расценивал на граммы.
Хоть в нищете, но мы учились,
Мечтою жили, как в бреду,
Всегда отцами мы гордились,
Стремились сглаживать беду.
Была открыта нам дорога,
Да, были трудности в пути,
Но лишь одна была тревога:
«Судьбу свою не обойти».
И каждый год — 65 лет —
Храню в душе одно — святое,
Что мы живём и войны нет,
Над нами небо голубое!

Т.Н. Алексеева

КАПА

— А Ваша девичья фамилия? — уточнила журналистка, завершая беседу с пожилой женщиной, постоянно живущей в доме ветеранов.

— Что, дочка? Повтори. Плохо стала слышать, — переспросила её Капитолина Ивановна, осторожно сдвигаясь на край добротного казённого кресла. Она крепко ухватилась за ручки инвалидной коляски, в которую намеревалась пересесть.

— В войну? Когда с ребятами партизанили? — стараясь ей помочь передвинуться, громко повторила вопрос собеседница.

— Не помогай! — отрезала она. — Я привыкла справляться сама.

Грузная старуха, укутанная в широкий вязаный балахон, с цветастым платком на голове, тяжело вздохнула. Чуть помолчала, посмотрела по сторонам. Взглянула на раскидистый фикус в старой деревянной кадучке, что стоял возле окна. Хитровато улыбнулась и чуть осипшим голосом сказала: «Петровой была я. Моя фамилия была... Петрова».

Она подняла своё непослушное тело, преодолевая боль в ногах и спине. Опёрлась на стальные дуги кресла-каталки и медленно поковыляла в палату, с трудом передвигая распухшие ноги. Тихо побряхтывая, расположилась на кровати. Внезапно закашлялась. От продолжительного разговора в горле першило. Дрожащей рукой нащупала на тумбочке кружку с водой. Осторожно поднесла её ко рту, выпила несколько глотков. Потом негромко забормотала, продолжая рассказывать события своей жизни, которые припомнила только сейчас. От вновь пережитых эмоций щемило сердце. Она почувствовала усталость. Не обращая внимания на шумные толки соседок по палате, впала в забытье.

Утомлённое дневной работой солнце направлялось за горизонт. По обыкновению заглянуло в старый яблоневый сад на самом краю деревни. Остывшими золотистыми лучами осветило кроны фруктовых деревьев, большой бревенчатый дом за плетёной изгородью, скамейку, на которой сидела девочка. Солнце промокнуло слезы на её осунувшемся личике, сквозь оконные стёкла заглянуло в избу. Ещё немного повисело над садом и медленно покатило в сторону заброшенного железнодорожного полотна, оставляя за собой сумерки.

— Капа, иди в избу, внучка, смеркается уже. Озябла ведь, поди, да и от греха подальше, — позвала бабушка.

Толстыми тугими косами Капа быстро смахнула с лица слёзы и побежала в дом.

— Ты никак плачешь? Не плачь, душа моя, всё будет хорошо. — Бабушка обняла девочку и поцеловала её в голову.

— Мне страшно, бабушка. Я, наверное, больше никогда не увижу маму и папу, — прошептала она.

— Отчего же не увидишь? Как только кончится война, так сразу и вернутся домой твои родные. Дай Бог им живыми и невредимыми остаться. Старушка три раза перекрестилась в сторону образов.

— А моя мама не вернётся ко мне, — не скрывая слёз, еле проговорила Капа. — Мне давно тётка Фрося говорила, что наша мамка бросила нас. А ещё она сказала, что она снова замуж вышла, что у неё теперь другая дочка есть. А я ей совсем не нужна.

— Да не верь ты тётке Фросе. Болтать она только. Ей-то почём знать? На заработки твои родители поехали. Отец в Москву, а мать твою...

Старушка замолчала.

— Кто ж знал, что война начнётся? Иди, покушай да ложись с Богом. Самим бы в живых остаться.

Нашёптывая молитву, она вновь много раз перекрестилась.

Наутро, когда свет чуть забрезжил, Капа вскочила с постели. Громкий надрывный лай собак, крики людей, смешивающиеся с плачем, непривычный для ранней поры шум на просёлочной улице не оставляли никаких сомнений — немцы вошли в их деревню.

Капа подскочила к ближайшему окну, чуть отвернула занавеску. Из-за большого куста сирени, что под самым окном, деревенской улицы почти не было видно. Она выглянула в другое окно. Снаружи было тихо и безлюдно. Внезапно возникшее предчувствие опасности тут же обернулось в страх.

— Бабушка, дедушка, вы дома? — позвала она.

Не услышав ответа, накинула на себя платье, схватила любимого кота Сеньку и спряталась в подполе. Капа забралась в самый тёмный угол подвала, крепко прижала к груди кота. Она затаила дыхание, прислушиваясь к каждому шороху.

Немного погодя знакомое шарканье ног вывело её из оцепенения.

— Внучка, не бойся. Это мы с дедом, — негромко позвала её бабушка. — Где ты, милая?

— Спаси тебя Господь. Выходи. Может быть, Бог нас помиловал. Хватило им места в других домах. Их старшой уже всех расселил по избам. Наш дом не потребовался. Повезло нам, что на самом краю живём, не дошёл черёд до нашего дома.

Из подвала Капа поднялась без опаски. За короткое раннее утро она вмиг повзрослела.

— Много их? — не поднимая глаз на стариков, спросила она, стыдась пережитого страха.

— Человек двадцать, тридцать, — тихо сказал дед. — Не бойся, внучка, может, судьба и сжалится.

— А я и не боюсь, — неуверенно ответила Капа. — Теперь ведь нельзя бояться.

— Молчи, душа моя, молчи — прошептала бабушка. — Как будет, так будет. Храни всех Господь!

Отряды немецких войск входили в деревни, вдоль которых проходила железнодорожная ветка, расквартировывались в домах местных жителей. Капа знала от дедушки, что фашисты готовят к отправке эшелон с захваченными в плен русскими, с ранеными немецкими солдатами, с награбленными ценностями, живой скотиной. И в тех местах, где они останавливались, оставались сожжённые дома, церкви и горе уцелевших.

К полудню этого же дня немцы согнали в центр деревни всех жителей и объявили свой распорядок:

— Кто посмеет ослушаться, не выйти на работу или не выполнить мой приказ — будет повешен или расстрелян на месте, — на ломаном русском языке объявил немецкий лейтенант, оглядывая брезгливо деревенских жителей.

Так началась эта страшная война в деревне Евахново, так с наступившим ранним утром началась она и в жизни девочки. Капа видела, как зверствовали фашисты, как расстреливали, вешали на людных местах женщин, стариков и маленьких детей. Заставляли всех без исключения, ремонтировать железнодорожную колею, мост через неё, кормить, обстирывать и даже развлекать солдат.

Недели через две железная дорога была готова для движения поездов, и по ней прошёл первый эшелон. Немецкие солдаты днём и ночью охраняли её, остерегаясь диверсий партизан. С автоматами наперевес они курсировали вдоль железнодорожного полотна, строго по времени сменяя друг друга. Редкие товарники останавливались на маленьком полустанке.

Ужас, страх, жестокость и смерть ходили по пятам людей и днём, и ночью. На глазах Капы горели деревенские дома вместе с их хозяевами. Так заживо сгорела в своём доме тётка Фрося, дед Ануфрий и ещё много других односельчан. Фашисты сожгли школу, скотный двор со всей животиной, повесили священника прямо в приходе.

— Этим нелюдям надо отомстить, — негодовала Капа.

Однажды деревенские подростки поведали Капитолине большую тайну, будто бы вскоре задержавшаяся здесь небольшая группа немцев должна оставить Евахново. Как только они обеспечат проезд ещё двух или, может быть, трёх поездов, пока они точно не знали, то с последним эшелоном гитлеровские захватчики покинут деревню. И тогда, наверняка, от неё останется одно пепелище. Но местные партизаны уже готовят диверсию по подрыву железнодорожного моста, хотят навредить фашистским извергам, — сообщили они по секрету.

— Вы откуда об этом знаете? — спросила изумлённая Капа.

— Мы помогаем им. Нам с Лёхой поручено разузнать, в какое время проходят солдаты мимо моста, сколько бойцов его охраняет, как часто меняют они посты.

— Мы туда уже кое-что перенесли, спрятали неподалёку. Когда партизаны нам знак дадут, мы с Вовкой взрывчатку заложим. Пустим под откос фашистов в их вражеском поезде.

— А вы сумеете? — спросила Капа. — Возьмите меня в партизаны.

— Возьмём, если молчать будешь, — оглядываясь по сторонам, дал согласие Лёшка.

— А когда взрывчатку закладывать? — шёпотом спросила она.

— Федотычу разведка донесёт, а он нам даст знать, когда поезд будет следовать.

— Я постовых могу отвлечь, — сказала Капа.

— Не бойшься с нами связываться? Если фашисты проведуют или поймают, тогда уж точно убьют.

— Авось не поймают, — на миг задумавшись, уверенно произнесла Капа и подёрнула поясok платица на худеньком теле.

Всю ночь накануне партизанского замысла шёл проливной дождь. Тёплый, летний, ниоткуда взявшийся ливень сопровождался громовыми раскатами и вспышками коротких молний.

Крупные тяжёлые капли громко барабанили по крыше, стучались в окна и стены. Порывы ветра то и дело подхватывали скопившуюся на крыше воду, водопадом обрушивая её на землю.

От тревоги и внезапно разбушевавшейся стихии Капа никак не могла заснуть. Она прислушивалась к шуму на улице, пытаясь мысленно представить свой завтрашний день и что ей придётся сделать, чтобы заставить немца отойти подальше от предполагаемого места подрыва.

К утру дождь прекратился. Как только выглянули первые лучи солнца, Капа засобиравалась. Она быстро накинула платье, просунула босые ноги в истрёпанные башмаки, повязала платок, взяла небольшую корзину и тайком от деда и бабушки прошла на улицу. Она шла выполнять партизанское задание.

По узенькой тропинке перешла поле, что растянулось вдоль железной дороги, и вышла на колею. Осмотрелась по сторонам.

«Постовых не видеть», — подумала Капа, ступая по выдавшим виды деревянным шпалам. Она знала, что сейчас Лёха с Вовкой сидят в засаде и выжидают подходящий момент для закладки взрывчатки. Капе во что бы то ни стало надо было отвлечь внимание немца-охранника, заставить его как можно дальше отойти от моста и там задержаться.

Она осторожно ступала по шпалам, то и дело перекидывая пустую корзину из руки в руку. Время от времени останавливалась, оборачивалась назад — нет ли кого сзади? Едва она подошла к семафору, что стоял недалеко от моста, как услышала грозный оклик: «Стой, рус! Рука держать верх!».

Капа замерла, вскинула вверх руки и зажмурилась от страха глаза.

Высокий немецкий солдат вплотную подошёл к девочке. Подозрительно оглядел её со всех сторон, грубо одернул её поднятые руки, заглянул в пустую плетёнку.

— Куда ты идти? — спросил он теперь не так свирепо, плохо выговаривая русские слова.

— По грибы да по ягоды, — тихо ответила Капа, улыбаясь добродушно.

— В лес ходить нельзя, — немец резко перегородил ей путь оружием, — там партизаны.

— Пустите меня, пожалуйста, дяденька. Мне травы и ягод надо собрать. Моя бабушка хворает, — стала упрашивать она солдата.

По выражению лица караульного Капа поняла, что солдат не понимает.

Она тут же развернулась и послушно двинулась в противоположную сторону от моста. Немец, как и хотела Капа, пошёл за ней. Она немного отошла вперёд, потом спрыгнула с полотна на насыпь, бросила корзину на песок, повернулась к нему лицом и неожиданно громко запела:

Говорят, я боевая,
Боевая я и есть.
У меня, у боевой,
Боевой мальчишка есть.

— Пустите меня в лес, мне ягод для бабушки надо набрать, — просила она опять. — Я ещё могу и сплясать для вас, — громко повторила Капа и тотчас же пустилась в пляс, продолжая петь частушки:

Говорят, я некрасива.
Мне не надо краски.
Был бы разум в голове
Да веселы глазки.

Она почти выкрикивала слова куплета, то приближаясь к немцу, то отдаляясь от него. Капа боялась, что солдат разозлится, вернётся на свой пост возле моста, и тогда она не сможет помочь Лёхе с Вовкой.

Капа пропела другой куплет, подхватила корзинку, продолжая отступать:

Говорят про меня,
Что я ростом мала.
А я ростом мала —
Головой удаля.

Она пела, приплясывала на насыпи, отодвигаясь как можно дальше от моста, увлекая за собой удивлённого солдата.

Говорят, я боевая,
Боевой и нужно.
У меня, у боевой,
Ухажёров дюжина.

Непосредственность и артистичность девочки привели молодого парня в изумление. Он заулыбался и с неожиданной, неподдельной теплотой терпеливо смотрел представление, устроенное Капой на мокром гравии, теперь уже в значительном удалении от вверенного ему в охрану моста.

Худощавый немец явно о чём-то думал. Может быть, в этот момент он вспоминал свою младшую сестрёнку, которую из-за войны давно не видел, а может быть, бесстрашие русской девочки просто привело его в умиление.

Пританцовывая и громко распевая частушки, Капа всё дальше и дальше уводила за собой немецкого солдата. Неожиданно она споткнулась, повалилась на край насыпи и, не удержавшись, кубарем скатилась под откос.

Немец захохотал. Подошёл к обочине, посмотрел вниз на распластавшуюся девочку, махнул ей рукой, пнул ногой плетёнку и, насвистывая, пошёл дальше в заданном Капой направлении.

Ночью под мостом раздался оглушительный взрыв. Рвануло в тот самый момент, когда товарные вагоны медленно проходили по мосту. Поезд резко затормозил,

стальные рельсы заискрились. Взорванный вагон повалился под откос, затягивая за собой другие вагоны. Тут же повыскакивали немецкие солдаты. Они бросились бежать вдоль состава, громко ругаясь и выпуская беспорядочные автоматные очереди по темноте.

В деревне началась облава. Фашисты обшаривали каждый угол в поисках партизан. Немцы врывались в избы, убивали людей, поджигали дома и постройки. Евахново запылало.

Всех, кто остался в живых, фашисты загнали в уцелевшие от взрыва вагоны товарняка. А наутро поезд с сельчанами отправили в немецкий плен.

Когда Капа пришла в себя, она узнала, что война для неё закончилась, что она сейчас находится в госпитале и что будто бы она родилась в рубашке. Освобождение из плена, размытые в памяти лица узников фашистских лагерей, нечеловеческие страдания, ужасные события, пережитые вместе с ними, то и дело возникали перед её глазами.

Воспоминания о мучительном времени, проведённом в застенках, длительном лечении от дистрофии в послевоенном госпитале, а после выздоровления — изнурительная работа — всю оставшуюся жизнь нестерпимой болью обжигали сердце Капы. Она с большим трудом изгоняла ужасы пережитого, стараясь не думать о войне.

— Говорить об этом нельзя, — предупреждали её знакомые люди. — В тюрьму можешь угодить, если поведаешь, что в немецком плену побывала.

И она хранила молчание, остерегаясь новой беды — сталинских репрессий.

Когда пассажирский поезд остановился, Капа быстро вышла из вагона. Наконец-то она вернулась домой. От волнения замирало сердце. Немного постояла, огляделась по сторонам и по еле узнаваемой дороге направилась в Евахново. Она мечтала увидеть дом, в котором жила, своих родных и дорогих ей людей всё то, хорошее, что связывало её с детством и согревающим теплом хранилось в памяти. Теперь уже взрослая девушка торопливо шла по улице детства мимо сожжённых домов, заросших бурьяном и крапивой. Подошла к краю деревни. Участок, на котором до войны стоял их большой дом, она признала только по чудом уцелевшему яблоневому саду.

— Это всё, что осталось от нашего дома... — прошептала она.

Капа обошла развалины сгоревшего дома, сквозь ококу пробралась в глубину сада, обнаружила ветхую покосившуюся скамейку, присела на неё. Прижалась спиной к старой яблоне, закрыла глаза и разрыдалась.

— Прости меня, бабушка, прости меня, дедушка, — сквозь слёзы выговорила Капа. — Будь проклята эта война...

О жизни деревенской

Яков Егорович ЕГОРОВ (1 декабря 1857 — 21 февраля 1902 гг.) больше известен как поэт, стихи его печатались в петербургских журналах в течение всей его сознательной жизни. Труд и заботы крестьянина-земледелца, окружавшая его природа — поля, луга, леса, реки в разные времена года — главная тема его поэзии*.

Будучи родом из крестьян деревни Кривина Новгородского уезда, он и по окончании учительской семинарии, занимаясь учительской деятельностью, никогда не порывал со своей новгородской родиной. В каникулярное время он возвращался в родные края и продолжал своё близкое знакомство с крестьянской жизнью, пополнял и расширял свои познания о ней, посещая новгородские деревни, заводя новые знакомства среди крестьян, беседуя с ними о житье-бытье. В итоге был собран богатый интереснейший живой материал о быте, обычаях, традициях в жизни новгородского крестьянина-труженика, который и составил сюжетные линии прозаических произведений Якова Егорова — повестей, рассказов и очерков.

Все прозаические произведения написаны Яковом Егоровым хорошим литературным языком, богатым эпитетами и сравнениями. Но в то же время автор сохраняет колорит речи необразованного, малограмотного, а то и неграмотного деревенского люда того времени. Прекрасно зная душу, быт и обычаи новгородского крестьянина изнутри, Я. Егоров, чтобы подчеркнуть своеобразие и особенность народного говора новгородцев, широко использует слова местного диалекта, которые позволяют читателю почувствовать своеобразие деревенской жизни.

О чём бы ни писал Яков Егоров, читатель невольно ощущает его присутствие в гуще событий. Создать произведения, являющиеся реальными, живыми и яркими картинами жизни новгородской деревни, способен был лишь самобытный талант писателя, не понаслышке знавшего новгородскую деревню и крестьян, живших в ней.

В.И. Ромашова

В.И. Ромашова подготовила к печати сборник прозаических произведений Я.Е. Егорова «Среди крестьян», один экземпляр которого отпечатан и находится в собрании библиотеки Учебно-научного центра изучения культуры Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого. К сожалению, Вера Ивановна не успела при жизни осуществить задуманное...

Надеемся, что благодарные потомки обратят внимание на творчество деревенского прозаика и по достоинству оценят огромный труд, проделанный его исследователем.

Я.Е. Егоров

ОТЕЦ МАТВЕЙ

Мне пришлось служить в крае, где жил и действовал замечательный священник, отец Матвей. Край был глухой, бедный и вообще довольно неприглядный, начиная от бесконечных болот и лесов, с непроезжими дорогами и кончая полной безграмотностью жителей.

Попал он сюда по собственному своему желанию, после того, как у него умерла жена, а единственного сына, служившего уже где-то на железной дороге, раздавило поездом. Вероятно, городская жизнь (он был городским священником) слишком больно напоминала ему прошедшее, и он пожелал уйти от неё подальше, похоронить себя в деревенской глуши и трудах на общую пользу.

Это был не старый ещё человек, лет 40–50, высокого роста, добрый, обходительный, но почти всегда молчаливый и несколько при этом рассеянный, как будто бы он постоянно был обуреваем своими думами и заботами. Он вечно куда-то торопился, вечно был занят, — ни одного часа, казалось, не оставался без дела. Как заведённые часы, он с утра до поздней ночи был в движении, в работе, точно боялся остановиться, чтобы не избаловаться, не изнежиться. Его постоянно видели то в школе с ребятишками, то спешащим к больным куда-нибудь в дальнюю деревню, то принимающим больных — мужчин, женщин и детей. Жил он одиноко в скромном домике. Старуха-сторожиха была единственным человеком, жившим у него в доме и помогавшим ему. А самым частым гостем у него был юродивый деревенский паренёк Стёпа.

— Батюшка! — окликал он при встречах на улице.

— Ну что, что, Степан?

— Кха-кха! Ужо-ка я к тебе подойду-то... Вот как я к тебе-то подошёл-то.

* См.: В.И. Ромашова. Поэт самобытного дарования / Чело. № 3. Великий Новгород, 2003. С. 34–41; Я.Е. Егоров. Думы и песни пахаря / Сост. В.И. Ромашова. Великий Новгород, 2003.

Прижмётся дурачок к его плечу и засмеётся... На задумчивом, озабоченном лице отца Матвея тоже расплывается улыбка: он погладит его по голове и опять спешит дальше, не слыша уже того, как Степан за спиной у него рассказывает какой-нибудь бабе:

— Глянько-с, тётушка, как я к батюшке подошёл... Вот так, глянько-с... Батюшко!..

Прежде всего, появившись в краю, — тогда ещё молодой — отец Матвей занялся устройством школы, находя, вероятно, это полезным для прихода, да и для себя занятия в ней необходимыми. Он обратился к деревне с предложением устроить школу. Но прихожане были до того невежественны, что не только не пожелали школы, но прямо нашли её даже вредной выдумкой. Это не удивило отца Матвея, потому что народ был беден. Тогда он сказал, что устроит школу на свои деньги, на приходские доходы и что учить ребят грамоте он будет сам. Крестьяне на это согласились, но всё-таки потребовали подписку, что он не будет собирать с них денег на содержание школы. Подписку он дал, поместив школу в церковной сторожке и на свой счёт покупая бумагу, перья, книги и всё нужное, в то же время сам занимаясь вместо учителя. И занимался он до тех пор, пока не подучил себе из своих школьников помощника Андрея, хромого и не способного к крестьянской работе парня. С ним ему стало легче заниматься в школе, да и народ к этому времени уже начал понимать пользу грамоты. Помощнику было назначено небольшое жалованье от прихода.

— А ведь поп-то у нас добрый попался, — толковали мужики, слушая детское чтение на клиросе и чтение книг по избам. — Ну-ка, свет-то, братцы и во тьме светит.

Не меньше уважения нашёл он себе и в своём знании лечить. Особенно верили ему крестьяне в выжигании сибирской язвы. Мне не однажды приходилось наблюдать такую картину.

Вот он задумал отдохнуть и присел к окну, чтобы полюбоваться, как около церковной колокольни с визгом кружатся стрижи. Утро тихое, ясное; солнышко уже начало довольно сильно припекать. Стук ехавшей по мосту телеги заставил его оглянуться. Так и есть: высокий, плечистый крестьянин повернул лошадь к углу изгороди и, сморкаясь и покашливая, стал подниматься к крылечку. Но отец Матвей, совсем одетый, шёл к нему навстречу. По увлажненным глазам, как бы от сдерживаемых слёз, он уже видел, в чём должна будет заключаться его помощь, и спросил:

— Жена?..

— Жена, батюшка...

— Муха? (В приходе в это время была сибирская язва.)

— Так, точно так, отец Матвей, весь глаз почернел!

— Над коровой плакала?

— Так, батюшка, так... Вчерась всё причитала над коровой-то, голосила... Насилу оттащил...

Едва отец Матвей возвратился назад с тем же мужиком от больной, как на берегу, у самого тына его сада, уже человек пять молодых мужиков лежало в тени берез. Не заходя домой, он подошёл к ним, севшим при его приближении на траву, и молча начал доставать из своего кармана маленький тоненький ножичек и синюю скляночку с белой палочкою ляписа. Как больные, так и он, молчали, потому что и для тех, и для других было ясно взаимное отношение. Больные расстёгивали ворот

рубахи и поворачивали к нему заражённое сибирской язвой место на теле, он разрезал крест-накрест это место — чёрное пятно — и прижигал белой палочкою. Люди эти прибежали прямо с полосы, с сенокоса, зная уже, как опасно запускать болезнь. Прежде от этого много людей умирало, а вот приехал отец Матвей, увидел, как люди от «мухи» умирают, и стал народ лечить. Трудно было заслужить доверие к этой белой палочке и ножичку в уме простого человека, но раз опыт удался — больные уже валом к «батюшке» повалили, да и не только с этою болезнью, а со всякою. Больных в приходе было много, чему способствовали плохое питание, грязные жилища, трудные работы, простуда и пр., но ни о врачах, ни о фельдшерах люди и понятия не имели. Умирали так, как мухи мрут, хотя бы и от пустой причины. В холерный год один зажиточный крестьянин пригласил к своей больной жене случайно проезжавшего фельдшера. А тогда холера по народу ходила. Оказалось, что у женщины действительно была холера. Отец Матвей и сам догадывался, что это за страшная гостья, но справиться с нею не уметь.

Из города приехали фельдшера «погасить эпидемию». Когда об этом узнали в деревне, то подняли ропот, чуть не бунт, и фельдшер с испугу уехал.

— Какая тут холера! Нет холеры! — кричали мужики.

— Болезнь от Бога: не судьба, так не умрёшь!

— Известно, ни к чему — расход один: квартиру дай, кормить-поить его надо, подводу тоже...

Для жалкого и невежественного бедняка расход кажется важнее, чем гибель и разорение многих семей.

— А что, ведь батюшко-то правду баил, что фельдшера-то надо бы удержать, — говорилось потом.

Но сознавали это только тогда, когда страшная болезнь сама собой прошла, унеся у каждого десятка чётёрёх человек.

— А вот дело, бывшее уже на моих глазах. Чтобы помочь мужицкому горю, отец Матвей уговорил вскоре после холеры одного крестьянина из зажиточных отпустить свою дочь, девушку, идти в город учиться. Тот согласился и сам отвез её в город и определил в школу для фельдшериц. Окончив курс, она вернулась на родину и поселилась у отца на житьё, занявшись лечением. Лекарства отец Матвей покупал на свои же деньги, как и она — без денег же, бесплатно, лечила, занимаясь в то же время хозяйством отца. Добрая и весёлая фельдшерица была чистой находкою для отца Матвея и родной сестрою для всех больных и несчастных. Народ берег её, и не было такой похвалы, которая в его глазах казалась бы достойной для возвеличивания его любимицы — «дохторки». Она всегда и везде являлась по первому требованию. Ни грязь, ни непогода, ни опасности дороги не могли удержать её дома, если она шла по какому-либо доброму делу. Одна-одинёшенька она иногда ездила в город за лекарствами, когда аптечка её оскудевала. До света часто видели, как она, бывало, спешит разнести эти лекарства по больным, нарочно пораньше, — чтобы застать всю семью дома; поздно вечером её видели возвращающуюся от больных из соседних деревень, отстоящих от села иногда вёрст на десять.

— Ты — наш ангел-хранитель! — говорили ей женщины и за себя, и за своих детей, когда она склонялась над постелью ребенка и впивалась внимательным взглядом в лицо больного малютки.

Её отзывчивому сердцу близки были не только больные, но и все несчастные, все страдающие, все нуждающиеся в добром слове, все поражённые каким-либо горем: смерть ли главы семьи, пожар ли, нехороший ли поступок младших сынов, от которого родители чувствуют стыд и нуждаются в ободрении, в утешении, — всё это растворялось в её чистой душе, как копоть и дым растворяются в чистом утреннем воздухе. Но это не даром досталось ей. Много пришлось перенести труда, насмешек, грубых шуток, даже угроз, — как вначале и отцу Матвею, — со стороны людей, одеревеневших в своей невежественной жизни. Но она терпением и кротостью победила всё это. Зато теперь нет в приходе человека, который не исполнил бы малейшего её желания. А за знания, — чему она научилась в городе, будучи там ученицей, — её уважали все наравне с «попом Матвеем». Из-за этой девушки прихожане (особенно женщины) лишней раз молились Богу за своего «батьюшку». Если бы не он, не было бы в приходе «своей» фельдшерицы.

— Поп у нас добёр, больно добёр! — слышались голоса. — Пошли Бог ему подольше пожить!

— Да... Только слабёнок стал: надо бы ему отдохнуть, а то измотался в заботе да в хлопотах о нас!

Но отцу Матвею было не до отдыха. Неутомимая голова его работала: мысли волнами, приливами и отливами, ходили в ней, как изменчивые, борющиеся тени в горячих углях только что истопленной печи. Он давно уже был поглощён одной заботой... Нельзя ли как помочь делу — изгнать бедность, если и не совсем, то хоть уменьшить её? Он додумался, что одна из причин бедности, — полное бездорожье в крае. Попасть в город — такой крюк надо сделать, что если бы везти к нему что-нибудь на продажу, то вещь не будет стоить, во что обойдётся перевоз, не говоря уже о цене труда и материала, на неё положенных. Если бы были дороги, то можно было бы лишнее кое-что вывозить отсюда — произведения ли земли, или произведения рук человеческих, — ведь кое-что есть!.. Кое-где сады завелись, огороды; ремёсла начинают прививаться. Но продать ничего негде. С другой стороны — нужны вещи, которые можно достать только в городе: сельскохозяйственные орудия, машины. Но доставка их сюда обойдётся дороже — самое меньшее вдвое, чем они стоят... При хлебопашестве да если ещё хоть какой-либо постоянный заработок, — ведь это всё равно, что найти выход из заколдованного круга бедности! Да, дороги необходимы! Особенно — дорога, ведущая к городу, к ближайшей станции «чугунки»... Он надеется, что между деревнями крестьяне согласятся выровнять, осушить канавами свои дороги; но этого мало для общей пользы. Необходимо проложить новую дорогу — через леса и болота к шоссе, где рядом же идёт железная дорога и стоит большое село.

— Эх, карту бы, план!

При случае он заехал в волостное правление, рассмотрел поданный старшиною план.

— Всего $2\frac{1}{2}$ версты болота, — радостно сказал он волостному старшине, который и сам интересовался тем, чтобы в его волости поменьше было недоимок, а следовательно, и народ жил бы побогаче. С отцом Матвеем они не однажды толковали об этом.

— Две с половиной версты, а там близко дорога просёлочная идёт до шоссе, а от шоссе поезжай во все стороны на чугунке!..

— Крестьяне никак не согласятся, — уныло сказал старшина. — Если не найдёте денежного человека, то дорога так и останется в помыслах ваших, и... и только!

Но отца Матвея трудно было сбить с мысли, какую он считал разумной и полезной. Он решил попробовать поговорить с крестьянами. Те не дали и слова сказать! Поднялся крик, шум...

— Нам не нужна новая дорога! Дорога у нас есть...

— Да здесь вдвое короче будет!

— Всегда ездили по длинной, по старой. Кому надо, тот пускай и строит новую!..

Тыщи мало новую-то построить, да ещё земля не наша, надо спросить, позволят ли через чужие дачи дороге вести, а тут три дачи, трёх хозяев; может, каждому заплатить надо!..

— Да и заплатишь, брат, — ведь лес придётся рубить...

Много было крику и шуму. Отец Матвей сообщил, что писал он владельцам, и что те согласны на проведение дороги через их владения и никаких денег не требуют: им самим нужна эта дорога.

При этом он показал письма.

— Канавщиков надо! — кричали недовольные.

— Канавы сами пророем! — соображали те, что не прочь были поддержать батьюшку.

— Отец Матвей своих денег вкладывает в это дело сто рублей! — говорит, наконец, староста, бывший ученик школы.

— Ловок! За сто рублей дорогу ему сделай... Кому она нужна-то?

Отец Матвей терпеливо выслушал всё с начала до конца — и тех, кто говорил за дорогу, и тех — кто шёл против него. Он видел ясно, что тут его план потерпел неудачу: правду ему говорили, что крестьяне не согласятся.

Но не такой он был человек, чтобы отступить перед неудачей.

На другой день рано (это был понедельник) деревня была крайне поражена необыкновенным зрелищем: батьюшка, единолично, в наряде дровосека, с топором в руках, в больших сапогах, в высоко подпоясанном ремённым кушаком подряснике — чуть свет пошел на работу: мостить новопроелагаемую дорогу, о которой вчера шла речь. Это была новость, заставившая волноваться весь приход: сторонники новой дороги подняли головы, один по одному стали присоединяться (бывшие ученики) к своему учителю, являясь к нему также с топорами. В среду у него было 200 рабочих, а в следующий понедельник 300. Через три недели прекрасная прямая мощёная дорога, окопанная с обеих сторон канавами, вилась между сосен и елей, там, где прежде была узкая тропинка по жёрдочкам для пешеходов.

Случай этот окончательно примирил с отцом Матвеем самых закоренелых его противников. Целый край сразу ринулся по новой дороге, точно солнышко проглянуло в распахнутые ворота на тёмный и сырой двор... И так близко, и так удобно. Старый путь был забыт навсегда.

Около этого времени я познакомился, и довольно коротко, с отцом Матвеем. Это было на вечеринке в двухклассной министерской школе, в которую преобразовалась открытая священником на свои средства школа в сторожке. Мы разговорились, и он откровенно высказал мне свои планы. Дорога готова, но бедности оттого не стало меньше: привозить было что, но для вывоза из края в обмен ничего не было — ни хлеба, ни сена, ни картофеля,

ни огородных овощей, ни плодов, ни произведений ручного труда. Надо и об этом подумать. В школе стали читать и объяснять ученикам такие книжки, где говорилось о том, как по науке следует пахать, сеять, обрабатывать и удобрять поля, как выродившиеся семена заменять новыми, лучшими... Он думал даже завести склады семян, откуда всякий мог бы взять эти семена бесплатно, чтобы потом возратить из урожая, чтобы размолоть их в муку, а муку продать в городе и деньги эти снова употребить на покупку доброкачественного материала для посевов. В книжках, что давались ученикам, говорилось о плугах и железных боронах, о диких и плодовых деревьях. Вследствие этого должны были появиться, по его расчётам, хорошие сорта яблонь в приходе, плодовые сады при школах. Отец Матвей и учителя собственными руками, в поощрение учеников, уже разводили плодовые сады вокруг своей школы; крестьяне начали заводить плуги, бороны, купленные в городе, в земстве — благо доставка была дешевле, чем раньше. Всё, что было лучшего, что касается земледелия и ремесла, можно было бы достать на месте. Вот его мечта, которую он проведёт в жизнь... Одним словом — всё, что может облегчить человеку труд, сделав его более доходным, всё, что даёт удобства для жизни — постепенно должно появиться в приходе... Таковы его планы, и, благодаря приобретённому населением доверию к нему, можно было подумать, что это именно так и будет. Даже мечтал он о приходской кассе взаимопомощи, откуда всякий имел бы право брать деньги за самые ничтожные проценты, на правах товарищества; а что появятся общественные лавки, в которых товар покупался бы дешевле, чем где бы то ни было, — в этом он был уверен. Село, а с ним и весь приход, считало в описываемое время своего батюшку настоящим отцом и благодетелем.

Но были вещи, с которыми не мог сладить и отец Матвей.

Задумал он лет пять тому назад большое дело. Поводом к этому послужил пожар: сгорела добрая половина деревни.

Была ночь, дул сильный ветер. Загорелось в сенях у крестьянина Фомина, от неосторожного обращения с огнём — лучиной. Крыша была соломенная, — избушка вспыхнула, как порох. Соседние избы стояли бок о бок. Не успел народ сбежаться, как огонь перекинуло на другую сторону улицы...

— Машину! Тащи машину сюда! — кричит прибежавший на пожар священник.

Парни бросились в пожарный сарай; девки, бабы схватили вёдра. Мальчишки залезли на крыши и поливали из вёдер пересохшую за лето солому. Но маленькая пожарная труба мало принесла пользы. Правда, можно было бы отстоять последний дом — церковного старосты, бывшего в отсутствии, но мужики махнули рукою: мы-де сгорели, так гори и ты!.. Некоторые из крестьян образумились было и хотели не дать сгореть последнему дому, но им многие сопротивлялись и не дали машины. Случай этот очень опечалил отца Матвея.

— Один человек может ещё грешить, — сказал он крестьянам, — но чтобы целое общество приняло на свою совесть явный грех, — вижу я, братцы, это в первый раз!..

Случай этот, как видно, ясно показал батюшке, что много нужно поработать ему над своими прихожанами, что всё, что он делал для них, чему учил их, всё это — капля в море...

— Ведь это всё равно, что поджечь!..

Рассказывая мне об этом, пастырь добрый был очень взволнован; но и тут в голове его зарождались новые планы.

— Что было, того не воротить, — сказал он. — Надо сделать так, чтобы зло (пожары) уничтожить в корне. Вся беда в том, что деревни наши строятся очень уж тесно, вплотную, стенка со стенкой; крыша с крышей. Недаром же вся Россия, как говорят учёные, выгорает раз в десять лет! Сколько здесь погибает труда, кровных денег, сколько потеряно сил, положено забот, пролито жгучих слёз! И всё ради чего? — Чтобы сохранить старый обычай тесной постройки? Вы думаете, что земли меньше будет занято? Землей дорожат, но мысль эта совершенно неправильная. Возьмём кусок холста в тридцать аршин. Не всё ли равно, откуда мы будем резать его — с конца, с другого?.. И если мы желаем отрезать два полотенца, по три аршина каждое, то совершенно безразлично, откуда мы вырежем эти куски — с того конца или с этого. Разложите вы для примера на столе колоду карт в один ряд. Пусть это будут дворовые участки земли. Они занимают своё место на столе. Но разве больше места займут эти карты, если каждую отодвинуть от другой, положить отдельно?!

— Так вот, какие мысли занимают меня! — продолжал он, глядя на меня в упор. — Я помню, как горели избы, а народ бегал среди ночи в ужасе и смятении... Надо бы расселить деревню по всем крестьянским владениям. Пусть деревня рассыплется, как карты на столе: каждый пусть строится — где считает для себя удобным, — так, чтобы вокруг его дома и земля принадлежала ему!.. Ведь строится же так у нас по соседству курляндцы? Скажем, например, деревня сгорела, строиться надо... Так не лучше ли построиться разумно? Как будто не по-русски?.. Крестьяне согласятся?.. Но мы подумаем сначала, всё ли хорошо, что по-русски. По-русски вон кулаками дерутся, сивухой опиваются... Что ж, хорошо это? Надо подумать, надо, надо! Всякий народ, — продолжал батюшка с чисто юношеской горячностью, — не даром жил целые тысячи лет на свете: ведь чему-нибудь научился, что-нибудь и вынес из своего долгого земного бытия. Не даром немец выдумал колбасу, китаец — загородился каменной стеной, самоедин носит шубу шерстью вверх... Когда добрых людей было мало, их обижали дикие звери и злые люди, — тогда они и селились ближе друг к другу, чтобы при случае защиту иметь. Теперь же нас никто не обижает! Кто ж нам мешает жить на полной своей воле, в особом домике, на отдельном участке: и огород здесь, и садик, и гумно, и баня, и рига, и скотинку выпустить можно на свою траву, и чужих кур гонять не приходится из огорода, и огурцы целее...

— Ха-ха-ха! — засмеялся слушавший нас крестьянин: — Вот уж правда, так правда, — насчёт то есть куриц, — мука мученская! На днях моя баба срезалась* с Анашихой — уморушка! Курицы, вишь, в изгороду пролезают, рассаду у нее разрыли... Да чего! Чуть-чуть и мужики, на баб глядя, не сцепились...

— Ну вот вам и пример! — сказал отец Матвей. — Греха не мало от тесного домостроительства.

* Срезалась от слова *срезать* — оборвать, резко прервать говорящего. (См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.)

— Теперь вот идут, после пожара, споры о сдворках, — вставил я своё слово.

— Ах, да, о сдворках? Слышал: Пантелей хочет жребий кидать.

— Ну вот!.. А у него хороший сдворок?

— Хороший, да он получше хочет!

— Ну, уж это напрасно! Никто не согласится, да и к чему?

— А так, и сам не знает к чему.

— Сдворки!.. Много, много и с ними неприятностей: один взял мало, другой много — только грехи одни! Вот мои ученики начертили план всей деревни... Вот он...

Отец Матвей вынул из кармана подрясника бумагу, где расписана была вся деревня и сдворки по точному размеру, по клеткам, так что каждая клетка представляла собою сажень в квадрате. По этим клеткам легко было сосчитать, у кого из крестьян сколько квадратных сажень на сдворке. Он показал нам бумагу. Видно было, что он давно уже обдумывал дело о сдворках, но не пришёл ещё ни к какому решению.

— Ишь ты, диковина, — толковал крестьянин. — А мы думаем, что такое с трёхногим столом ребятишки с учителем бродят по огородам, цепь таскают, в дырочку на инструменте глядят. Поглядел и я — ничего не вижу, какая-то волосинка...

— Я нарочно попросил учителя составить этот план, давно хотел показать вам, у кого и сколько не хватает земли в сдворках, чтобы сравнить все сдворки «отменом» в поле. Но вот — по Божьему попущению — этого и делать не нужно: пожар сравнял всех. А вы подумайте да приступите-ка к расселению деревни: осушите землю канавами — старые совсем заплыли, нарежьте участки да и стройтесь каждый на своём поле... Подумайте-ка...

Ничего на это не сказал крестьянин, и мы разошлись, сильно призадумавшись.

— Пишите-ка приговор, братцы, — напутствовал мужика батюшка. — С Богом!

Я немало подивился простоте приёмов отца Матвея, когда он хотел что-нибудь привнести в близкую его светлой душе тёмную деревенскую жизнь...

Трудно сказать, чем бы кончилась эта история с расселением деревни, если бы отец Матвей вдруг не захворал. В одиночестве, в своём маленьком домике, превращённом доброй старушкой-сторожхой и её мужем, очень любившими батюшку, в уютный, тихий уголок, он часто предавался молитвенному настроению в минуты, когда заботы о приходских нуждах позволяли ему хоть немного отдохнуть. Ведя строгую, подвижническую жизнь, сам того не замечая, он достиг глубокого нравственного совершенства. В приходе это замечали и даже верили, что он может творить чудеса. Если бы это ему сказали, то он, конечно бы, рассердился. Но в этом нет ничего удивительного. Известны были случаи, что, когда он, например, молился у постели больного (а молился он всегда как-то особенно — молча, мысленно, подняв глаза к небу и забывая всё окружающее его), то и больной, и его близкие были уверены в силе этой молитвы. Почти всегда бывало так, что все такие больные выздоравливали. Он сам об этом не думал и не замечал. Мы, деревенские учителя и учительницы, частенько, бывало, заходили к нему прямо от обедни. Он любил нашу оживлённую компанию, но разговаривал вообще мало. Ему больше нравилось сидеть

где-нибудь в уголку, в удобном кресле, и оттуда прислушиваться к нашему говору, тихонько улыбаясь, благодушно и доброжелательно. Большей же частью он дремал. Иногда, заинтересовавшись каким-либо разговором, он подходил к нашей компании и, чисто по-детски, молча улыбался. И так же, как подходил, он, удовлетворив своё любопытство, удалялся, — опять молча и улыбаясь, — на своё место. В это время он уже был седым стариком. Единственным другом его был все тот же Стёпа, который часто ходил к нему — босой и в одной длинной рубахе. Приходил он, не спрашиваясь, и уходил, когда вздумается.

Был поздний тёмный осенний вечер. Весь день шёл мелкий, частый дождик, ветер свистал и выл в трубе, качая верхушки наполовину обсыпавшегося сада. Отец полулежал на диванчике в тепло натопленной горенке. Цветы на окнах, белые чехлы на простенькой мебели, лампа с большим бумажным колпаком — всё это рукоделье и забота его бывших учениц — приятно действовали на утомлённый неприглядной действительностью глаз хозяина. Он только что вернулся от трудно больной и, чувствуя недомогание, отдыхал и согревался — в туфлях и в тёплом ватном подряснике, лёжа на подушках и прихлёбывая чай с малиновым вареньем.

— Как вы думаете, отец (мы его всегда так называли), как вы думаете: теперешняя деревенская молодёжь, ученики новой школы, лучше тех, старых, дореформенных, родившихся и живших лет сорок назад?

Но отец Матвей, не отвечая на вопрос, рассеянно пробегал глазами от потолка до двери... В это время звякнуло наружное кольцо у двери. Кудлатая собачка — Мошка — выскочила из-под стола, накрытого белой вязаной скатертью, и бросилась к двери. Слышно было, как старик сторож, вечный ворчун, шаркая валенками, прошёл из кухни в коридор и отодвинул задвижку.

— Кто-то, кажется, вошёл? — сказал отец Матвей, проводя рукою по волосам.

Он спустил ноги на пол, поставил на стол стакан с недопитым чаем и во все глаза стал смотреть на дверь в соседнюю неосвещённую комнату. Вот взялись за скобку... Чьи-то шаги — быстрые и неровные... Шуршанье платья и — перед нами встала стройная, вся в чёрном, молодая женщина. Она огляделась, жмуря глаза при переходе из ночной темноты к свету.

Несколько секунд — и приезжая упала на колени перед священником, ловя целовать его руки...

— Насилу нашла тебя, половину России объездила... Дедушка, дорогой!.. Разве ты не узнаёшь меня, разве не узнал своей внучки?..

— Жень!.. Голубчик мой... Да что же это, Господи!..

Он не мог говорить. Дрожащие руки потянулись к ней, он ласково привлёк к себе её голову и тяжело и глухо заплакал...

Мы не стали мешать родственному свиданию, догадываясь, что это — дочь его сына Павлуши, о котором он часто вспоминал, как о живом.

Мне больше не пришлось уже видеть отца Матвея: я переменял место службы, и много прошло времени, прежде чем я посетил то село, где с ним познакомился. Его уже не было в живых, и меня встретил его зять, совсем ещё молодой священник, женатый на его внучке Евгении Павловне, Пётр Иванович Раменский. Мы тотчас же разговаривали о нём, но сведения его о покойнике оказались

весьма неполными. Рассказал он мне только то, что слышал о нём от своей супруги, да и то касаясь лишь последних месяцев его жизни.

— Ведь он за несколько лет ещё до смерти, — сказала Евгения Павловна, утирая выступившие на глазах слёзы, — приготовил себе и могилу, вот тут за церковью, и бельё, и одежду, во что бы его одели. За несколько минут до того, как испустить дух, он вручил мне бумагу, в которой подробно описал все принадлежности облачения, все правила и порядки: в какие часы панихиду служить и всё такое...

Крестьяне знали больше: они отнеслись к памяти «батюшки» как нельзя сердечнее. Они, правда, отклонили расселение на отдельные владения, в округлённых участках, но зато были шибко увлечены слухом, что незадолго до смерти отец Матвей начал хлопотать о покупке земли для деревни. Случилось так, что в это время продавалось за долги помещичье имение, находящееся в самой деревне — дом со всеми службами, с парком и садом, водяная мельница, живой и мёртвый инвентарь — лошади, коровы, плуги, бороны и т.п. Управление, учреждённое над собственностью владельца, по взысканию долгов послало в имение уполномоченное лицо, чтобы осмотреть его, оценить, и, если крестьяне дадут подходящую сумму, то и запродать им, в расчёте, что крестьянский банк, пока ещё действует старое льготное положение о нём, может, т.е. имеет законное право, — внести за крестьян деньги полностью. Не половину, не две трети, как бывало, а именно всю оценочную сумму, даже и расходы по покупке и прочие канцелярские расходы — может принять на себя, причислив их потом к основному крестьянскому долгу. Дело было очень хорошее. Везде только и было разговоров, что о покупке имения. Приехавшее лицо вот уже третий день живёт в деревне, производя оценку и тем временем собирая справки о намерении крестьян. Купить землю все желали, но как это сделать? За имение — со стороны — уже предлагали семьдесят тысяч. Крестьяне оценивали его в пятьдесят. Самим хозяином оно было куплено за шестьдесят пять, а его предшественнику досталось за сорок две тысячи от купца, приобретшего его за двадцать четыре тысячи от наследников — сыновей умершего в начале шестидесятых годов барина. Правда, наследники предлагали тогда крестьянам родовое имение (около трёх тысяч десятин), — не хотелось им отпустить его в руки купцу, — предлагали и просили самую скромную сумму — двадцать две тысячи; но старики не сообразили дела, на сходке поднялся шум, споры, брань. Одни кричали: купить! Другие были против покупки, на том основании, что у них не было детей. Были и такие, что тормозили покупку с тайным ожиданием, что «земля-де и так наша будет». Но, увы, прошло с тех пор более тридцати лет, а земля всё-таки не была «наша». Перекупали и перепродавали её купцы из рук в руки много раз, вырубали, обогащались и уходили, забрав деньги. Являлись другие, доканчивали общее разорение прекрасного имения и, обогатившись, тоже отплывали восвояси. Имение же, однако, от того не только не падало в цене, а прямо-таки дорожало. Оно теперь вздорожало более чем в три раза против первоначальной цены, положенной помещиком. Причиной было то, что как раз через дачу проходила река, по которой можно было сплавлять на станцию железной дороги дрова и брёвна (на шпалы). Помещики не занимались этими делами, а теперь это

было самое выгодное, самое излюбленное занятие среди подрядчиков-дровяников. Они чуть не за грош нанимали крестьян рубить и пилить брёвна и дрова, так как осенью крестьянам были нужны деньги, а зимой местная жизнь не давала никаких других заработков, и они брали задатки. В последние три-четыре года владелец получал с имения ежегодно не менее 12 тысяч чистой прибыли.

Всё это знал отец Матвей и всем этим пожелал воспользоваться для крестьян.

— Прорва денег! — восклицали мужики, толкая о пущенной в народе мысли — купить богатое имение.

— Прорва-то, прорва, только не наши они.

— Купим землю, так будут наши!

— Поди-ка, купи! Семьдесят тыщ!

— Зачем покупать: и так наша будет! — кричали те, кто был поглупее других (а таких было мало).

— Держи карман: так стариков обманывали, а нас, теперешних, не проведёшь. Никогда не будет наша!

— Известно: человек 65 тысяч заплатил, да тебе и отдай!.. Глупцы, глупцы! Нет, брат, собственность — вот что! Если бы так, если бы очки нам не вставляли дураки такие же, как ты, так давно бы с землёй были...

— Знамо, были бы! Человек двадцать две просил, и деньги в рассрочку, а вот теперь сами 50 тысяч даём...

— Дашь, брат, и все семьдесят. Потому: нам без ней дыхнуть нельзя, податься некуда.

— Ты говоришь: семьдесят! Не, брат, семьдесят-то уж дают. Сколько-нибудь да прибавить надо. Коль на перебой, так тысячу пятаков накинуть!

— Известно, накинуть! Обществу пять тысяч не расчёт, потому вещь — вековая, а промышленнику что?.. Пришёл, напакостил и ушёл. Ему лес надо, он землю ни во что не ставит, а нам главное — земля, а лес бери, лес сызнова вырастет! Вот что! Не осилить, говоришь: да мы лесом одним — дровами да брёвнами — заплатим. Сколько в год-то банку придётся платить? Четыре тыщи?.. Так мы сейчас ему же, дровянику, и запродадим, да сами и дрова-то на берег заготовим и сгоним. Эх!..

— А что, ребята, дело! Лесопромышленник даром не будет вокруг дров околачиваться: нам он платит за заготовку, именье покупает — тоже деньги платит... Да ведь остаётся же у него барыш?.. Барыш-то ведь тогда не у него, а у нас остаётся?

— Чего тут толковать... Купить!

— Известно, купить: собственники!..

— Что? Тридцать рублей с души? Да я на одних оглоблях из дачи их выручу!

— А я на дровах, — свезу на берег сажонки две с половиной дров, вот тебе и уплатил свой пай.

— Я кирпичный завод устрою: глиной заплачу за свои две души.

— А я смолой: корчевать пни начну сосновые да еловые...

— Дом — продать, сад — на дрова...

— Эге, стой, ребята: дом — продать, сад — на дрова!.. А где же мы новоселье справим? То-то! Мы вперёд покупку в доме-то спрыснем, да в саду поваляемся...

— Дело!.. Ха-ха-ха!.. А и широко, братцы, там! Ха-ха-ха!..

Мужики посмеялись, представляя себе пирушку в помещичьем доме, а в саду — целым миром, после предполагаемой покупки.

— Участки, братцы, вперёд нарезать каждому!..

— Зачем? Всё в мирской счёт должно пойти!

— Сколько приходится-то?

— Тридцать десятин на душу.

— Три-идцать десятин?! Господи, Боже мой! Тридцать десятин!... Пособи, Господи, надоумь! Век с хлебом будем.

— Когда срок-то продажи?

— Через десять дён...

— Не подождать ли торгов: може, уступят с семидесяти-то...

— Чего ждать? Провороним, как старики проворонили. А так, может, через десять дён я собственник!

— Как же это?

— А так: банк за себя укупит, как бы хозяин станет, а нам сдаст на пользу, пока ему не выплатим весь капитал.

— Да лес-то можно ли рубить?

— Можно; только банк, вишь, пошлёт землемера и расклинит лес на участки, по полсотни десятин. Руби по участку каждый год! А пока тут рубишь — там, назади, уж опята гляди, поднялась зелёная роща...

— Эка — раздолья-то, ребята!...

— Так как же, братушки? Покупать али не покупать? Трудно было сразу ответить на этот вопрос.

— Надо обдумать.

— Некогда обдумывать, — десять дней...

— Посоветоваться не с кем. Опять же с банком неизвестно — что и как.

— Да ведь уверяет человек: банк до копеечки деньги заплатит и землю нам сдаст, только лес за собой обеспечит, чтобы свои деньги не потерять. Лес без толку не даст рубить, знаем!

— Известно, дай нашему брату волю — лес полетит в два года.

— Вот то-то!

— А всё-таки боязно; не влопаться бы...

— Да как, братцы, ещё это полюбится начальству... Кто этот приехавший человек? Можно ли ему верить? Нет ли подвоха, закорючки какой? Он приговор просит, — а, может, этот приговор ему надобен, чтобы показать купцу какому-то же: вот, мол, на что уж мужики, а и те на месте (уж им ли, мол, не знать?) дают за именье семьдесят тыщ... Значит, стоит... Ну, одним словом, набавляй — мол, не скупись! Вот не тут ли корень? А что насчёт земли — нам, действительно, шагу ступить некуда. Староста, собирай завтра сходку!...

Солнышко только ещё вставало, как на бревнах, у избы сельского старосты, среди деревни сходка была уже в полном разгаре. Разговоры велись громко, оживлённо; споров и брани совсем уже нынче не было слышно: большую часть мужики шутили, смеялись, безобидно острили друг над другом. Видно было, что вопрос о покупке земли у них за ночь окончательно был решён, требовалось лишь сказать последнее слово и подписаться к приговору. Радостное настроение деревни так и било ключом, светилось на загоревших и обросших волосами лицах, чувствовалось в движениях, в звуках голоса; даже те, что вчера были против покупки, — и они теперь умильно посмеивались, качая головами.

— Ой, ребята, дорогонько!

— Кому дорого, а нам ещё дороже стоит!

— Известно, дороже: вон — поля застроили сдворками... Ещё лет двадцать, так и сеять негде будет.

— У нас всё в дело пойдёт: и дрова, и лес, и пенёк-корень, и лыки, и ива...

— И веники, голова: а то бабам веников негде ломать...

— Кто, ребята, против покупки, тот может и не подписываться к приговору, — сказал бывший за покупку молодой и расторопный староста, выходя на середину.

— А если «выйдет» дело-то? — спросил один из крестьян, наиболее споривших накануне, — тогда ты меня уж не примешь? Участка, значит, не вырежешь?

— Да уж известно! Какой же участок, коли человек отказался?

— Писать — так всех писать, под свал, — зашумели кругом.

Противников не нашлось; никто не отозвался нежеланием, отказом. Один только из бездетных стариков — «богатея» — не пожелал участвовать в покупке, но зато он и не явился на сход.

В одну минуту из избы был вынесен небольшой столик, чернильница и перо. Приговор был заготовлен раньше; стоило только отобрать руки и подписаться грамотным (нашлись и такие). Молоденький учитель Мокей Мокевич, с которым отец Матвей был очень дружен, взялся за перо.

Сам уроженец-крестьянин, он, не торопясь, развернул бумагу, что составляли они когда-то с «батюшкой», чуть ли не накануне его смерти, и приготовился прописывать всех неграмотных.

— Кому расписываться за неграмотных? — сказал он.

— Сам и распишись! Чего же?...

— А сам-то ты, Мокей Мокеич, пропишешь себя, возьмёшь пай? — спросил сидевший в стороне у амбара худой и старый, но осторожный мужичок, с впалой грудью, в рваном кафтане и лаптях. Он всё ещё сомневался, как бы не попасть в беду с этим делом.

— Всенепременно, — ответил Мокей Мокеевич, — и при этом так решительно тряхнул шапкою волос, что можно было, закрывши глаза, последовать за ним.

— Ну, так пиши и меня, — согласился мужичок, махнув рукою и расцветая болезненной улыбкою — сынов у меня пятеро...

— Давай руку.

— Зачем же руку?...

— Э, брат, зачем?! Вишь тут сказано: «и руку приложил»... Для крепости, значит, а то ты потом сказать можешь, что тебя облыжно*** сюда записали.

— Во, дед, теперь, брат, никуда от общества не уйдёшь, — шутят кругом мужики. — Не отопрёшься...

— Зачем отпираться... На миру и смерть красна!

Мужики поочередно, друг за другом, подходили к столу и подавали руку учителю:

— Пиши! В добрый час!

— Валяй, брат Мокей! Може, Бог пособит — собственниками заживём...

— Дай Бог!

— Вот, Мокей Мокеич, тогда школу-то отделаем! Дворец, а не школа, будет! — обращаются к нему некоторые из крестьян.

— Да, уж школу — первое дело!...

— Ведь школа и так готова?

— Котора?

— А дом-то барский на что? Не делить же его?

*** Облыжно от слова облыжь (ложь) — ложно. См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1880.

— И то, ребята: и фатера учителю, и сад... Куда же сад-то рубить на дрова — глупости выручишь, а вот пускай ребяташки с учителем в земле роются, да яблони сажают...

— Сад под школу, это так, и дом, — зашумели смеющимися, радостные голоса...

— В усадьбе ведь ещё много построек?

— Найдём место: избу для сходок устроим, а то у старосты в доме неловко, повернуться негде.

— Дьякону фатеру дадим, чтобы лучше поминал отца Матвея.

— Фельдшера пригласим...

— Учителю для девочек возьмём...

— Банку общественную устроим... товарищество...

— Мельницу починим — обществу хлеб молоть...

— Кожевенный завод исправим, заново: сами будем кожи выделывать, из кожи сапоги шить...

— А кирпичный-то завод?

— И то правда, ребята, дров будет много — лому, вершнику: обожжённый кирпич — хорошие деньги. Из сырцу вон печи кладут, а то поезжай-ка за обожжённым-то на станцию, за 35 вёрст...

— Лесопилку, ребята! Кузницу!

Мужики радовались, как дети. Много было сказано хорошего, точно народ взвинтился, поднялся выше на ноги. Утро уже наступило давно. Солнце всплыло высоко. Бабы выходили к колодезю за водой. Вдовы, при малолетних детях, робко подходили к общественному собранию.

— Мокей Мокеич, запиши и меня...

— Ребята, как?

— Пиши, у ей — сын!

— Мокей Мокеич!

— Чего тебе?

— Я опоздал, мамка больна.

— Эй — ты! — бодро и весело кричат мужики десятилетнему мальчугану, собравшемуся на сенокос, но зазевавшемуся у сходки.

— Иван! Чего ж ты?

— А што?

— А подписываться? Грамоте умеешь?

— Умею, да ведь я маленький...

— Жарь... У тебя ведь отец-то померши: так за отца!

Последним, среди неграмотных, пришёл конюх-пастух.

— И меня бы, Мокей Мокеич...

— Да я уж расписался. Видишь: — «равно как и за себя, расписался такой-то».

— Что ж делать?

Молодой конюх, красивый и здоровый парень, недавно женившийся и пробующий свои силы на хозяйстве, чешет затылок: уж не потому ли его не принимают, что он много раз дрался.

— Всё равно, — говорит учитель, — тебя, Миша, внесём в списки, когда будет развёрстка земли по душам...

С некоторым неудовлетворением ушёл Миша: не хотят ли, мол, меня обойти, обидеть, — как бедного и неграмотного?

— Все ли? — сказал староста.

Оказалось, что неграмотные подписались все.

— Грамотные! Иди!..

Засучивая рукава кафтанов, грамотные давали свои подписи к приговору... В конце расписался сам староста и приложил печать...

— Копти хорошенько, печать-то?

— Копчу, и то!

Сальная свечка вспыхнула на столе, и странен был вид её, когда над деревней уже сияли живые лучи красного солнышка...

Народ стал расходиться по домам.

— Аксющенька! Чего там, порешили мужики?..

— Купили! За семьдесят тыщ! И я подписалась, за Павлушку...

— Ври!

— Ей, Богу...

— Где же они денег возьмут?

— Банк даст...

— Господи, кабы так!

— Бог их знает, с ума сошли: экая прорва денег-то!

Не то насмешка, не то радость слышалась в этих словах.

Присутствуя на сходе, я вполне поверил в то, что земля может быть приобретена крестьянами. Я вдруг представил себе полную и яркую картину того, что будет тогда, когда мечтания крестьян о земле, наконец, исполнятся и войдут в плоть и кровь!.. Такая широкая картина довольства кругом, весёлая, радостная... Сколько мыслей, планов зародится в каждой голове! Вся жажда деятельности вдруг проснётся в народе, и проснётся с такой силой, какой он никогда раньше не испытывал, даже в самую счастливую, лучшую пору... Я вспомнил отца Матвея. Вот, — думалось мне, — вот сколько может сделать добра — обдуманного, сознательного добра — христианская, хорошо направленная душа!..

Мы проходили деревней с учителем и невольно наблюдали сцены оживления, что встречались нам всюду по дороге.

— Ну что там, мужики? — спросила нас одна шустрая бабёнка, несшая поилку коровам перед выгоном в поле.

— Покупают, за семьдесят тысяч, — сказал учитель.

— Дорого! — сказала баба, как бы вдумываясь в это смутное для неё по своей громадности число.

В этот день ликовала вся деревня. Разговоры о земле можно было слышать решительно везде: в избах, в полях, на огородах, — лишь бы только столкнулись двое людей. Не только женщины волновались этой новостью, но даже и ребяташки. Праздничное настроение и светлые радостные лица виднелись всюду, словно на Пасху, с появлением первого весеннего солнышка, с таянием льдов и с быстрым течением проснувшейся от зимних снов шумливой речки...

Чем-то всё это дело окончится?

А, впрочем, что же помешает ему окончиться именно хорошо и порадовать за гробом, в селениях праведных, успокоившуюся душу пастыря доброго — отца Матвея?..

Галина ДУДКО

М.

Ни в чём не виновна. Во всём виновата.
Бессонные ночи. Ненужные люди.
Реальность. Потеря. Разлука. Расплата.
И сны на луну — сумасшедшие судьи.

И вот одиночество и покаянье
Знакомо протянут надёжные руки.
Привычно меня поведёт на закланье
Судьбина. Судьбинича. Долища. Ну-ка!

ОДИНОЧЕСТВО

В костяной скорлупе одиночество зреет...
Я его согреваю сама.
Обожаю его и лечу, и лелею...
А вокруг всё зима и зима...
Если рыбой родится — я дам ему море.
Если птицей — всё небо отдам.
Если мышью — пусть вечно ютится в каморе.
Если богом — я выстрою храм.
Я ему заплачу непомерную цену —
Златы горы, лихого коня,
В драгоценное платье его приодену —
Пусть быстрее покинет меня.

ДОМ

Дом разваливался по частям...
Ничего от него не осталось.
Разве только самая малость —
Угол с мышью, живущей там.

Там ещё шелестят голоса.
По ночам, не давая покоя,
Лает пёс. Просыпаются двое
И не смотрят друг другу в глаза...

Там ещё розмарин во дворе..
Подорожник измят на дорожке.
Но не ловят ленивые кошки
Мышь, живущую в тёмной норе.

В ТЕМНОТЕ

Я не плачу, не кричу, не пугаюсь...
Я несу свою свечу — обжигаясь.

Через поле, через жуть, по дорожке
Доберусь куда-нибудь понемножку.

То ли нелюдь, то ли зверь в темнотище...
То ли мука, то ли смерть так и рыщет.

То ль кручина, то ли грусть, непонятно.
Только знаю — не вернусь я обратно.

Я несу свою свечу, зиму грею.
Я ведь больше ничего не умею.

СОН

Сегодня ночью, в тёмном зале,
Покуда вы смотрели сны,
Я странный танец танцевала
На тонкой ниточке струны.
Я в этот час боготворила
Всё то, чем поступилась вам.
И вам навстречу отворила
Я тени от оконных рам.
Я каблуками избивала
Струну до крови, до мольбы!
Мне всё любви казалось мало,
Всё не хватало мне борьбы.
И я струну винила в этом.
А надо было бы мне знать,
Что лето — это просто лето...
И пальцев у ладони — пять.
И я тогда ещё узнала —
Непобедимы ваши сны.
Но всё равно я танцевала
На тонкой ниточке струны.

* * *

Давай мы помолчим без изумленья,
Как я жила, как ты тут поживал,
Как хоронил последний лист осенний,
Как всех своих случайных целовал,
Как без меня, как будто без души,
Как хорошо всегда со мною — возле.
Последний лист слетает и шуршит,
Но мы поговорим об этом после...

ДОРОГА

В этом старом, скрипучем, расшатанном поезде
Мы боимся спешить, а не ехать — нельзя.
Чемодан под рукой, ассигнации в поясе,
И в соседнем купе суетятся друзья.
Знаем, что не доедем, что стрелочник вмазанный
Нам оставить сигнал позабыл на пути.
Мы такие все чуткие, умные, разные...
Никуда не уехать теперь, не уйти.
В самолётах взрываемся, колемся, тонем мы
И предсмертно на всё закрываем глаза.
Мы слетаем с откосов, сжимая ладонями,
Неисправные, сорванные тормоза.

КАРУСЕЛЬ

— Подари мне денежку, подари,
Я на рынок сбегаю до зари.
— А зачем же сбегаешь, милая,
Ты моя родная постылая?
— У дедка у старого, колдуна
Куплю себе крылышки — два рядна.
— А зачем же крылышки, глупая?
Да тебе б с метлою и ступою.
— За спиною крылышки прикручу,
Далеко-далёконько улечу.
— А зачем же, дурочка, далеко?
Иль не сладко дома, иль нелегко?!
— Там живет любимый мой, мой родной.
Всё имеет. Нет лишь меня одной.
— И зачем же, жёнушка, он тебе?
Или опостылело всё в избе?
— А затем, чтоб денежку подарил —
Я на рынок сбегаю до зари.

ТРИ «БЛОКАДНЫХ» КНИГИ

Человек в блокаде. Новые свидетельства / сост. д.и.н. В.М. Ковальчук (отв. ред.), д.и.н. А.И. Рупасов, д.и.н. А.Н. Чистяков; РАН, С.-Петерб. ин-т истории. — СПб.: Остров, 2008. — 272 с.

«Доживём ли мы до тишины?»: записки из блокадного Ленинграда / сост. д.и.н. В.М. Ковальчук (отв. ред.), д.и.н. А.И. Рупасов, д.и.н. А.Н. Чистяков; РАН, С.-Петерб. ин-т истории. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 243 с.

«Я не сдамся до последнего...»: записки из блокадного Ленинграда / сост. д.и.н. В.М. Ковальчук (отв. ред.), д.и.н. А.И. Рупасов, д.и.н. А.Н. Чистяков; РАН, С.-Петерб. ин-т истории. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 212 с.

Все три книги создавались одним авторским коллективом в течение трёх последних лет, начиная с 2008 года. Целью этой работы было пополнение фонда опубликованных свидетельств людей, переживших блокаду. Каждый опубликованный документ предварён небольшой биографической справкой об авторе воспоминаний. В первом сборнике имеется топонимический указатель. Легче ориентироваться в последующих помогают именной и географические указатели.

Государственные и ведомственные архивохранилища содержат колоссальное количество документов, из которых можно почерпнуть многое о ленинградской блокаде — об обстрелах, бомбардировках, голоде, численности погибших и эвакуированных, заболевших алиментарной дистрофией и ставших жертвами каннибализма, о количестве произведённого вооружения, доставленного и распределённого продовольствия...

Но сухие строки отчётов и колонки цифр и чисел в лучшем случае дают читателю некую выписанную в стиле абстрактного экспрессионизма картину, на которой он долго искал бы человека как такового. На этой картине никакая сила красок не способна отразить тот трагизм и мужество, которыми была наполнена жизнь человека в блокадном Ленинграде. И не случайно одна из лучших книг об этом времени — «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина — соткана из рассказов, дневников, воспоминаний.

*Я никогда героем не была.
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героизмовала, а жила.*

*В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурно дышали,
что внуки позазавидовали б нам.*

Ольга Берггольц

Для лучшего и объективного отображения жизни военного, в том числе блокадного, Ленинграда, конечно, нужны приказы и распоряжения, статистика и отчёты. Но невозможно обойтись и без живого — устного или письменного — слова горожан. Немало рассказов ленин-

градцев, переживших блокаду или ушедших во время войны, но успевших оставить свои записи, до сих пор лежат в государственных и семейных архивах.

Первый сборник включил в себя дневники театрального художника Александра Александровича Грязнова (сентябрь 1941 г. — февраль 1942 г.), школьного инспектора Лидии Карловны Заболотской (конец лета 1942 г. — начало июня 1943 г.), ленинградского архитектора Эсфири Густавовны Левиной, учительницы Татьяны Константиновны Великотной. Оформленный в виде обращения к своему сыну, находившемуся в Астрахани, последний охватывает небольшой период: с декабря 1941 по конец марта 1942 года. В отличие от остальных авторов Т.К. Великотной, к сожалению, не удалось пережить блокаду: она умерла 1 апреля 1942 года.

Дневники эти представляют собой поразительный сплав порождённых сиюминутной ситуацией эмоций и мыслей их автора, у которых не было времени на приведение раздумий от только что пережитого в какую-то строгую, литературно обработанную систему. Каждый из них по-своему уникален. Все их авторы, вне

зависимости от своего происхождения, социального положения, менталитета, рисуют нам картину волнующую и потрясающую воображение потомков.

Воспоминания — исторический источник особого рода. Они — результат многочисленных наслоений, в которых его автору никогда не удаётся скрыть от читателя следы влияния того времени, которое протекло после описываемых событий. Но в жизни человека бывают такие периоды и события, которые память хранит исключительно бережно. Воспоминания Тамары Григорьевны Ивановой — небольшие по объёму, но столь же ценные, как и дневники, были написаны специально для этого сборника.

Интервью — это в какой-то мере диалоговое припоминание, в ходе которого между собеседниками вполне достижимы доверительные отношения. Именно это позволяет получать ответы на вопросы, от которых уклонился бы мемуарист, а у автора дневника не хватило бы времени или сил на фиксацию своих размышлений по их поводу. В беседах с бывшими блокадниками — А.В. Андреевым, Г.Н. Игнатовой и Е.И. Образцовой, записанных осенью 2006 года, особое внимание было обращено на физиологические и психологические способы адаптации к блокадным условиям.

Все эти дневники, воспоминания, интервью позволяют буквально увидеть историю блокадного Ленинграда, в которой переплелись трагедия и сила жизни простых людей. И понять, что у каждого жителя осаждённого города была *своя блокада*.

Две следующие книги стали, с одной стороны, продолжением первой публикации, а с другой — началом нового проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши», поставившего себе задачу показать современному читателю блокаду без прикрас, во всей её будничности, где переплетались героическое и трагическое.

Ленинградский институт истории ВКП(б) проводил с 1942 года в течение нескольких лет работу по сбору дневников, записных книжек и стенографируемых рассказов о жизни и деятельности мирных горожан, воинов, защищавших Ленинград, и партизан. Возник поистине бесценный фонд, насчитывающий многие сотни документов. Рассказы горожан, записанные в военные и первые послевоенные годы, стали основой второго и третьего сборников.

Стенограммы сообщений заместителя начальника Ленинградского торгового порта Бориса Львовича Бернштейна и исполняющего обязанности управляющего Ленинградской городской конторой Госбанка Александра Степановича Саванина вошли во второй сборник, а в третий — директора филиала судостроительного завода им. Жданова (на территории Кировского района) П.И. Сеничева и заведующего военным отделом Володарского районного комитета ВКП(б) В.М. Пименова.

Эти рассказы важны для восстановления объективной картины жизни военного Ленинграда, в том числе и осадного времени, и исключительно интересны для понимания психологии человека и коллективов, оказавшихся в экстремальной ситуации. Хотя они и не отличаются порой красотой слога, однако не могут не удивлять своей предельной искренностью и позволяют нам буквально *увидеть* умиравший, но не умерший город, его жителей, заставляют нас сопереживать их страданиям, гордиться стойкостью и мужеством.

Страницы дневника Ирины Дмитриевны Зеленской (7 июля 1941 — 6 мая 1943) — инженера 7-й ГЭС и ленинградского актёра Феодосия Александровича Грязнова (сентябрь 1941 — февраль 1944, Ленинград и Боровичи) дают нам замечательную возможность прочувствовать состояние обычного человека в переломное время. Они наполнены теми деталями бытовой жизни, которых часто не хватает для воссоздания картин блокадного существования.

Нельзя не сказать о высоком духе авторов дневников, воспоминаний и интервью, опубликованных во всех трёх сборниках. Конечно, были минуты слабости и даже отчаяния — это нашло отражение на страницах некоторых материалов, но вера в победу, в скорое избавление от тягостей блокады всё-таки преобладали.

Но, пожалуй, самым ценным в публикуемых документах являются наблюдения и описания, размышления и оценки различных эпизодов жизни ленинградцев, протекающей в условиях невероятных физических и психологических потрясений и нагрузок. На первый взгляд они кажутся мелкими и частными, но именно благодаря им перед нами предстаёт весь спектр человеческих взаимоотношений, ибо война, подобно любому бедствию, обнажает хорошее и плохое в человеке. Авторы пишут и рассказывают о помощи, которую оказывали порой незнакомые друг другу горожане (кусочек хлеба, кружка кипятка и несколько граммов глюкозы, отданные разными людьми и спасшими чью-то жизнь) и об эгоизме родственников или знакомых, о равнодушии власть предержащих... Блокада оказалась тяжёлым испытанием. *«Я чувствую, что изменился совсем. Изменилась и точка зрения на всё»*, — заканчивает свой рассказ Б.Л. Бернштейн. *«За эти три года мы прожили много эпох и много жизней»*, — констатировала в своём дневнике Э.Г. Левина.

Размышляя о значении своего дневника для будущей истории обороны города, Л.К. Заболотская справедливо заметила, что *«чувства рядового ленинградца (а мои чувства и мысли — это чувства и мысли большинства) тоже интересны для истории и что люди, которых, может быть, не всегда полно я показываю в нём, тоже интересны для истории»*. Её дневник, равно как и остальные документы, публикуемые в трёх сборниках, — это ещё несколько штрихов, необходимых для создания правдивой и беспристрастной истории блокадного Ленинграда.

Тереза Мареш

НОВГОРОДСКИЙ СЮЖЕТ

Великий Новгород в книге Бенедикта Зентары
«Древняя Россия. Деспотизм и демократия»

В начале 80-х гг. XX в. Бенедикт Зентара написал книгу об истории России со средневековья до начала XIX века. Книга «Деспотизм и демократические традиции в истории древней России» (первое название) была издана в 1983 году в издательстве «Библиотека военного наблюдателя». Тираж брошюры был небольшой, но, тем не менее, она быстро «разошлась» среди читателей. Второй раз книга увидела свет много лет спустя, после смерти автора, благодаря Брониславу Новаку и Иерониму Граалю при поддержке Института истории Варшавского университета. Это издание субсидировали Фонд Стефана Батория и Министерство образования. Профессор Бронислав Новак на основании экземпляра, принадлежавшего жене автора Марии Зентаре, издал в 1995 году книгу «Древняя Россия. Деспотизм и демократия»².

На обложке вновь изданной книги Бенедикта Зентары помещена миниатюра из рукописи XVIII в. «Соборное уложение 1649 года». Помимо текста книги Бенедикта Зентары, издание включает Введение, написанное Брониславом Новаком, и Послесловие доктора исторических наук А.Л. Хорошкевич, а также Библиографию, составленную Иеронимом Граалем. Последний является и автором комментариев к иллюстрациям издания.

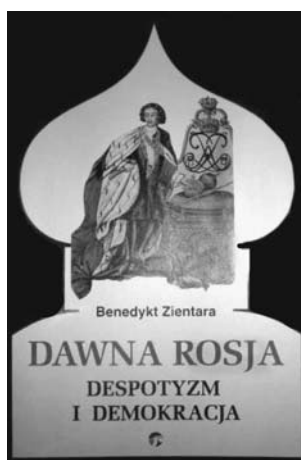
Книга Бенедикта Зентары была написана во времена «антирусских» настроений в Польше. Однако мудрость и опыт исследователя, каким был Б. Зентара, стали предпосылками к созданию в меру объективной (если вообще можно говорить об объективном историческом повествовании) книги.

Автор обратил особое внимание на те моменты в истории России, в которых проявились демократические стремления общества, выступающего в защиту личности перед деспотизмом. Источники русского либерализма и демократического движения Зентара видел в демократических традициях Великого Новгорода и

земских соборов XVII в., а также стремлениях шляхты к ограничению царской власти. Он указал на значение международных контактов России для формирования независимой политической мысли и преодоления суеверий и консервативного шовинизма.

Немало места в своей книге Зентара посвятил новгородско-псковской Руси. Как заметил автор, там развился уже в XI–XII вв. особый строй, сформировался некий тип феодальной демократии. Размышляя об этом, Зентара подчеркнул, что его существование «является отрицанием тезиса о неотвратимом союзе русской психики с повиновением перед грубой силой деспотизма».

Зентара отметил, что, несмотря на то, что Великий Новгород был колыбелью династии Рюриковичей, он никогда не становился столицей ни одной из веток этой династии. Потому что сами новгородцы неохотно сносили доминирование Киева и достаточно часто поднимали бунт против столицы. Новгород восполнялся ослабевающей позицией киевских правителей — с 1136 г. после изгнания неугодного новгородцам князя стали выбирать его на новгородском вече. Новгородцы также сами выбирали посадника, тысяцкого — начальника ополчения и кандидата в архиепископы. Зентара указал на слабую позицию новгородских князей, выбранных на вече, взаимоотношения с которым четко регулировались договором. Князь новгородский командовал княжеской дружиной, был самым высоким судьей, однако всё время находился под контролем и посадника, и архиепископа. С течением времени наряду с Рюриковичами на княжение стали приглашать литовских князей. Как подчеркнул Зентара — несмотря на формальное существование князя и наличие его имени в документах, Новгород был республикой. Сами жители города с гордостью подчёркивали факт, что не подчиняются повелителям. «Официальное название — Господин Великий Новгород — указывало на суверенность республики». Далее Зентара поясняет читателю, что Новгород не был городом-государством в понимании древних городов или итальянских республик. Его суверенность распространялась на территории, простиравшиеся к Белому морю и Ледовитому океану и — до Урала. Теоретически судьбу государства могли решать все свободные христиане (на вече), но на практике его судьбу решала олигархия (бояре-землевладельцы, купцы и высшее духовенство). В важные

¹ Бенедикт Зентара (1928–1983) — польский историк, медиевист, преподаватель Варшавского университета, специалист по истории польского и всеобщего средневековья, истории восточных соседей Польши.

² B. Zientara. Dawna Rosja. Despotyzm i demokracja. Wydawnictwo TRIO, Warszawa, 1995. (Б. Зентара. Древняя Россия. Деспотизм и демократия. Варшава, 1995. 159 с., илл.)

исторические моменты к голосованию были допущены новгородские ремесленники и городская беднота. В вече не участвовали только крестьяне.

Несмотря на то, что собрания в разных русских городах были уже в X в., нигде, кроме Новгорода, не произошло преобразования вече в постоянное политическое учреждение, контролирующее правительство. Вече новгородское происходило на площади, называемой Ярославовым или Княжеским двором (в память о законодателе Ярославе Мудром). На площади стояла трибуна (степень) — на ней происходили выступления. Вече решало, но предложения готовил ему «совет господ». Были это служащие, старосты концов и бывшие посадники и тысяцкие. В совете большая роль принадлежала боярам и богатым купцам. Несмотря на столь высокое признание вече, автор книги «опускает читателя на землю» — он констатирует, что не надо идеализировать новгородскую демократию, так как решения, принимаемые на вече, были приняты «большинством голосов», но этих голосов никто не считал — побеждала группа, поднимающая большой крик. Раздоры и споры между участниками вече часто кончались уличными драками и попытками сбросить оппонентов с моста в реку Волхов. На вече созывали звуком колокола со звонницы. Колокол этот был символом свободы республики (Иван Грозный увёз его в Москву — в ознаменование конца независимости Новгородской республики).

Продолжая, Зентара раскрывает читателю принцип новгородской демократии. Автор повествует о самоуправлении «концов» и улиц, у которых были собственные власти, старосты и другие выборные должности. Несмотря на равенство всех перед законом, управление городом осуществляли представители боярства и торгового сословия, так называемые «житыи люди». С XIII века в Новгороде действовал принцип личной и имущественной неприкосновенности свободного человека. Лишить этой свободы мог исключительно судебный приговор. Купцы готландские и ганзейские, находящиеся в Новгороде, владели автономией, проживая в собственных дворах и церквях. С XI столетия на территории Новгорода летописи упоминают городские концы, у которых были свои вече. Однако в республиканскую эпоху главным выборным лицом Новгорода был посадник, избиравшийся всем городом. Случалось, что новгородские «пригороды» становились самостоятельными, как сделал это в 1347 году Псков.

Владими́ро-Сузда́льские князья трудно уживались с Новгородом, политическими свободами его жителей, а также контактами с латинским миром. С течением времени против свобод Новгорода выступил князь московский, стремившийся к единовластию. К нему присоединился и православное духовенство, видевшее в новгородцах еретиков, которые «продавали душу папистам, союзным с „литовским королём“ — почти антихристам». В самом Новгороде шла борьба между боярскими группировками и возникали социальные конфликты. Подавляемое бедное население стало взывать к помощи Москвы. Постепенно от Новгорода отрывались пригороды, выступавшие против «родного» города. Некоторые из них (например, Вологда, Заволочье) сразу были приняты Москвой.

Антиновгородская политика московских князей совпала с процессом ликвидации политической раздробленности Руси. Как заметил Зентара: «Борьба за Новгород была борьбой за национальное объединение. Это объединение, однако, должно было совершиться под деспотической властью, способной уничтожить новгородские демократические традиции». Великий князь Василий II Тёмный в 1456 году победил новгородцев под Руссой и заставил признать свою власть и отречься от самостоятельной внешней политики.

Отдельные страницы автор посвятил последним попыткам новгородцев удержать независимость. В поисках поддержки против Москвы новгородцы в 1479 году заключили соглашение о передаче города под власть польского короля Казимира Ягеллончика. Религиозная терпимость и растущая роль общественного представительства в принятии политических решений в государстве Ягеллонов представлялась новгородцам, как написал Зентара, «лучшей гарантией будущего, чем московское единовластие». Помощь новгородцам из Литвы не подошла, а сын Василия II — Иван III — 14 июля 1471 года разгромил новгородское ополчение на реке Шелонь. Новгород выстоял ещё несколько лет, но в январе 1478 года окончательно капитулировал и вошёл в состав империи московских князей. Тысячи людей (среди них бояре и купцы) были высланы вглубь Московского государства, а их место заняли москвичи. Зентара подытожил: «Независимость города окончилась». Это совпало с ликвидацией удельной раздробленности и с общим для Руси стремлением к объединению и ликвидации униженного татарского ярма. Как констатировал Зентара, «сепаратизм новгородский мог сойти за анахронизм».

Подытоживая вышесказанное представление строя Новгорода и путь его ликвидации, Зентара отметил, что новгородцы до конца подчёркивали, что они «вольные люди». Были преданы забвению прежние внутренние конфликты, а самым важным стала защита свободы от деспотизма. Зентара здесь указал, что Радищев, декабристы или Герцен слишком идеализировали миф новгородской свободы и указывали на неё как на отечественный образец будущей русской демократии. Зато официальная советская историография, по мнению Зентары, шла в противоположную сторону — прямо восхваляла государство и его экспансию, одновременно осуждая новгородцев как изменников и польско-литовских агентов. Заканчивая, Зентара констатировал: «Ценой объединения была новая модель государства, чуждая древнерусским традициям, модель, отдающая в руку повелителям неделимое решение о судьбе подданных».

Книга Бенедикта Зентары «Древняя Россия. Деспотизм и демократия» в первой декаде XXI века переживает свой очередной ренессанс. Во многих учебных заведениях на занятиях по истории и международным отношениям часто обмениваются ею как рекомендованной студентам в списках литературы для чтения. В книгу Бенедикта Зентары заложена огромная, глубокая и непоколебимая вера в возможность демократического пути развития России — даже тогда, когда она ещё входила в состав СССР.

Информация об авторах

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Николаевна, член Союза писателей России, г. Великий Новгород.

АНТОНОВА Любовь Вениаминовна, врач-офтальмолог, краевед, г. Санкт-Петербург.

БАРКАНОВА Елена Владимировна, главный редактор альманаха «Чело», действительный член НОЛД, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

БЕССУДНОВА Марина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЛГПУ, г. Липецк.

ВИТУШКИН Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

ВОЛОДИНА Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НГОМЗ, доцент кафедры художественной и пластической обработки материалов НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ДАНКОВ Михаил Юрьевич, научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея, президент КРОО «Осударева дорога», г. Петрозаводск.

ДАНЬКО Татьяна Александровна, заведующая отделом краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки, г. Великий Новгород.

ДУДКО Галина, театральная режиссёр, поэтесса, г. Вупперталь, Германия.

ЕГОРОВ Яков Егорович (1857–1902), крестьянский писатель.

ИЛЬИЧЕНКО Элеонора Валерьевна, аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

КОНИВЕЦ Анна Валентиновна, старший научный сотрудник Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

КОНОНОВА Елена Михайловна, художник-реставратор, научная реставрационная мастерская «Фреска», г. Великий Новгород.

КУЛИНИЧЕВА Мария Константиновна, редактор аль-

манаха «Чело», г. Великий Новгород.

ЛЯШКО Алексей Андреевич, Почётный строитель России, ветеран труда, г. Великий Новгород.

МАРЕШ Тереза, адъюнкт Института истории Университета Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша.

МАРКИНА Галина Кузьминична, старший научный сотрудник ОПИ НГОМЗ, г. Великий Новгород.

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотекарь Научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

РОМАШОВА Вера Ивановна (1931–2007), кандидат исторических наук.

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

САФОНОВ Михаил Михайлович, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург.

СЕВАНДЕР Стелла, преподаватель кафедры языковых исследований Гуманитарного факультета университета Умео, Швеция.

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, старший научный сотрудник ОПИ НГОМЗ, г. Великий Новгород.

СЕМЁНОВ Владимир Михайлович, — корреспондент Чудовской районной газеты «Родина», краевед, г. Чудово.

СИМОНОВ Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и ВОВ, г. Санкт-Петербург.

ТИМОФЕЕВ Владимир Владимирович, директор политехнического института НовГУ им. Ярослава Мудрого, заведующий кафедрой технологии машиностроения, профессор, Лауреат премии Правительства в области образования 2007 года, г. Великий Новгород.

ФИЛИППОВА Людмила Андреевна, историк, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

ЯРЫШ Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, руководитель студии декоративно-прикладного искусства «Новгородская береста» Городского дворца культуры, член Союза художников России, г. Великий Новгород.

*Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 30.06.2010. Заказ № 754. Бумага 80 г/м².
Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Над номером работали:

Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Ведущий программист — И.П. Смирнова
Редактор — М.К. Кулиничева

Художественное оформление — В.И. Поветкин